

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
от 11 декабря 2012 г. ПИ № ФС77-52135

В записи о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76216 от 12.07.2019 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Глазьев С.Ю. (Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Азоев Г.Л. (Государственный университет управления, г. Москва)
Акаев А.А. (Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, г. Москва)
Афанасьев В.Я. (Государственный университет управления, г. Москва)
Ашмарина С.И. (Самарский государственный экономический университет, г. Самара)
Буренко В.И. (Московский гуманитарный университет, г. Москва)
Ваганова О.В. (Белгородский государственный национальный исследовательский
университет, г. Белгород)
Волох В.А. (Государственный университет управления, г. Москва)
Грошев И.В. (Государственный университет управления, г. Москва)
Филипп Джордж (Ксавьерский институт менеджмента и предпринимательства, Индия)
Егоршин А.П. (Нижегородский институт экономики и менеджмента,
г. Нижний Новгород)
Зайцев А.Г. (Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, г. Орел)
Иванова О.П. (Новгородский государственный университет имени Ярослава
Мудрого, г. Великий Новгород)
Коротков Э.М. (Государственный университет управления, г. Москва)
Латфуллин Г.Р. (Государственный университет управления, г. Москва)
Линник В.Ю. (Государственный университет управления, г. Москва)
Морозова Е.Г. (Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва)
Мюллер-Штевенс Г. (Международный институт менеджмента Университета
Санкт-Галлена, Швейцария)
Перетти Жан-Мари (Высшая школа экономики и коммерции Парижа (ESSEC)
и Университета Корсики, Франция)
Першуков В.А. (Российская академия естественных наук, г. Москва)
Плахин А.Е. (Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург)
Попова Е.В. (Кубанский государственный аграрный университет имени
И.Т. Трубилина, г. Краснодар)
Райченко А.В. (Государственный университет управления, г. Москва)
Романов Р.М. (Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва)
Руденко М.Н. (Пермский государственный исследовательский университет, г. Пермь)
Сакульева Т.Н. (Государственный университет управления, г. Москва)
Святлов С.А. (АО «ForteBank», АО «Университет Нархоз», Казахстан)
Синг Анеш (Университет Квазулу-Наталь, ЮАР)
Сороко А.В. (Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва)
Уколов В.Ф. (Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС»
(Институт), г. Москва)
Федченко А.А. (Воронежский государственный университет, г. Воронеж)
Хорин А.Н. (Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, г. Москва)
Чудновский А.Д. (Государственный университет управления, г. Москва)
Шабров О.Ф. (Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва)
Шамшиев Ч.Б. (Центр экономических исследований университета Париж VIII, Франция)
Шольц Маркус (Школа бизнеса Университета Пфюрцхайм, Германия)
Шомова С.А. (Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», г. Москва)
Щербинин А.И. (Томский государственный университет, Институт политических
исследований, г. Томск)
Эришвили Н.Д. (Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
Государственный университет управления, г. Москва)
Язев В.А. (Азиатская парламентская ассамблея, г. Москва)
Яковлев А.Ю. (Государственный университет управления, г. Москва)
Яковлева Н.О. (Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск)

Главный редактор

Грошев И.В. – д-р экон. наук, д-р психол. наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Заместители главного редактора:

Линник В.Ю. – д-р экон. наук
Сакульева Т.Н. – канд. экон. наук
Чудновский А.Д. – д-р экон. наук

Ответственный за выпуск

Алексеева Л.Н.

Редактор

Капарчук А.Д.

Выпускающий редактор и компьютерная верстка

Гусева Е.А.

Технический редактор

Волкова А.Р.

Миссия журнала – формирование международного уровня представления научных
исследований и информации об управлении.

Тематические направления публикаций: государственное и муниципальное
управление; межотраслевой менеджмент; управление в сфере экономики: проблемы
и перспективы; управление процессами; информационные технологии в управлении;
вызовы и угрозы, политический дискурс.

Целевая аудитория журнала – экономисты-исследователи, ведущие практики,
руководители федеральных и региональных органов власти, топ-менеджеры
и аналитики, преподаватели и студенты вузов.

**Журнал входит в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соиска-
ние ученой степени доктора наук по направлениям:**

- 5.2.1 «Экономическая теория (экономические науки)»;
- 5.2.2 «Математические, статистические и инструментальные методы
в экономике (экономические науки)»;
- 5.2.3 «Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)»;
- 5.2.4 «Финансы (экономические науки)»;
- 5.2.5 «Мировая экономика (экономические науки)»;
- 5.2.6 «Менеджмент (экономические науки)»;
- 5.5.1 «История и теория политики (политические науки)»;
- 5.5.2 «Политические институты, процессы, технологии (политические
науки)»;
- 5.5.3 «Государственное управление и отраслевые политики (полити-
ческие науки)»;
- 5.5.4 «Международные отношения (политические науки)».

Статьи доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
 («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), согласно которой возможно неограниченное распространение
и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора
и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии
с правилами научного цитирования.

Подписано в печать 25.12.2023

Формат 60х90/8

Объем 19,5 печ. л.

Бумага офсетная

Тираж 1000 экз.

(первый завод 45 экз.)

Заказ № 1403

На сайте «Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-ru.ru можно
оформить подписку на 2024 год на печатную версию журнала «Управление»
по подписному индексу 79129, а также подписаться через интернет-магазин
«Пресса по подписке» <https://www.akc.ru>

Издательство: Издательский дом ГУУ (Государственный университет
управления), 109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Все публикуемые статьи прошли обязательную процедуру рецензирования

Адрес редакции:

109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Тел.: (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.upravlenie.guu.ru>

UPRAVLENIE / MANAGEMENT (Russia)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Available in print from 2013

Published quarterly

Volume 11 No. 4 2023

Founder:

Federal Government Budget Education Institution of Higher Education "State University of Management"
99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russia

Registration mass-media license PI No. FS77-52135

December 11, 2012.

Changes have been made to the registration record

Registration number PI No. FS 77-76216 from July 12, 2019

CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD

S.Yu. Glaz'ev (Glaziev S.) (Lomonosov Moscow State University, Moscow)

EDITORIAL BOARD

V.Ya. Afanasyev (State University of Management, Moscow)

A.A. Akaev (National Research University Higher School of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow)

S.I. Ashmarina (Samara State University of Economics, Samara)

G.L. Azoev (State University of Management, Moscow)

V.I. Burenko (Moscow University for the Humanities, Moscow)

A.D. Chudnovskii (State University of Management, Moscow)

A.P. Egorshin (Nizhny Novgorod Institute of Economics and Management, Nizhny Novgorod)

N.D. Eriashvili (Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation, State University of Management, Moscow)

A.A. Fedchenko (Voronezh State University, Voronezh)

I.V. Groshev (State University of Management, Moscow)

O.P. Ivanova (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod)

A.N. Khorin (Lomonosov Moscow State University, Moscow)

E.M. Korotkov (State University of Management, Moscow)

G.R. Latfullin (State University of Management, Moscow)

V.Yu. Linnik (State University of Management, Moscow)

E.G. Morozova (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)

G. Müller-Stewens (International Institute of Management at San-Gallen University, Switzerland)

J.M. Peretti (Higher School of Economics and Commerce Paris (ESSEC) and the Corsica University, France)

V.A. Pershukov (Russian Academy of Natural Sciences, Moscow)

A.E. Plakhin (Ural State University of Economics, Yekaterinburg)

E.V. Popova (Kuban State Agrarian University, Krasnodar)

J. Philip (Xavier Institute of Management and Entrepreneurship, India)

A.V. Raichenko (State University of Management, Moscow)

R.M. Romanov (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)

M.N. Rudenko (Perm State University, Perm)

T.N. Sakul'eva (State University of Management, Moscow)

Marcus Scholz (Business School at Pforzheim University, Germany)

O.F. Shabrov (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)

Ch.B. Shamshiev (Center for Economic Research, University Paris, France)

A.I. Shcherbinin (Tomsk State University, Institute for Political Studies, Tomsk)

S.A. Shomova (National Research University Higher School of Economics, Moscow)

A.M. Singh (University KwaZulu-Natal, SAR)

A.V. Soroko (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)

S.A. Svyatov (JSC ForteBank, JSC University of Narchos, Kazakhstan)

V.F. Ukolov (Moscow International Higher School of Business MIRBiS (Institute), Moscow)

O.V. Vaganova (Belgorod State University, Belgorod)

V.A. Volokh (State University of Management, Moscow)

V.A. Yazev (Asian Parliamentary Assembly, Moscow)

A.Yu. Yakovlev (State University of Management, Moscow)

N.O. Yakovleva (South Ural State University, Chelyabinsk)

A.G. Zaitsev (Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel)

Editor-in-Chief

I.V. Groshev – Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Psy.), Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation

Deputy Editors-in-Chief

V.Yu. Linnik – Dr. Sci. (Econ.)

T.N. Sakul'eva – Cand. Sci. (Econ.)

A.D. Chudnovskii – Dr. Sci. (Econ.)

Responsible for issue

L.N. Alekseeva

Editor

A.D. Kaparchuk

Executive editor and desktop publishing

E.A. Guseva

Technical editor

A.R. Volkova

The journal's mission is to create an international level of scientific research and management information.

Thematic areas of publications: state and municipal administration; m-sector management, management in the economy: problems and prospects; process management; information technology in management; challenges and threats; political discourse.

The magazine's target audience are research economists, leading practitioners, heads of Federal and regional authorities, top managers and analysts, teachers and university students.

The journal is included in the list of Higher Attestation Commission (Russia Federation) of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of dissertations on competition of a scientific degree of candidate of sciences and on competition of a scientific degree of doctor of sciences must be published in the fields:

- 5.2.1 "Economic theory (economic sciences)";
- 5.2.2 "Mathematical, statistical and instrumental methods in economics (economic sciences)";
- 5.2.3 "Regional and sectoral economics (economic sciences)";
- 5.2.4 "Finance (economic sciences)";
- 5.2.5 "World economy (economic sciences)";
- 5.2.6 "Management (Economic Sciences)";
- 5.5.1 "History and Theory of Politics (political sciences)";
- 5.5.2 "Political institutions, processes, technologies (political sciences)";
- 5.5.3 "Public administration and sectoral policies (political sciences)";
- 5.5.4 "International relations (political sciences)".

 The articles are available under the Creative Commons Attribution 4.0 International CC BY 4.0, according to which unlimited distribution and reproduction are possible in any medium. The author's name, references and original sources have to be shown in accordance with scientific citation rules
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Signed to print 25.12.2023

Format 60x90/8

Size is 19,5 printed sheets

Offset paper

Circulation 1000 copies

(the first factory 45 copies)

Print order № 1403

Publishing: State University of Management, Publishing house
99 Ryazansky prospekt, Moscow, 109542, Russia

All published articles have undergone a mandatory review process

Editor office:

99 Ryazansky prospekt, Moscow, 109542, Russia, State University of Management

Tel.: (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.upravlenie.guu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖОТРАСЛЕВОЙ МЕНЕДЖМЕНТ

Обеспечение мер стимулирования отрасли микроэлектроники в рамках достижения технологического суверенитета	
<i>Дегтярева В.В.</i>	5
Развитие интеллектуализации промышленности России: стратегический подход	
<i>Зеленцова Л.С., Уколов В.Ф., Тихонов А.И.</i>	17
Процесс эффективного управления Евроазиатской транспортной системой на условиях интеграции	
<i>Пустынникова Е.В.</i>	25

УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Бюджетно-налоговая политика на современном этапе и ее роль в формировании бюджетов различных уровней	
<i>Зотиков Н.З.</i>	35
Эволюция стресс-тестирования финансовых институтов	
<i>Кузнецова В.В., Ларина О.И.</i>	45
Дифференциация личных доходов по автономным областям Испании	
<i>Митрошин И.В.</i>	55
Приоритетные направления поддержки малого и среднего предпринимательства в рамках инновационной политики	
<i>Симонов С.В., Осипов В.С.</i>	68
Кластерный подход к развитию механизма экспорта продукции сельскохозяйственного предприятия	
<i>Сучкова Н.Р.</i>	79
Экономическое поведение субъектов рынка земель сельскохозяйственного назначения	
<i>Трофимова В.И.</i>	90

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССАМИ

Стратегическое планирование в наукоемких дочерних обществах вертикально интегрированных нефтегазовых компаний на основе принципов партисипации	
<i>Качалкина К.Г., Котов Д.В.</i>	100

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УПРАВЛЕНИИ

Затраты и выгоды информационной безопасности бизнеса	
<i>Козырь Н.С.</i>	110

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

Региональные экономические диспропорции и устойчивость региональных экономических систем в условиях санкций 2022 г.	
<i>Афонин С.Е., Осипов В.С.</i>	119
Изменения на рынке человеческих ресурсов как ключевой фактор политических решений	
<i>Рязанова Г.Н.</i>	129

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Особенности трансформации общекультурных и политических ценностей в России	
<i>Неволин Б.С., Ницевич В.Ф.</i>	138
Политическая активность населения России в первой трети XX в. на примере движения за создание Крестьянского союза	
<i>Чувардин Г.С., Иванов В.Г., Нестерчук О.А., Ницевич В.Ф., Судоргин О.А.</i>	149

CONTENTS

MANAGEMENT IN VARIOS INDUSTRIES

Providing incentives for the microelectronics industry as a part of achieving technological sovereignty <i>V.V. Degtyareva</i>	5
Russian industry intellectualization development: Strategic approach <i>L.S. Zelentsova, V.F. Ukolov, A.I. Tikhonov</i>	17
Process of effective management of the Eurasian transport system on the terms of integration <i>E.V. Pustynnikova</i>	25

MANAGEMENT IN ECONOMY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Budgetary and tax policy at the present stage and its role in forming budgets of different levels <i>N.Z. Zotikov</i>	35
Evolution of stress testing of financial institutions <i>V.V. Kuznetsova, O.I. Larina</i>	45
Differentiation of personal income by the autonomous regions of Spain <i>I.V. Mitroshin</i>	55
Priority areas of support for small and medium-sized enterprises within the framework of innovation policy <i>S.V. Simonov, V.S. Osipov</i>	68
Cluster approach to the development of the mechanism of export of agricultural enterprise products <i>N.R. Suchkova</i>	79
Economic behavior of agricultural land market subjects <i>V.I. Trofimova</i>	90

PROCESS MANAGEMENT

Strategic planning based on participation principles in science-intensive subsidiaries of vertically integrated oil and gas companies <i>K.G. Kachalkina, D.V. Kotov</i>	100
---	-----

MANAGEMENT INFORMATION TECHNOLOGIES

Costs and benefits of business information security <i>N.S. Kozyr</i>	110
--	-----

THREATS AND CHALLENGES

Regional economic disproportions and sustainability of regional economic systems under the 2022 sanctions <i>S.Ye. Afonin, V.S. Osipov</i>	119
Changes in the human resources market as a key factor of political decisions <i>G.N. Ryazanova</i>	129

POLITICAL DISCOURSE

Peculiarities of general cultural and political values transformation in Russia <i>B.S. Nevolin, V.F. Nitsevich</i>	138
Russian population's political activities in the first third of the XX century on the example of the Peasant Union creation movement <i>G.S. Chuwardin, V.G. Ivanov, O.A. Nesterchuk, V.F. Nitsevich, O.A. Sudorgin</i>	149

Обеспечение мер стимулирования отрасли микроэлектроники в рамках достижения технологического суверенитета

Дегтярева Виктория Владимировна

Канд. экон. наук, доц. каф. управления инновациями

ORCID: 0000-0002-1165-1373, e-mail: iump@mail.ru

Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

Аннотация

Правительством Российской Федерации реализуются комплексные меры по противодействию санкциям, стабилизации экономики, восстановлению экономической безопасности и достижению технологического суверенитета. Рассматриваются законопроектные меры по закрытию лагун, предпринимаются меры по поддержке отечественных предприятий в сфере приоритетных направлений развития экономики. Повсеместное финансирование обширного ряда проектов невозможно, поэтому автором настоящего исследования признается целесообразным рассмотрение расстановки приоритетов в соответствии с определенными критериями, такими как размер отрасли, участие в цепочках создания ценности, эффективность и работоспособность отрасли на текущий момент. Для рассматриваемой отрасли микроэлектроники важно учесть состояние показателей межотраслевых балансов для формирования заказов и сохранения экономического равновесия, так как ее производственные продукты потребляются практически во всех отраслях экономики в связи с проникновением цифровизации на разных уровнях. Цель данной статьи заключается в выявлении тенденций мировой экономики, анализе и прогнозировании действий основных участников, анализе отечественной отрасли микроэлектроники, а также рационализаторских предложениях на основе собранных данных. Предложения заключаются в создании условий взаимодействия институтов инновационного развития с группами образовательных учреждений с целью реализации совместных проектов по созданию инноваций. Методологической основой для построения модели послужили современные работы в исследуемой области. В статье рассмотрены основные причины и проблемы, препятствующие выходу отраслей экономики из критического состояния в рамках достижения технологического суверенитета, проанализировано текущее состояние отрасли микроэлектроники в сложившейся геополитической обстановке, предложены внешние и внутренние пути расшития «узких мест» в виде мер по стимулированию создания сквозных технологий.

Ключевые слова: микроэлектроника, локализация промышленного производства, геополитическая ситуация, санкции, международное партнерство, технологический суверенитет, инновации, межотраслевые балансы, цифровизация, лагуны

Для цитирования: Дегтярева В.В. Обеспечение мер стимулирования отрасли микроэлектроники в рамках достижения технологического суверенитета // Управление. 2023. Т. 11. № 4. С. 5–16. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-5-16

Providing incentives for the microelectronics industry as a part of achieving technological sovereignty

Viktoria V. Degtyareva

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Innovation Management Department

ORCID: 0000-0002-1165-1373, e-mail: iump@mail.ru

State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

Abstract

The Government of the Russian Federation is implementing comprehensive measures to counter sanctions, stabilize the economy, restore economic security, and achieve technological sovereignty. Draft laws to close lacunas are being considered, and measures taken to support domestic enterprises in the sphere of economic development priority areas. It is impossible to universally finance a wide range of projects, so the author of the article recognizes expediency of considering prioritization according to certain criteria, such as size of the industry, participation in value chains, efficiency, and operability of the industry at the moment. For the microelectronics industry, it is important to consider state of inter-industry balance indicators to generate orders and maintain economic equilibrium, as its manufactured products are consumed in almost all sectors of the economy due to digitalization penetration at different levels. The purpose of the study is to identify trends in global economy, analyze and predict actions of major players, analyze the Russian microelectronics industry, and rationalize suggestions based on the data collected. The suggestions are to create conditions for innovative development institutions interaction with groups of educational institutions in order to realize joint projects to create innovations. The methodological basis for building the model was provided by modern works in the researched area. The article considers main causes and problems preventing industries from getting out of the critical state within the framework of achieving technological sovereignty, analyzes current state of the microelectronics industry in the current geopolitical situation, and proposes external and internal ways to expand the ‘bottlenecks’ in the form of measures to stimulate end-to-end technologies creation.

Keywords: microelectronics, localization of industrial production, geopolitical situation, sanction, international partnership, technological sovereignty, innovation; intersectoral balances, digitalization, gaps

For citation: Degtyareva V.V. (2023). Providing incentives for the microelectronics industry as a part of achieving technological sovereignty. *Upravlenie / Management (Russia)*, 11 (4), pp. 5–16. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-5-16

Введение / Introduction

В связи с текущей геополитической ситуацией Российская Федерация (далее — Россия, РФ) и Республика Беларусь подверглись беспрецедентному ряду санкционных ограничений от недружественных стран коллективного запада. Отечественная экономика во многом стала еще более зависима от импорта, и текущие ограничения стали серьезным ударом по ней. Главными приоритетами российской экономики на данный момент являются сглаживание последствий и адаптация к новым условиям. В связи с этим изучение состояния приоритетных отраслей экономики в сложившейся обстановке и предложения по совершенствованию и модернизации их развития являются актуальным и беспрецедентным вопросом, требующим глубокой проработки.

Текущая геополитическая ситуация, ее причины и пути развития ситуации рассмотрены в большом числе публикаций. Общие вопросы перехода к новому мировому экономическому порядку и влияния санкций изложены отечественными учеными [Спартак, 2022]. Существующие проблемы импортозамещения в сфере микроэлектроники и преодоления дефицита освещаются в работах экспертов, которые дают некоторые предпосылки к решению данных проблем, но не в полной мере [Синицына, 2022; Шайхутдинова, 2022; Белоусова, 2022]. Проблемы импортозамещения возникли уже в 2014 г., после введения первых санкционных пакетов и ограничений. Так, исследователями были освещены проблемы, связанные с зависимыми отраслями оборонно-промышленного комплекса [Петрушков, 2015].

Цифровизация промышленных производств требует определенных изменений и пересмотра межотраслевых балансов, и в связи с этим отрасль микроэлектроники и полупроводников является базисной для всех остальных [Зимовец, 2022]. Особенности отечественной промышленной политики, представленные в исследовании Ю.В. Симачева, А.А. Федюниной и М.Г. Кузыка, подтверждают высокую зависимость от импорта для отрасли производства компьютеров электронного и оптического оборудования [Симачев, 2022].

Правительство РФ также ставит задачи технологического развития государства, принимая во внимание, например, предшествующий опыт реализации стратегических документов. Основные вехи развития и инновационные бизнес-модели полупроводниковой отрасли имеют большую важность для формирования эффективных мер стимулирования исследуемой отрасли [Xiu, 2022]. Зарубежные авторы изучали взаимосвязь образовательных учреждений и их влияние на эффективность развития

отрасли полупроводников [Rajah Rasiah, 2021]. Можно отметить, что сложившая статистика и практика развития отрасли микроэлектроники, описанная исследователями с разных сторон, может быть дополнена особенностями российских реалий для формирования технологического суверенитета РФ и сохранения независимости от санкций в сложившейся геополитической ситуации.

Целью исследования являются выявление тенденций мировой экономики, анализ и прогнозирование действий основных участников, анализ отечественной отрасли микроэлектроники, а также рационализаторские предложения на основе собранных данных.

В соответствии с целью были поставлены и решены следующие задачи:

- 1) рассмотреть основные причины и проблемы, препятствующие выходу некоторых отраслей из критического состояния, а также частичное достижение технологического суверенитета;
- 2) изучить текущее состояние отрасли микроэлектроники в сложившейся геополитической обстановке;
- 3) предложить пути решения для расшита «узких мест» в виде мер по стимулированию создания сквозных технологий.

Научная новизна исследования заключается в разработке мер стимулирования, направленных на создание сквозных технологий в рамках достижения целей, заложенных в концепции технологического развития до 2030 г., на примере отрасли микроэлектроники на основе взаимодействия институтов инновационного развития с группами образовательных учреждений с целью реализации совместных проектов по созданию инноваций.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении и углублении теоретических положений, мер поддержки и развития российской экономики в условиях сложившейся геополитической ситуации. Практическая значимость заключается в том, что предложения могут быть использованы институтами развития и предприятиями в отрасли микроэлектроники для обоснования реализации проектов в целях минимизации импортозависимости и достижения технологического суверенитета.

В данной работе применялись методы анализа и синтеза научной литературы и статистической информации с целью наглядного отображения тенденций современной экономики, а также сравнительный метод, служащий обоснованием для рационализаторских предложений для отрасли микроэлектроники для предложения мер поддержки ее в условиях санкций и кризиса.

Текущее состояние отрасли микроэлектроники / Current state of the microelectronics industry

Общеизвестно, что текущему положению отрасли микроэлектроники и полупроводников способствовало много факторов и предпосылок. Наиболее важными в понимании причин являются санкции 2014 г., расцвет экономики Китая, а также ее давление, пандемия коронавируса. Россия столкнулась с трудностями преодоления санкционного давления на экономику. На основе проведенной экспертной оценки существует необходимость перехода «от модели ликвидности с преобладанием внешнего фактора к модели ликвидности, формируемой на внутренней основе» [Ершов, 2022, с. 16].

События 2014 г. не только являются важными с точки зрения опыта ведения экономической деятельности в условиях санкций и противодействия им, но и наглядно отражают политику блока Североатлантического альянса в отношении суверенных государств, чья политика идет вразрез с интересами Соединенных Штатов Америки (далее — США). Данная тема широко рассматривалась в различных публикациях, представляя интерес с точки зрения взаимодействия стран и международного партнерства [Широв, 2015].

Следующим немаловажным этапом являются события, произошедшие в Китае после стремительного экономического роста в результате глобализации и переноса производств на его территорию. Важными являются опыт Китая и происходящие при этом процессы, благодаря которым государству удалось подавить локализацию, а также адаптировать технологии и производства для создания одной из сильнейших и независимых экономик, даже несмотря на противодействие со стороны США. Тема также достаточно освещена в ряде публикаций [Лещенко, 2020].

Пандемия COVID-19 стала прецедентом, ставшим спусковым крючком к последующим событиям февраля 2023 г., оказавшим влияние на мировую экономику. С одной стороны, изоляционные меры привели к резкому сокращению объемов производств и покупательской способности, активности, к срыву мировой экономики на период к адаптации к новым условиям, а с другой — к скачкообразному развитию цифровизации и технологий Индустрии 4.0. В целом COVID-19 приблизил начало мирового кризиса, так как послужил причиной серьезного спада валового внутреннего продукта во многих странах. О влиянии пандемии на мировую экономику существует большое количество работ, однако важно рассматривать ее как причину внеочеред-

ного кризиса, вызвавшего новые экономические проблемы, а также побудившего страны решать их разнообразными способами [Дробот, 2020].

В результате начала проведения специальной военной операции (далее — СВО) РФ подверглась ограничениям от «недружественных» стран во главе с США. Важным моментом является практически полный разрыв экономических отношений со странами Европейского Союза (далее — ЕС), что является крайне убыточным для двух сторон сразу. Россия не только лишилась основного потока импортных ресурсов, но и потеряла рынки сбыта, что только усугубило ущерб [Бендиков, 2015; Капустина, 2022].

Политика импортозамещения и контрмеры враждебным государствам сегодня во многом имеют такую форму и содержание в результате событий 2014 г. Однако характер этих мер разный: в отличие от противодействия ограничениям, последовавшим в результате сецессии Крыма и направленным на импортозамещение в сельском хозяйстве, масштаб последствий от экономических санкций в результате начала проведения СВО был слишком большим: многие предприятия лишились возможности к производству, следовательно, пострадала экономическая безопасность РФ. Главными приоритетами являются выход из чрезвычайной ситуации и возобновление производств. Помимо политики импортозамещения, в краткосрочной перспективе с ситуацией помогает справиться параллельный импорт. На данный момент он является обязательным, в дальнейшем — вредоносным.

Меры по стабилизации текущей ситуации имеют критическое влияние. Их правильная реализация — основа для дальнейшего развития, однако в полной мере достичь независимости от импорта невозможно по ряду причин. Наиболее важной автор настоящего исследования считает отсутствие технологий производства, без которых производство высокотехнологичной продукции невозможно даже с наличием необходимого сырья.

События, описанные выше, привели к санкционным ограничениям, направленным против РФ. Помимо прямой приостановки работоспособности многих предприятий в различных отраслях, важнейшей проблемой является технологический «голод». Текущие меры поддержки от государства в полной мере позволяют задействовать имеющиеся ресурсы на восстановление работоспособности производств, экономической безопасности, на отказ от параллельного импорта и в конечном итоге достижение технологического суверенитета. Однако в отношении технологий на настоящий момент существуют лишь

стратегии, описывающие желаемый результат и предлагающие способы его достижения.

Состояние многих отраслей, в том числе необходимых для достижения технологического суверенитета, находится в упадке и стагнации. В частности, локализация отрасли автомобилестроения в результате отсутствия импорта привела к ее парализации; нефтегазовая промышленность лишилась рынков сбыта, понесла колоссальные инфраструктурные потери, а отечественная электронная промышленность в области интегральных микросхем так и рискует остаться на уровне 2005 г. [Капустина, 2022].

Во многом подобная ситуация вызвана неравномерным развитием России под влиянием свободной рыночной экономики и масштабной локализации. На текущий момент многие отрасли столкнулись не только с проблемой критически низкого количества ресурсов, в том числе интеллектуальных, но и с проблемой недостатка инфраструктуры и количеством отечественных производств, представленных частным бизнесом.

Среди них особенно проблематичной является отрасль микроэлектроники. Электронная промышленность имеет серьезное влияние на производственный потенциал, в частности, на отрасль машиностроения, проблемы которой вызывают нехватку производственных мощностей, станков и оборудования. По результатам проведенного исследования отраслевой среды микроэлектроники РФ были выделены проблемы развития отрасли, а также предложен комплекс мер по их устранению (табл. 1).

Большинство существующих в отрасли проблем вызваны одними и теми же причинами. Несмотря на внушительное количество, многие из них можно решить определенными мерами, одним действием влияя сразу на несколько факторов. Многие меры имеют потенциал влияния на несколько областей и при реализации на практике будут обладать высокой эффективностью и отдачей.

Важным моментом является ограниченность ресурсов, доступных для расщипия «узких мест». Несмотря на кризисную ситуацию, государством принимается рекордное количество мер по поддержке отечественной экономики по сравнению с предыдущими годами. Можно предположить, что финансовые меры невозможно задействовать в большей степени, если речь идет о всей российской экономике. Однако реорганизационные и управленческие меры — ресурс, доступный государству в полной степени. Стоит отметить особую важность правильного распределения ресурсов, так как отдача от их использования далеко не равномерна.

Правительство формирует новые меры поддержки приоритетных отраслей экономики и промышленных производств в них. Это приводит к высокой стихийности развития: частные предприниматели иницируют проекты в соответствии с их рентабельностью, но не влиянием на экономику. Ниши быстро заполняются, но этого не всегда достаточно. Множество факторов, таких как высокая конкуренция с зарубежными компаниями, высокие риски, необходимые технологии, трудности с запуском производства и отработкой его процесса, кадровый

Таблица 1

Проблемы развития отрасли микроэлектроники Российской Федерации и комплекс мер по их устранению

Table 1. Problems of the Russian microelectronics industry development a set of measures to eliminate them

Наименование проблемы	Категория	Степень влияния	Комплекс мер, позволяющих решить проблему
Устаревшие технологии	Проблемы создания технологий в РФ	Очень высокая	Государственная поддержка в области создания технологий
Устаревшее оборудование	Проблемы создания технологий в РФ	Очень высокая	Государственная поддержка в области создания технологий
Недостаточный объем инвестиций	Проблемы создания технологий в РФ / Инвестиционные проблемы	Очень высокая	Государственная поддержка в области создания технологий, финансирование ключевых отраслей
Низкая эффективность инвестиционной инфраструктуры	Инвестиционные проблемы	Средняя	Реорганизация существующей системы
Низкая эффективность государственной поддержки	Инвестиционные проблемы	Очень высокая	Реорганизация существующей системы
Высокая конкуренция	Отраслевые особенности	Очень высокая	Политика протекционизма, создание рынков сбыта
Низкая привлекательность отрасли	Отраслевые особенности	Высокая	Политика протекционизма, создание рынков сбыта

Низкая рентабельность отрасли	Отраслевые особенности	Низкая (для состоявшихся игроков) Высокая (для новых игроков)	Политика протекционизма, создание рынков сбыта
Отсутствие массового спроса	Отраслевые особенности	Очень высокая	Политика протекционизма, создание рынков сбыта
Дефицит сырья	Отраслевые особенности	Очень высокая	Облегчение параллельного импорта
Высокий входной порог в отрасль	Отраслевые особенности	Высокая	Финансирование ключевых отраслей
Высокая доля импорта	Отраслевые особенности	Очень высокая	Государственная поддержка в области создания технологий
Низкая конкурентоспособность продукции	Отраслевые особенности	Очень высокая	Государственная поддержка в области создания технологий
Низкая научно-технологическая активность	Отраслевые особенности	Очень высокая	Государственная поддержка в области создания технологий
Недостаточное развитие инфраструктуры	Отраслевые особенности / Проблемы создания технологий в РФ	Очень высокая	Реорганизация существующей системы
Недостаточное количество кадров	Кадровый потенциал	Средняя	Реорганизация существующей системы
Низкая кадровая квалификация	Кадровый потенциал	Средняя	Реорганизация существующей системы
Оторванность образовательного и коммерческого секторов	Кадровый потенциал	Высокая	Реорганизация существующей системы

Примечание: РФ – Российская Федерация

Составлено автором по результатам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

и технологический дефицит и многие другие являются причиной отказа предпринимателей от создания бизнеса в различных отраслях. Это особенно актуально в отношении наукоемких и комплексных отраслей, таких как электроника и приборостроение, где с усложнением производственного процесса и начальных требований количество неблагоприятных факторов возрастает. В связи с этим ситуация с количеством производств и их уровнем развития неутешительная: трудный старт, огромная конкуренция и отсутствие рынков сбыта делают эту отрасль крайне непривлекательной.

В результате вышеописанных причин на текущий момент отечественные производители микроэлектроники представлены несколькими компаниями среднего размера, технологический уровень и темпы роста которых сильно отстают от мировых лидеров, нишевыми локальными производителями, а также небольшими производствами, входящими в состав научно-исследовательских институтов. Следовательно, важно обратить внимание на подобные отрасли и уделить им больше внимания или приступить к практике создания государственных предприятий, тем самым не только создать фундамент для удовлетворительного роста направлений, но и обеспечить полноценный контроль, в том числе над производимой

продукцией, упростить процесс планирования и государственных закупок. Тем не менее даже подобные меры не будут являться достаточными для выхода из нынешней кризисной ситуации.

В конечном итоге текущая технологическая и инфраструктурная базы не позволят отечественной отрасли догнать мировую даже без учета разрыва экономических отношений и изоляции. Можно признать сегодняшнюю ситуацию вызовом технологического развития, требующим структурных преобразований и международного сотрудничества.

В «Концепции технологического развития на период до 2030 года», главном документе-ориентире планов и проектов технологического развития РФ на текущем этапе, указаны принципы, цели и индикаторы оно, в том числе перечень ключевых сквозных технологий¹. Однако, как уже говорилось прежде, детальных планов их создания все еще не существует.

В результате ретроспективного анализа основных событий мировой экономики можно сказать, что сотрудничество со странами ЕС было полно ошибок и уступок. Полностью отказываться от торговли

¹ Правительство Российской Федерации. Концепция технологического развития на период до 2030 года. Режим доступа: <http://government.ru/docs/48570/> (дата обращения: 19.09.2023).

с другими странами попросту нецелесообразно, значит, придется заново выстраивать экономические отношения и долгосрочные партнерства. На основе публикаций авторов, обзора текущую геополитическую ситуацию, можно сказать, что создание новых взаимовыгодных отношений с дружественными странами и ухудшение таковых с Западным миром будет долгосрочной тенденцией. При выстраивании дальнейших партнерских отношений важно учитывать опыт отношений со странами ЕС, а также специфику самих государств [Артемьев, 2021]. Помимо вопросов о правах и обязанностях сторон, важным является правильный выбор самого партнера. Скорее всего, России придется совместно создавать с нуля технологические направления, так как Азиатский регион менее развит по сравнению с Европой и взаимоотношения с азиатскими странами будут заметно менее рентабельны, однако других вариантов не остается, поэтому требуется сразу создать наиболее продуктивную систему, направленную на формирование взаимовыгодных партнерских отношений.

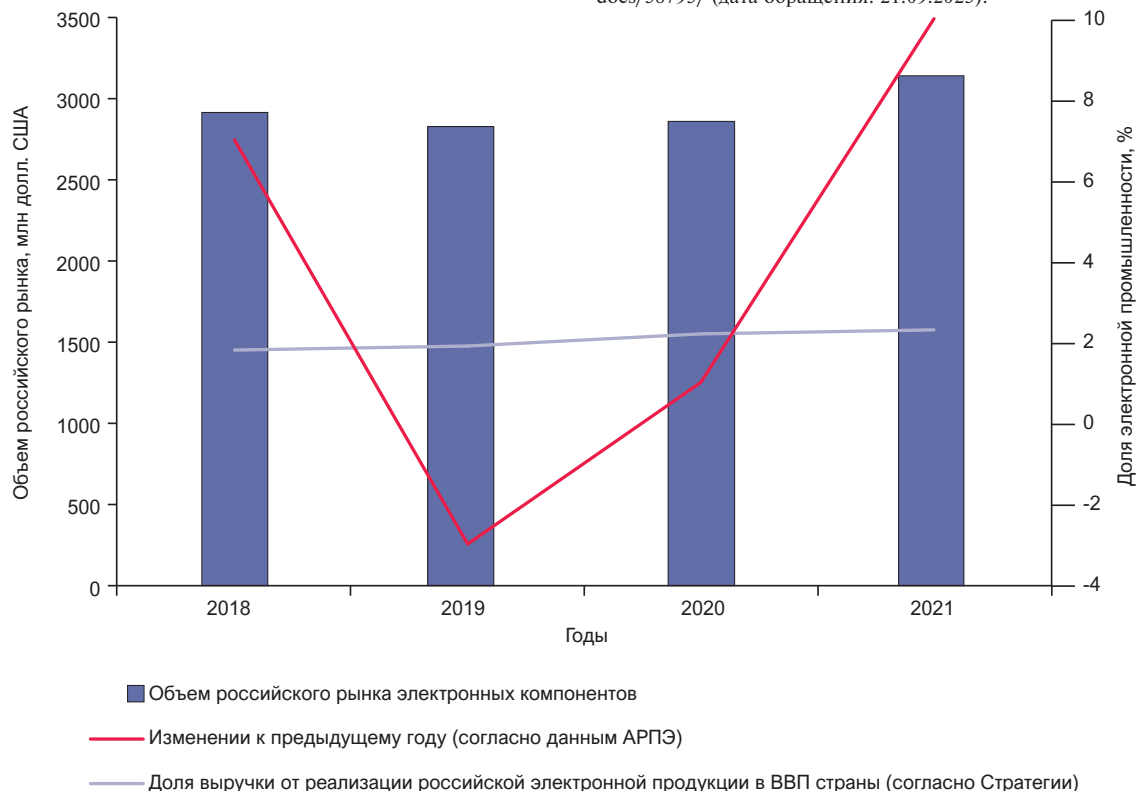
Что касается Китая как наиболее перспективного партнера, следует учитывать, что вторая сторона также имеет свои интересы. В текущей ситуации

Россия может рассчитывать только на импорт готовой продукции, что, как давно известно, чревато множеством проблем и может вызвать повторение ситуации 2023 г., когда из-за импортных ограничений большое количество отраслей подверглись серьезному удару.

Согласно утвержденной Стратегии развития электронной промышленности РФ на период до 2030 г. и плану мероприятий по реализации Стратегии развития электронной промышленности РФ на период до 2030 г., «доля электронной промышленности в валовом внутреннем продукте Российской Федерации составляет 1,8 %»². Анализ показателей стратегии развития и данных Ассоциации разработчиков и производителей электроники (далее – АРПЭ) представлены на рис. 1.

Проанализировав плановый рост отрасли, заложенный в Стратегии, и наложив его на данные АРПЭ, следует отметить, что показатели развития микроэлектроники в 2021 г. опередили сценарные значения показателей более, чем в 4 раза (с 2,3 % до 10 %). Провальным для предприятий отрасли оказался

² Правительство Российской Федерации. Стратегия развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года от 17 января 2020 г. № 20-р. Режим доступа: <http://government.ru/docs/38795/> (дата обращения: 21.09.2023).

Примечание: АРПЭ – Ассоциация разработчиков и производителей электроники, ВВП – валовой внутренний продукт

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 1. Результаты анализа данных по отрасли микроэлектроники за 2018–2021 гг.

Fig. 1. Results of data analysis for the microelectronics industry for 2018–2021

2019 г., что можно связать с влиянием пандемии. 2020 г. стал годом развития и перелома отрицательной динамики. Геополитическая обстановка в 2022 г. поменяла ориентиры в развитии отрасли. Санкции и ограничения внесли свои коррективы.

Для РФ важно создать собственную технологическую базу. В отношении микроэлектроники наиболее благоприятной ситуацией является появление сквозной технологии. Важнейший элемент микроэлектроники, микросхема, был создан более 50 лет назад. За это время мировой уровень технологий стал несоизмеримо выше.

Смена стандартов всегда позволяла нарушить сформировавшиеся условия на рынках определенных продуктов. Примером подрывных инноваций в отрасли микроэлектроники являются SSD накопители, которые стали конкурировать с традиционными жесткими дисками как следующее поколение хранилищ данных. Однако рынок жестких дисков сильно укоренился, поэтому его уничтожение не произошло. С другой стороны, нельзя отрицать превосходство SSD накопителей, поэтому со временем они вытеснят конкурента. Также инновации могут оказаться прорывными, полностью меняя ситуацию на рынке. В случае потенциальной альтернативы микросхемам это может быть изначально низкая себестоимость при схожем функционале — как минимум такой же функционал, но высокая себестоимость, которая со временем станет ниже благодаря отработке технологии производства, эффектам масштаба и формированию более выгодных контрактов с поставщиками. В любом случае появление сквозной технологии в этой области способно кардинально улучшить ситуацию.

Отрасль является одним из ключевых слагаемых технологического суверенитета и критически важной в функционировании и развитии большинства других отраслей. В случае создания сквозного технологического направления в отрасли микроэлектроники РФ может перейти на экономическую модель на основе инноваций, став лидером этого направления. Обладая подобными интеллектуальными ресурсами, возможно равноправное международное сотрудничество с Китаем с открытием возможностей для производства передовой микроэлектроники, где РФ будет источником технологий и инноваций, а Китай, обладая производственными мощностями, — технологической базой.

Однако появление подобных технологий всегда сопряжено с большими затратами. В случае отрасли микроэлектроники это особо актуально, так как в России ее инвестиционная привлекательность находится на низком уровне. Появление подрывной технологии —

это создание надежности и полноценное достижение технологического суверенитета, освоение и захват рынков сбыта микроэлектроники.

Меры стимулирования отрасли микроэлектроники в рамках достижения технологического суверенитета / Measures to stimulate the microelectronics industry as a part of achieving technological sovereignty

На основе проведенного анализа отрасли микроэлектроники автором настоящего исследования предлагаются внешние и внутренние меры по стимулированию создания сквозных технологий. Внешние меры могут заключаться в создании специальных экономических зон (далее — СЭЗ), ориентированных на совместную деятельность с дружественными странами, заинтересованными в создании новых технологий и имеющими возможности для этого. Статистика регионального представительства компаний отрасли информационных технологий (далее — ИТ) и телекоммуникаций свидетельствует об их концентрации в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области [Зюзин, 2022].

Подобные СЭЗ позволят создать меры поддержки, распространяющиеся сразу на несколько стран, создадут платформу для эффективного обмена опытом или распределения задач в совместных проектах, а также привлекут инвестиции и талантливых ученых. Возможно создание единой СЭЗ на территориях нескольких стран, что позволит получить уникальные таможенные преимущества и упрощение пограничного режима, тем самым в значительной степени улучшит сотрудничество между партнерами.

Схожей существующей мерой поддержки в настоящее время являются созданные согласно Федеральному закону от 31.12.2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» технопарки в сфере высоких технологий, являющиеся инфраструктурными площадками для ведения деятельности в сфере высоких технологий и создания инновационной промышленной продукции. На текущий момент в РФ функционируют 25 таких специализированных технопарков.

Имеющиеся наработки в данном направлении могут быть транспонированы на создание таких площадок на приграничных с РФ территориях, а также на территориях других стран. Предлагается в связи с этим наращивать международное сотрудничество с «дружественными» странами в области высоких технологий, проводить совместные научные исследования в данной сфере, и формировать школы, что в дальнейшем может стать конкурентным преимуществом для объединившихся стран.

Из-за ограничений, введенных «недружественными» странами на использование международных баз данных Scopus и Web of Science, российские ученые и исследователи не могут обращаться к открытым источникам актуальной информации, что существенно снижает уровень проводимых в настоящее время исследований. Коллаборации с «дружественными» странами могут дать существенное приращение в области развития отрасли микроэлектроники за счет объединения совместных усилий, проведенных исследований и реализованных проектов в данном направлении. Зарубежные партнеры могут стать триггером в области развития отрасли микроэлектроники.

В настоящее время у РФ складываются положительные взаимоотношения со странами Юго-Восточной Азии, лидирующими в производстве полупроводников и микросхем. Укрепление взаимоотношений и предложенные меры по совершенствованию сотрудничества были изложены на прошедшей встрече международного форума «Один пояс, один путь» лидерами ряда государств 17–18 октября 2023 г. Главной темой встреч форума стало направление по достижению общего развития и процветания. Для России участие в мероприятии и налаживание взаимоотношений и партнерств может стать существенным толчком к формированию технологического суверенитета в отрасли микроэлектроники.

Внутренние меры могут быть выстроены через совместную работу институтов инновационного развития (далее — ИИР) с группами высших образовательных учреждений с целью реализации совместных проектов по созданию инноваций. Представленное исследование стран Юго-Восточной Азии — Японии, Южной Кореи и Тайваня — подтверждает эффективность применения предлагаемых автором мер, что констатируется взаимосвязью университетов, которые проводят передовые исследования и научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в области ИТ с организациями-производителями в данной сфере [Rajah Rasiah, 2021].

Россия всегда была источником многих идей и изобретений, имена отечественных ученых времен Российской империи и Советского Союза в различных областях остались в истории. Кадровый потенциал страны до сих пор находится на должном уровне. Однако подобными ресурсами зачастую пренебрегают, несмотря на тот факт, что квалифицированные специалисты критически необходимы в любой деятельности, и особенно сильно это касается высокотехнологичных направлений.

Автором предлагаются изменения, которые будут направлены на развитие комплексных организационных

форм управления, основанных на сетевом формате взаимодействия научных и образовательных организаций, отраслевых компаний и институтов развития. Например, можно проводить совместные проекты, в которых студенты разных направлений высших образовательных учреждений будут объединены с целью выполнения научных и практико-ориентированных проектов для создания высокотехнологичной продукции на основе комплексного подхода. Концепция заключается в следующем: ИИР отбирается проект, затем он приглашает высшие образовательные учреждения для участия в этом проекте, отбирая необходимые для его реализации направления подготовки студентов, например, естественнонаучные, управленческие, ИТ и маркетинговые. Далее ИИР создает план реализации проекта с указанием технического задания и сроков исполнения. Подготавливаются специальные мероприятия, позволяющие дать участникам более углубленные знания.

На этапе выполнения проектной деятельности ИИР выступает куратором, согласовывает действия участников, предоставляет необходимые ресурсы, административное сопровождение и контролирует ход работы над проектом.

Важным элементом является мотивация участников. Не только высшие образовательные учреждения должны получать выгоду, но и студенты-исполнители. При грамотном управлении, предоставлении необходимых ресурсов, а также справедливом распределении результатов проекта шансы на его успешную реализацию повысятся. Кроме того, участники получают ценный опыт, способствующий укреплению кадрового потенциала страны.

Схожей реализуемой в настоящее время мерой поддержки является программа взаимодействия между образовательными учреждениями и индустриальными партнерами, заинтересованными в подготовке специализированных кадров, способных на решение практико-ориентированных задач в виде передовых инженерных школ (далее — ПИШ). Данный проект реализуется в рамках утвержденного Постановления Правительства РФ от 08.04.2022 г. № 619 «О мерах государственной поддержки программ развития передовых инженерных школ». Распределение между участниками данного конкурса представлены следующими учредителями: Министерство науки и высшего образования РФ (25 университетов), Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (1 университет), Министерство здравоохранения РФ (3 университета), Министерство сельского хозяйства РФ (1 университет). Отбор грантополучателей ведется и в настоящее время.

Ключевыми задачами ПИШ к 2024 г. являются:

- 1) создание более 30 ПИШ в партнерстве с высокотехнологичными компаниями;
- 2) разработка более 500 образовательных программ опережающей подготовки инженерных кадров, более 1 тыс. грантов на прохождение практик в высокотехнологичных компаниях;
- 3) более 2,5 тыс. выпускников ПИШ должны быть трудоустроены в высокотехнологичные компании;
- 4) более 12 млрд рублей должен составить объем подтвержденного софинансирования ПИШ со стороны высокотехнологичных компаний.

В представленной мере поддержки отсутствуют ИИР, что в некоторой степени снижает эффективность реализуемого подхода. Автором настоящего исследования предлагается включить ИИР в существующую рабочую схему по отбору ПИШ для более детального отбора претендентов на получение грантового финансирования и формирования эффективного инструмента по созданию предпосылок роста обрабатывающих отраслей промышленности в приоритетных направлениях.

Предложенный подход является основой создания базиса технологического суверенитета, куда также положены ориентиры утвержденной «Концепции технологического развития на период до 2030 года». Развитие двух контуров внешнего и внутреннего влияния на отрасль микроэлектроники может принести существенный прорыв и потенциал роста. С одной стороны, внешняя среда в виде формируемой специализированной инфраструктуры на основе СЭЗ может аккумулировать международные разработки в рамках совместно реализуемых проектов в высокотехнологичных направлениях микроэлектроники. С другой стороны, внутренний контур может создать базис для отрасли микроэлектроники в виде тройственной спирали «государство — наука — бизнес», выводя на передний план образовательную составляющую через запрос заинтересованных индустриальных партнеров для решения практико-ориентированных задач по исследуемой отрасли.

Заключение / Conclusion

Создание системы мотивации и поддержки образовательных учреждений является шагом к их переориентации на практический результат. Ведение совместных проектов может стать хорошим источником интеллектуальных ресурсов. Ориентация на практические результаты сейчас актуальна как никогда. Подобный подход доказывает свою эффективность на примере создания практико-ориентированных изменений Постановления Правительства

РФ от 31.07.2015 № 779 «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров»³, которые внесены в редакцию от 22.12.2022 г. № 2372, а именно реализации проектов по производству импортозамещающей продукции, в том числе ее создания на базе ИТ-кластеров. Создание подобного комплексного организационного подхода, основанного на сетевом формате взаимодействия с образовательной средой станет огромным шагом не только для подготовки высококвалифицированных кадров и создания инноваций, но и для формирования нового направления локализации производств в отрасли микроэлектроники на территории РФ с целью обеспечения технологического суверенитета.

Таким образом, изложенные результаты исследования подтверждают поставленную гипотезу о необходимости выстраивания мер поддержки создания технологической базы и развития сквозных технологий в отрасли микроэлектроники. Рассмотренные предложения могут быть использованы институтами развития и предприятиями в отрасли микроэлектроники для обоснования реализации проектов для сокращения влияния импортозависимости и достижения технологического суверенитета РФ. Будущие исследования автора будут развивать предложения, рассматриваемые в данной статье, и по результатам взаимодействия с институтами развития и высшими образовательными учреждениями корректироваться в соответствии с их запросами.

В настоящем исследовании была рассмотрена отрасль микроэлектроники, являющаяся одним из приоритетных направлений технологического суверенитета, представляющая базис для множества промышленных цепочек ценности. Сегодня отечественная электроника находится в упадке, и ее состояние лишь усугубляется приостановкой импорта полупроводников. Важно понимать, что отрасль микроэлектроники является слишком обширной и ее полное освоение на приемлемом уровне силами отдельно взятой страны — серьезная задача, которая требует инновационных решений.

³ Правительство Российской Федерации. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 июля 2015 г. № 779 «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201508050008> (дата обращения: 19.09.2023).

Список литературы

- Артемьев Н.В., Ахметова Г.З., Маковецкий М.Ю. и др. Управление экономикой развитых стран. М.: Московский университет им. С.Ю. Витте; 2021. 147 с.
- Белюсова Н.Н., Плис Н.И. Состояние дел с производством гражданской продукции крупного предприятия ОПК радиоэлектронной промышленности: проблемные вопросы, требующие решения. Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022;2(34):6–16.
- Бендиков М.А., Ганичев Н.А. Электронная импортозависимость и пути ее преодоления (на примере космической промышленности). Экономический анализ: теория и практика. 2015;3(402):2–17.
- Дробот Е.В., Макаров И.Н., Назаренко В.С., Манасян С.М. Влияние пандемии COVID-19 на реальный сектор экономики. Экономика, предпринимательство и право. 2020;8(10):2135–2150. <https://doi.org/10.18334/epp.10.8.110790>
- Ершов М.В. Российская экономика в условиях новых санкционных вызовов. Вопросы экономики. 2022;12:5–23. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-12-5-23>
- Зимовец А.В., Климачев Т.Д. Цифровая трансформация производства на российских предприятиях в условиях политики импортозамещения. Вопросы инновационной экономики. 2022;3(12):1409–1426. <https://doi.org/10.18334/vines.12.3.116297>
- Зюзин А.В., Демидова О.А. Влияние отраслевых кластеров на результативность деятельности российских частных компаний: межотраслевой анализ. Вопросы экономики. 2022;11:90–116. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-11-90-116>
- Капустина И.В., Григорьева К.А. Актуальные проблемы импорта автокомплекующих. В кн.: Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли: материалы Всероссийской научно-практической и учебно-методической конференции, Санкт-Петербург, 30 мая – 2 июня 2022 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; 2022. С. 69–74.
- Лещенко Ю.Г., Ермоловская О.Ю., Никулин С.В. Институциональная модель регулирования финансового рынка Китая. Экономика, предпринимательство и право. 2020;1(10):139–154. <https://doi.org/10.18334/epp.10.1.41535>
- Петрушков М.Ю. Импортозамещение в электротехнической отрасли в области релейной защиты и автоматики: текущее состояние, проблемы и перспективы (на примере инновационного электротехнического кластера Чувашской Республики). Вестник Российского университета кооперации. 2015;2(20):32–37.
- Симаев Ю.В., Федюнина А.А., Кузык М.Г. Российская промышленная политика в условиях трансформации системы мирового производства и жестких ограничений. Вопросы экономики. 2022;6:5–25. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-6-5-25>
- Синицына Е.В., Гусев А.А. Проблема импортозамещения в сфере микроэлектроники и создания российского аппаратного обеспечения. Вестник Университета мировых цивилизаций. 2022;1-34(13):77–80.
- Спартак А.Н. Переход к новому мировому экономическому порядку: этапы, ключевые черты, вызовы и решения для

References

- Artemiev N.V., Akhmetova G.Z., Makovetsky M.Yu. et al. Management of the economy of developed countries. Moscow: Vitte Moscow University; 2021. 147 p. (In Russian).
- Belousova N.N., Plis N.I. State of affairs with civil products' manufacturing at the large enterprise of defense industry complex of radioelectronic industry: problematic issues requiring solution. Economic and Social Research. 2022;2(34):6–16. (In Russian).
- Bendikov M.A., Ganichev N.A. Dependence on electronic components import and ways to overcome it (the space industry case). Economic Analysis: theory and practice. 2015;3(402):2–17. (In Russian).
- Drobot E.V., Makarov I.N., Nazarenko V.S., Manasyan S.M. Impact of the COVID-19 pandemic on the real economy. Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo. 2020;8(10):2135–2150. <https://doi.org/10.18334/epp.10.8.110790> (In Russian).
- Ershov M.V. Russian economy in the face of new sanctions challenges. Voprosy ekonomiki. 2022;12:5–23. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-12-5-23> (In Russian).
- Kapustina I.V., Grigorieva K.A. Current problems of import of auto parts. In: Fundamental and applied research in the field of management, economics and trade: Proceedings of the All-Russian Scientific, Practical and Educational Conference, St. Petersburg, May 30 – June 2, 2022. St. Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; 2022. Pp. 69–74. (In Russian).
- Leshchenko Yu.G., Ermolovskaya O.Yu., Nikulin S.V. Institutional model of regulation of the financial market of China. Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo. 2020;1(10):139–154. <https://doi.org/10.18334/epp.10.1.41535> (In Russian).
- Petrushkov M.Yu. Import substitution in the electrical industry in the field of relay protection and automation: Current status, problems and prospects (in terms of innovative electrical cluster of Chuvash Republic). Vestnik of the Russian University of Cooperation. 2015;2(20):32–37. (In Russian).
- Rajah Rasiah, Siu Hong Wong. Industrial upgrading in the semiconductor industry in East Asia. Innovation and Development. 2021;11:2-3:413–440. <https://doi.org/10.1080/2157930X.2021.1934633>
- Shaykhutdinova F.N., Demidova E.V. Overcoming the deficit in the semiconductor market in Russia: Parallel imports and new partners. Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. 2022;3:38–41. (In Russian).
- Shirov A.A., Yantovsky A.A., Potapenko V.V. Assessing the potential impact of sanctions on the economic development of Russia and the EU. Problemy prognozirovaniya. 2015;4(151):3–16. (In Russian).
- Simachev Yu.V., Fedyunina A.A., Kuzyk M.G. Russian industrial policy in the context of global production system transformation and severe constraints. Voprosy ekonomiki. 2022;6:5–25. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-6-5-25> (In Russian).
- Sinityna E.V., Gusev A.A. The problem of import substitution in the field of microelectronics and creation of Russian hardware. Bulletin of the University of World Civilizations. 2022;1-34(13):77–80. (In Russian).
- Spartak A.N. Transition to the new world economic order: Essential stages, basic features, challenges and policies for Russia. Russian Foreign Economic Bulletin. 2022;7:7–29. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-7-7-29> (In Russian).

России. Российский внешнеэкономический вестник. 2022;7:7–29. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-7-7-29>

Шайхутдинова Ф.Н., Демидова Е.В. Преодоление дефицита на рынке полупроводников в России: параллельный импорт и новые партнеры. Вестник экономики, права и социологии. 2022;3:38–41.

Широв А.А., Янговский А.А., Потапенко В.В. Оценка потенциального влияния санкций на экономическое развитие России и ЕС. Проблемы прогнозирования. 2015;4(151):3–16.

Rajah Rasiah, Siu Hong Wong. *Industrial upgrading in the semiconductor industry in East Asia*. Innovation and Development. 2021;11:2-3:413–440. <https://doi.org/10.1080/2157930X.2021.1934633>

Xiu L. *Microelectronics as a Normal Engineering Practice for Supporting an Industry*. In: Xiu L. The Turn of Moore's Law from Space to Time. Singapore: Springer; 2022. https://doi.org/10.1007/978-981-16-9065-5_2

Xiu L. *Microelectronics as a Normal Engineering Practice for Supporting an Industry*. In: Xiu L. The Turn of Moore's Law from Space to Time. Singapore: Springer; 2022. https://doi.org/10.1007/978-981-16-9065-5_2

Zimovets A.V., Klimachev T.D. Digital transformation of production at Russian enterprises under import substitution policy. Russian Journal of Innovation Economics. 2022;3(12):1409–1426. <https://doi.org/10.18334/vinec.12.3.116297> (In Russian).

Zyuzin A.V., Demidova O.A. Impact of industry clusters on the performance of Russian private companies: Inter-industry analysis. Voprosy ekonomiki. 2022;11:90–116. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-11-90-116> (In Russian).

УДК 338.24:007

JEL M15, M38, O14, O38

DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-17-24>

Получено: 02.10.2023

Статья доработана после рецензирования: 04.12.2023

Принято: 11.12.2023

Развитие интеллектуализации промышленности России: стратегический подход

Зеленцова Лидия Сергеевна¹

Д-р экон. наук, проф. каф. управления промышленными организациями

ORCID: 0000-0002-3602-2223, e-mail: zelentsovals@yandex.ru

Уколов Владимир Федорович²

Д-р экон. наук, зав. каф. управления цифровым предприятием

ORCID: 0000-0002-1233-7562, e-mail: ukolovdom@mail.ru

Тихонов Алексей Иванович³

Канд. техн. наук, зав. каф. управления персоналом

ORCID: 0000-0002-6095-1620, e-mail: mai512hr@mail.ru

¹Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

²Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, Миклухо-Маклая ул., 6, г. Москва, Россия

³Московский авиационный институт, 125993, Волоколамское шоссе, 4, г. Москва, Россия

Аннотация

Современный этап цифровой трансформации промышленного производства заключается в развитии и интеграции технологий искусственного интеллекта. Стратегическая значимость интеллектуализации российской промышленности требует синхронного вовлечения всех отраслей промышленности в этот процесс в целях обеспечения эффективного и пропорционального развития экономики страны. В связи с этим целью настоящего исследования является разработка предложений по согласованному и сбалансированному стратегированию в области интеллектуального развития промышленности страны. Предмет исследования – связь процессов цифровизации и использования интеллектуальных технологий с реализацией стратегий развития всех отраслей промышленности и национальной программой «Цифровая экономика». Гипотеза исследования исходит из проблемы низкой эффективности реализации действующих стратегий отраслевого развития и процессов цифровизации производства, причинно-следственным итогом которых являются несогласованность, несбалансированность и несовпадение их разработки во времени в силу отсутствия единых взглядов, единых стандартов и единого пространства информационно-коммуникационного взаимодействия. Задачи исследования: изучение статистических материалов и практических разработок в области цифровизации промышленности; анализ действующих стратегий развития промышленных отраслей до 2035 г.; анализ процессов цифровизации промышленности на основе отчетов по внедрению концепции Индустрия 4.0, различных цифровых платформ диспетчеризации производства, прогнозной аналитики и т.п.; разработка концепции интеллектуального развития промышленности и механизма интеграции всех участников процессов цифровой трансформации, в том числе и государства. Авторами предложены концепция 3С для разработки стратегии интеллектуализации промышленности и механизм интеграции субъектов стратегического процесса в едином пространстве информационно-коммуникационного взаимодействия для целей системной увязки стратегий отраслевого развития на базе сквозных технологий и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: интеллектуализация, информационное взаимодействие, механизм интеграции, сбалансированность, согласованность, стратегия развития промышленности, Индустрия 4.0, цифровизация

Для цитирования: Зеленцова Л.С., Уколов В.Ф., Тихонов А.И. Развитие интеллектуализации промышленности России: стратегический подход // Управление. 2023. Т. 11. № 4. С. 17–24. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-17-24

Received: 02.10.2023

Revised: 04.12.2023

Accepted: 11.12.2023

Russian industry intellectualization development: Strategic approach

Lydia S. Zelentsova¹

Dr. Sci (Econ.), Prof. at the Industry Organization Management Department
ORCID: 0000-0002-3602-2223, e-mail: zelentsovals@yandex.ru

Vladimir F. Ukolov²

Dr. Sci (Econ.), Head of the Digital Enterprise Management Department
ORCID: 0000-0002-1233-7562, e-mail: ukolovdom@mail.ru

Alexey I. Tikhonov³

Cand. Sci. (Engr.), Head of the Personnel Management Department
ORCID: 0000-0002-6095-1620, e-mail: mai512hr@mail.ru

¹State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

²Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 6, Miklukho-Maklaya ul., Moscow 117198, Russia

³Moscow Aviation Institute, 4, Volokolamskoe shosse, Moscow 125993, Russia

Abstract

The current stage of industrial production digital transformation consists in developing and integrating artificial intelligence technologies. Strategic importance of Russian industry intellectualization requires synchronous involvement of all industries in this process in order to ensure effective and proportional development of the country's economy. In this regard, the purpose of the study is to develop proposals for coordinated and balanced strategizing in the field of intellectual development of the country's industry. The subject of the study is the relationship of digitalization processes and the use of intelligent technologies with strategies implementation for developing all industries and the Digital Economy National Program. The hypothesis of the study is based on the problem of low efficiency of implementing existing strategies of sectoral development and production digitalization processes, the causal result of which is inconsistency and imbalance of their development in time due to the lack of common views, common standards, and common space of information and communication interaction. Research objectives are to study statistical materials and practical developments in the field of industry digitalization; to analyze the current strategies for developing industrial sectors up to 2035; to analyze the processes of industry digitalization on the basis of reports on implementing the Industry 4.0 concept, various digital platforms for production dispatching, predictive analytics, etc.; to develop the concept of intelligent industrial development and the mechanism of integrating all participants in the processes of digital transformation, including the state. The authors propose the CBS concept for the development of the strategy of industry intellectualization and the mechanism of integrating subjects of the strategic process in a single space of information and communication interaction for the purposes of systematic linkage of industry development strategies on the basis of end-to-end technologies and artificial intelligence.

Keywords: intellectualization, information interaction, integration mechanism, balance, consistency, industrial development strategy, Industry 4.0, digitalization

For citation: Zelentsova L.S., Ukolov V.F., Tikhonov A.I. (2023). Russian industry intellectualization development: Strategic approach. *Upravlenie / Management (Russia)*, 11 (4), pp. 17–24. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-17-24

Введение / Introduction

Промышленность обеспечивает устойчивое развитие экономики страны и высокое качество жизни населения. Отечественная промышленность, особенно отрасль машиностроения, потеряла былые достижения. До недавнего времени доля продукции данной сферы в валовом внутреннем продукте оставалась довольно низкой. Так, по свидетельству Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, в 2020 г. доля продукции машиностроения Российской Федерации (далее – РФ, Россия) по добавленной стоимости на мировом рынке составила всего 2,2 %, что ниже Бразилии (2,8 %), притом, что у Китая показатель составил 41,2 %¹.

Приведенные цифры подтверждает прогноз до 2025 г., и он также представляется неутешительным для России [Vieweg, Claussen, Essling, 2012; Tikhonov, Zelentsova, 2021]. Ситуация осложняется напряженным международным положением. Однако, невзирая на растущие санкции и необходимость импортозамещения, а также военные действия на Украине, мы наблюдаем положительную динамику, выразившуюся в восстановлении и создании новых производственных линий, строительстве новых заводов с учетом новых трендов обеспечения технологического суверенитета. В связи с этим актуальность стратегического подхода к интеллектуальному развитию промышленности не может вызывать сомнения.

В ходе исследования мы подробно изучили и проанализировали утвержденные Правительством стратегии развития промышленных отраслей, в частности, по приоритетным направлениям цифровизации и использования искусственного интеллекта. Выявлены проблемы рассогласования и несбалансированности стратегических задач и приоритетов, отсутствие конкретики. Авторами предложена концепция 3С (сбалансированности, согласованности и синхронности) разработки стратегий развития отраслей в едином пространстве информационно-коммуникационного взаимодействия, что составляет научную новизну настоящего исследования.

Обзор методологии / Methodology review

Прежде всего в ходе исследования необходимо было проанализировать стратегии развития таких отраслей, как энергомашиностроение, транспортное машиностроение, станкостроение, железные доро-

ги и др.^{2,3,4}. Анализ проводился с позиций целей и содержания стратегий, а также их реализации в части достигнутых результатов.

Следующим шагом было сопоставление полученных результатов со сводной стратегией развития обрабатывающих отраслей⁵. Выявлены их несбалансированность и несогласованность по ряду параметров развития. Отмечена невозможность стратегирования в реальном времени ввиду отсутствия единого информационного пространства.

Необходимо также констатировать факт отсутствия приоритетных направлений развития интеллектуализации производства. В связи с этим предложена концепция 3С (CBS) – согласованности (consistency), сбалансированности (balance), синхронизации (synchronicity) потребности и производства, параметров цифровизации и системы информационного взаимодействия, всех работ в реальном времени, а также целей, действий, решений стейкхолдеров и разработки и реализации стратегии развития машиностроения в условиях интеллектуализации производства. Кроме того, рассмотрены подходы к созданию единого информационного пространства с целью интеграции всех участников процессов стратегического развития машиностроения и обеспечения их эффективного взаимодействия.

Стратегии развития промышленности / Strategies for industrial development

Внедрение интеллектуальных технологий в промышленность создает благоприятные условия для успешной цифровизации всей экономики РФ. Однако современный уровень развития российской промышленности и, в частности, машиностроения отстает от мировых трендов как в области конкурентоспособности, так и в области цифровой трансформации [Туровец, Вишневский, 2019].

² Российская Федерация. Стратегия развития энергетики в Российской Федерации на 2010–2020 годы и на перспективу до 2030 года. Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minpromtorga-rossii-ot-22022011-n-206/> (дата обращения: 28.09.2023).

³ Российская Федерация. Стратегия развития транспортного машиностроения Российской Федерации на период до 2030 года. Режим доступа: <http://government.ru/docs/28874/> (дата обращения: 28.09.2023).

⁴ Российская Федерация. Стратегия развития станкостроительной промышленности на период до 2035 года. Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/130769/> (дата обращения: 28.09.2023).

⁵ Российская Федерация. Консолидированная стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74142592/> (дата обращения: 28.09.2023).

¹ Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. Аналитический доклад. Режим доступа: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=2023 (дата обращения: 28.09.2023).

Требуется стремительное изменение ее сущности, поскольку необходим переход от чисто механистических систем к киберфизическим в полном цикле с учетом стоимостных цепочек [Коровкин, Кузнецова, 2020]. Несмотря на то что Правительством РФ разработано и принято к исполнению множество стратегически значимых документов, реализация их неоправданно затягивается. В ходе настоящего исследования проанализировано несколько таких документов и сделаны определенные выводы в связи с мотивацией ускорения процессов цифровизации, в частности, это сводная стратегия обрабатывающей промышленности и три составляющих – стратегии транспортного и энергетического машиностроения, а также станкостроения, которые свидетельствуют о несовпадении приоритетов цифрового развития.

Следует отметить, что в развитии энергомашиностроения предусмотрены меры инвестиционной, технологической и кадровой политики, которые обеспечивают доступность и привлекательность цифровых технологий для повышения конкурентоспособности и эффективности производства. Однако это происходит на фоне консервативного цифрового развития энергетики страны, что свидетельствует о несбалансированной разработке стратегий их развития.

На предприятиях государственной корпорации «Ростех» (например, Объединенной двигателестроительной корпорации) внедряется система «Цифровая фабрика», ведутся работы над созданием единой многофункциональной цифровой платформы, охватывающей все стадии жизненного цикла продукта. Однако производители оборудования не всегда учитывают специфические особенности эксплуатации, например, климатические условия регионов, в которых оно будет работать, увеличивая тем самым число отказов и вызывая необходимость дополнительных ремонтов. Причина, на наш взгляд, кроется прежде всего в отсутствии единой среды информационного взаимодействия и игнорировании требований заказчиков.

Что касается стратегии развития транспортного машиностроения (в основном рельсового транспорта), прослеживается логическая связь как с интеллектуализацией производства, так и со сферой применения – транспортной системой РФ, где активно внедряются интеллектуальные системы. Кроме того, Сколково совместно с вагоностроителями создали научно-технический центр «Инжетранс», в задачи которого входят разработка и внедрение интеллектуальных систем контроля грузового подвижного состава (в рамках концепции «умный вагон»).

«Умный вагон», «умное» транспортное средство должны производиться на «умных» станках. В связи с этим отдельно хотелось бы остановиться на станкостроении, требующем особого внимания и со стороны государства, и со стороны бизнеса в силу того, что данная отрасль составляет основу экономического развития, поставляя необходимое оборудование во все другие отрасли и сферы деятельности. У России уже был опыт разрушения стратегически значимой отрасли. Представляется, что самой разрушительной диверсией в 1990-е гг. было проникновение так называемых западных инвесторов и консультантов на предприятия станкостроения страны с целью их экономического уничтожения [Зурин, 2018].

По уровню развития станкостроения и внедрению робототехники Россия не входит теперь даже в двадцатку стран-производителей, хотя в 1990 г. она была на третьем месте в мире. До 2018 г. отечественные станкоинструментальная и роботостроительная отрасли практически были в полном забвении. Несколько изменилась ситуация в 2018–2020 гг., поскольку Правительством РФ были разработаны программы развития отрасли, в частности 5 ноября 2020 г. была утверждена «Стратегия развития станкоинструментальной промышленности до 2035 г.» (далее – Стратегия)⁶. Это позволило увеличить долю на мировом рынке с 0,3 % до 0,61 %, но это не сравнится с 28 % у Китая. Более того, в Стратегии не выделены отдельными пунктами вопросы цифровизации и интеллектуализации.

Согласно документу, к 2030 г. предполагается увеличить суммарный объем инвестиций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы и новые производственные мощности до 65,3 млрд руб. и до 79,5 млрд руб. к 2035 г., однако это вряд ли позволит создать гибкое, «умное» станкостроительное производство. В Стратегии, имеющей главной целью повышение технологической независимости и конкурентоспособности, не предусмотрено приоритетных направлений цифрового развития. Обращение к национальному проекту «Цифровая экономика» тоже не дает ничего определенного, поскольку в программе не настолько подробно определены внедрение цифровых платформ для работы с данными, поддержка стартапов и малого бизнеса, разрабатывающих и внедряющих

⁶ Российская Федерация. Стратегия развития станкостроительной промышленности на период до 2035 года. Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/130769/> (дата обращения: 28.09.2023).

цифровые платформы, и подготовка кадров для цифровой экономики⁷.

Источники финансирования тоже определены Стратегией:

1) Фонд развития промышленности (48 %), который принял решение по снижению с 1 января 2021 г. базовой ставки по программам до 3 %⁸, что по сравнению с японскими станко- и роботостроительными компаниями, получающими кредиты от банков на 10 лет под 0,1 % вызывает недоумение граждан;

2) бюджетные субсидии – 30 %;

3) собственные средства – 12 %;

4) заемные средства – 10 %.

Станкостроители России вплоть до 2018 г. могли рассчитывать на кредиты по ставке 16–18 % годовых, что не способствовало их развитию. Учитывая также, что многие крупные машиностроительные заводы на сегодняшний день работают на импортном оборудовании, ресурс которого может быть исчерпан в скором времени, в условиях санкций и необеспеченного импортозамещения страна может оказаться на грани коллапса.

Результаты исследования / Research results

В сложившейся ситуации наиболее остро и полно проблема создания единого информационного пространства, интеграционных механизмов и обеспечения качества данных встает именно в машиностроении, роль которого является определяющей в формировании сложных кооперационных цепочек с другими отраслями экономики [Shalamova, Zelentsova, Vorontsova, 2021]. На рис. 1 представлена модель механизма интеграции участников стратегических процессов цифровой трансформации в едином пространстве информационного взаимодействия, реализация которой позволит сбалансировать интеллектуализацию не только машиностроения и промышленности в целом, но и всех сфер и видов деятельности в стране.

Выбор стратегии интеллектуального развития промышленности в РФ должен основываться как на учете специфики российской экономики, так и на использовании лучшего мирового опыта [Положихина, 2018; Stallkamp, Schotter, 2021; Sturgeon,

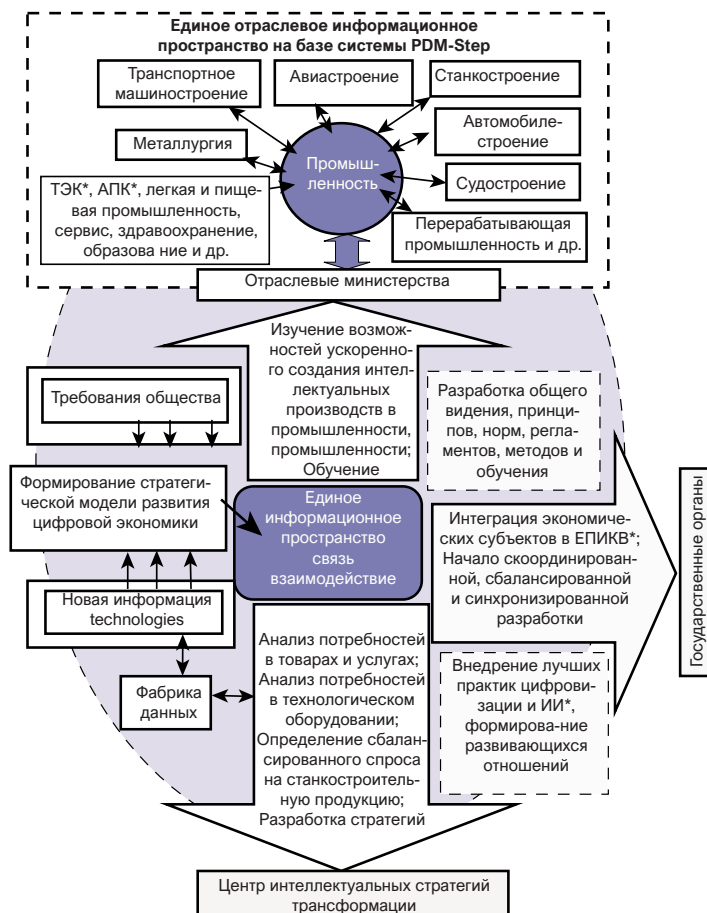
2021]. Страны, достигшие высоких результатов в сфере цифровизации, разработали программные документы стратегического характера и механизмы их реализации. Как показывает анализ опыта цифровизации в Великобритании, Германии, Соединенных Штатах Америки и Китая, несмотря на специфические особенности принимаемых стратегических решений в разных странах, имеются характерные черты, которые их объединяют [Положихина, 2018; Lambrechts, Sinha, Marwala, 2021; He, Xiang, 2021]. При этом среди наиболее значимых приоритетов, обеспечивающих технологическое лидерство, передовые экономики выделяют цифровизацию промышленности, прежде всего роботизацию и интеллектуализацию машиностроительного производства [Wei, 2016].

Первостепенное значение придается формированию эффективного механизма взаимодействия между участниками процесса цифровизации – государственными и коммерческими структурами, включая научно-исследовательские, образовательные, консалтинговые и производственные организации. Данный механизм предусматривает создание нормативно-правовой базы и стандартов, единого информационного пространства, платформенных решений [Положихина, 2018; Stallkamp, Schotter, 2021].

Показателен пример Китая, который движется к лидерству в индустрии искусственного интеллекта (далее – ИИ). План, утвержденный на государственном уровне, предусматривает создание консультационного совета по стратегии ИИ для выработки рекомендаций по перспективным направлениям его развития. Планируется формирование широкой сети научно-исследовательских центров и особых инновационных зон для создания и реализации разработок в данной области. Координация реализации запланированных мероприятий будет осуществляться Министерством по науке и технологиям и высшими органами власти Китая. Китайским правительством предусматриваются значительные инвестиции в развитие ИИ и смежных отраслей. Только на фундаментальные исследования планируется выделить более 230 млрд долл. США, а общая сумма запланированных инвестиций составляет еще больше [Решетникова, 2020]. Машиностроение рассматривается как приоритетная отрасль для внедрения робототехнических систем и интеллектуальных технологий в производственные и управленческие процессы. По числу патентов в области ИИ Китай уже стал мировым лидером. Ожидается рост валового внутреннего продукта страны от реализации запланированных мероприятий на 26 % к 2030 г.

⁷ Российская Федерация. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 28.09.2023).

⁸ Фонд развития промышленности. Фонд развития промышленности снижает базовую ставку с 5 % до 3 % годовых с Нового года. Режим доступа: <https://frprf.ru/press-tsentr/novosti/fond-razvitiya-promyshlennosti-snizhaet-bazovuyu-stavku-s-5-do-3-godovykh-s-novogo-goda/> (дата обращения: 28.09.2023).

Примечание: АПК – агропромышленный комплекс, ТЭК – теплоэнергетический комплекс, ИИ – искусственный интеллект, ЕПИКВ – единое пространство информационно-коммуникационного взаимодействия

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 1. Модель механизма интеграции участников стратегических процессов цифровой трансформации в едином пространстве информационного взаимодействия

Fig. 1. Model of the mechanism for integrating participants in strategic processes of digital transformation in a single space of information interaction

В утвержденной Правительством РФ программе по цифровизации экономики не уделено должного внимания развитию промышленности, в частности, машиностроения. В программе нет четкой постановки целей и задач, направленных на решение существующих проблем и обеспечение конкурентоспособности отечественной промышленности. Среди нерешенных проблем можно выделить низкий уровень инновационной активности промышленного бизнеса, его незаинтересованность в инвестировании в разработку и внедрение инноваций, отсутствие эффективных цепочек в процессе создания высокотехнологичной продукции, недостаточный уровень взаимодействия с научными и образовательными организациями, недостаток квалифицированных кадров, обладающих необходимыми компетенциями [Положихина, 2018]. Именно отсутствие детально проработанной

сбалансированной стратегии и механизмов ее реализации, на наш взгляд, во многом обуславливает отставание России в области интеллектуализации машиностроения.

Заключение / Conclusion

Разработка стратегий развития промышленных отраслей – это не автономный процесс, где каждая отрасль сама по себе, но единый процесс в едином информационном пространстве. В связи с этим возникла необходимость в изменении подходов к стратегированию в условиях интеллектуализации производства. В ходе исследования были проанализированы базовые стратегии промышленного развития РФ. Это позволило выявить несогласованность и несбалансированность как основных направлений, так и индикаторов и показателей развития.

На этой основе авторами настоящего исследования была предложена концепция 3С (сбалансированности, согласованности и синхронности) разработки стратегий развития отраслей в едином пространстве информационно-коммуникационного взаимодействия. В данное пространство интегрируются все министерства и производители таким образом, чтобы работать в реальном времени и во взаимодействии друг с другом. Представленная концепция нашла свое воплощение в разработанном нами механизме интеграции участников стратегических процессов цифровой трансформации. Базовой установкой при разработке этого механизма являлась безусловность приоритетности машиностроения во внедрении цифровых технологий и искус-

ственного интеллекта в производственные и управленческие процессы, поскольку это базовая отрасль экономики, обеспечивающая необходимым оборудованием все другие виды деятельности.

Интеллектуальное развитие промышленных отраслей должно осуществляться в единстве не только друг с другом, но и со всеми сферами жизнедеятельности. Практическая значимость настоящего исследования состоит в том, что системная увязка позволит обеспечить разработку сбалансированной стратегии интеллектуального развития машиностроения в едином пространстве информационного взаимодействия и, соответственно, снизить затраты и потери времени, а также повысить достоверность ожидаемых результатов.

Список литературы

- Зурин М.В. Тенденции и перспективы развития отечественного станкостроения. Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2018;3(99):105–113. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2018-3-105-113>
- Коровкин В.В., Кузнецова Г.В. Перспективы цифровой трансформации российского машиностроения. Административное управление. 2020;12(2):291–313. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2020-2-291-313>
- Положихина М.А. Регулирование процесса цифровизации экономики: европейский и российский опыт. Россия и современный мир. 2018;4(101):64–81. <https://doi.org/10.31249/rsm/2018.04.06>
- Решетникова М.С. Китайский опыт развития искусственного интеллекта: промышленная цифровизация. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2020;28(3):536–546. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-3-536-546>
- Туровец Ю., Вишневецкий К. Закономерности цифровизации в машиностроении: данные из России. Инженерный менеджмент в производстве и сфере услуг. 2019;11(4):7–22.
- Федоров И.А. Цифровизация машиностроения — драйвер экономики страны. Компьютерный мир. 2019.
- He W., Xiang H. Research on Collaborative Innovation Strategy of Smart Supply Chain in the Big Data Era. In: E3S Web of Conferences. 2021;235:03073. <http://dx.doi.org/10.1051/e3s-conf/202123503073>
- Lambrechts W., Sinha S., Marwala T. BRICS and Industry 4.0. In: Monyae, D., Ndzendze, B. (eds.). The BRICS Order. International Political Economy Series. 2021. Pp. 283–322.
- Shalamova N.G., Zelentsova L.S., Vorontsova Y.V. Cross-cutting digital technologies in the management of the competitiveness of high technology products. Socio-Economic Systems: Paradigms for the Future. Studies in Systems, Decision and Control. 2021;314:203–213.
- Stallkamp M., Schotter A.P.J. Platforms without borders? The international strategies of digital platform firms. Global Strategy Journal. 2021;11(1):58–80.

References

- Fedorov I.A. Digitalization of machine building — a driver of the country's economy. Computer world. 2019. (In Russian).
- He W., Xiang H. Research on Collaborative Innovation Strategy of Smart Supply Chain in the Big Data Era. In: E3S Web of Conferences. 2021;235:03073. <http://dx.doi.org/10.1051/e3s-conf/202123503073>
- Korovkin V.V., Kuznetsova, G.V. Prospects for digital transformation in Russian machine building industry. Ars administrandi. 2020;12(2):291–313. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2020-2-291-313> (In Russian).
- Lambrechts W., Sinha S., Marwala T. BRICS and Industry 4.0. In: Monyae, D., Ndzendze, B. (eds.). The BRICS Order. International Political Economy Series. 2021. Pp. 283–322.
- Polozhikhina M.A. State Regulation of Digitalization of the Economy: European and Russian Experience. Russia and the Contemporary World. 2018;4(101):64–81. <https://doi.org/10.31249/rsm/2018.04.06> (In Russian).
- Reshetnikova M.S. China's AI experience: industrial digitalization. RUDN Journal of Economics. 2020;28(3):536–546. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-3-536-546> (In Russian).
- Shalamova N.G., Zelentsova L.S., Vorontsova Y.V. Cross-cutting digital technologies in the management of the competitiveness of high technology products. Socio-Economic Systems: Paradigms for the Future. Studies in Systems, Decision and Control. 2021;314:203–213.
- Stallkamp M., Schotter A.P.J. Platforms without borders? The international strategies of digital platform firms. Global Strategy Journal. 2021;11(1):58–80.
- Sturgeon T.J. Upgrading strategies for the digital economy. Global Strategy Journal. 2021;11(1):34–57.
- Tikhonov A., Zelentsova L. Analysis of external and internal factors of business competitiveness. Quality. 2021;22(182):16–19.
- Turovets Y., Vishnevsky K. Regularities of digitalization in machine building: data from Russia. Engineering Management in Production and Services. 2019;11(4):7–22. (In Russian).

Sturgeon T.J. Upgrading strategies for the digital economy. *Global Strategy Journal*. 2021;11(1):34–57.

Tikhonov A., Zelentsova L. Analysis of external and internal factors of business competitiveness. *Quality*. 2021;22(182):16–19.

Vieweg H.G., Claussen J., Essling C. An introduction to Mechanical Engineering: Study on the Competitiveness of the EU Mechanical Engineering Industry. Sectoral competitiveness studies of Framework contract by the European Commission. 2012.

Wei L. Evaluation of the risks in high-tech enterprises' technological innovation based on two-tuple linguistic information. *International Journal of u- and e- Service, Science and Technology*. 2016;9(6):355–364.

Vieweg H.G., Claussen J., Essling C. An introduction to Mechanical Engineering: Study on the Competitiveness of the EU Mechanical Engineering Industry. Sectoral competitiveness studies of Framework contract by the European Commission. 2012.

Wei L. Evaluation of the risks in high-tech enterprises' technological innovation based on two-tuple linguistic information. *International Journal of u- and e- Service, Science and Technology*. 2016;9(6):355–364.

Zurin M.V. Trends and prospects of home machine-tool industry development. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2018;(3):105–113. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2018-3-105-113> (In Russian).

Процесс эффективного управления Евроазиатской транспортной системой на условиях интеграции

Пустынникова Екатерина Васильевна

Д-р экон. наук, проф. каф. экономики и предпринимательства

ORCID: 0000-0003-1254-2707, e-mail: ebrezneva@list.ru

Ульяновский государственный университет, 432001, ул. Льва Толстого, 42, г. Ульяновск, Россия

Аннотация

Трансформация международных отношений, вызванных геополитическими процессами, существенно влияет на тенденции развития во внешнеторговой деятельности, глобальную перестройку каналов товародвижения, изменения условий валютного, таможенного регулирования, кредитования и инвестирования. Обеспечение в Евроазиатском регионе стабильности, безопасности и процветания отвечает интересам многих государств, прежде всего Российской Федерации и Китая, а также их ближайших партнеров. Реализация проекта по строительству и модернизации Евроазиатской транспортной системы не только позволит нейтрализовать риски в условиях международных вызовов, но и поспособствует созданию новой экосистемы, обладающей большим потенциалом в новых реалиях. Согласование и совместная координация действий в соответствии с поступательной реализацией интеграционного процесса по созданию региональной экосистемы в международном формате будут способствовать созданию взаимовыгодного партнерства, развитию устойчивых долгосрочных связей по реализации торговых, научно-производственных, логистических проектов. Построение международной архитектуры стратегического партнерства в формате региональных и отраслевых взаимодействий – это реальный и потенциально успешный подход повышения эффективности региональной экономической кооперации. Актуальность исследования также подтверждается положениями проекта по развитию транспортно-логистического и экономического сотрудничества до 2030 г. по приоритетным стратегическим направлениям, прежде всего в финансовой, в промышленно-технологической и транспортно-логистической областях. Научная новизна исследования заключается во всестороннем и комплексном изучении роли и потенциала региональной кооперации и интеграции экономических процессов Китая и Российской Федерации в новой экосистеме «Большое евразийское партнерство», развитии между государствами региона взаимовыгодного сотрудничества в экономической, политической и гуманитарной областях. Научная новизна исследования заключается в обосновании построения и реализации совместного транспортно-логистического проекта на условиях интеграции между Китаем и Российской Федерацией, что предопределяет создание новой экосистемы «Большое евразийское партнерство» с долгосрочным взаимовыгодным многосторонним сотрудничеством на международном уровне в экономической, политической и гуманитарной областях.

Ключевые слова: геополитика, международные вызовы, логистика, информационные технологии, сосредоточение, согласование, приоритетность, стратегия, устойчивость, эффект синергии

Для цитирования: Пустынникова Е.В. Процесс эффективного управления Евроазиатской транспортной системой на условиях интеграции // Управление. 2023. Т. 11. № 4. С. 25–34. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-25-34

Process of effective management of the Eurasian transport system on the terms of integration

Ekaterina V. Pustynnikova

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Economics and Entrepreneurship Department

ORCID: 0000-0003-1254-2707, e-mail: ebrezneva@list.ru

Ulyanovsk State University, 42, Lva Tolstogo ul., Ulyanovsk 432001, Russia

Abstract

Transformation of international relations caused by geopolitical processes significantly affects the development trends in foreign trade activities, global restructuring of goods movement channels, changes in the conditions of currency and customs regulation, lending, and investment. Ensuring stability, security and prosperity in the Eurasian region meets interests of many states, primarily Russia and China, as well as their closest partners. The implementation of the project on construction and modernization of the Eurasian transport system will not only neutralize risks in the context of international challenges, but will also contribute to the new ecosystem creation with great potential in the new realities. Harmonization and joint coordination of actions in accordance with the integration process progressive implementation to create a regional ecosystem in the international format will contribute to the creation of mutually beneficial partnership, development of sustainable long-term ties for implementing trade, scientific, production, and logistics projects. Conceptual provisions of the integration process to create a regional ecosystem will help to create sustainable conditions for economic development and increase corporate, sectoral and regional policies effectiveness. Building an international architecture of strategic partnership in the format of regional and sectoral interactions is a real and potentially successful approach to increase regional economic cooperation efficiency. The relevance of the study is also confirmed by the provisions of the project on transport and logistics and economic cooperation development until 2030 in priority strategic directions, primarily in financial, industrial-technological and transport, and logistics areas. The scientific novelty of the study lies in a comprehensive and integrated study of the role and regional cooperation potential and economic processes integration in China and Russia in the new ecosystem of the Greater Eurasian Partnership, as well as development of mutually beneficial cooperation between the states of the region in economic, political and humanitarian spheres. The scientific novelty of the study lies in the justification of the construction and implementation of a joint transport and logistics project on the terms of integration between China and Russia, which will predetermine the creation of the Greater Eurasian Partnership new ecosystem named with long-term mutually beneficial multilateral cooperation at the international level in the economic, political, and humanitarian fields.

Keywords: geopolitics, international challenges, logistics, information technology, concentration, coordination, priority, strategy, sustainability, synergy effect

For citation: Pustynnikova E.V. (2023). Process of effective management of the Eurasian transport system on the terms of integration. *Upravlenie / Management (Russia)*, 11 (4), pp. 25–34. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-25-34

Введение / Introduction

В силу территориального соседства партнерские связи между Китаем и Российской Федерацией (далее — РФ, Россия) более чем естественны. Поскольку данные государства сосредоточены на единой территории, возможность иметь близкого надежного экономического партнера с обоюдным желанием по формированию стабильного многостороннего сотрудничества находится в интересах всех сторон.

Формирование экономических отношений на условиях устойчивого, долгосрочного, взаимовыгодного сотрудничества путем согласования национальных, отраслевых, корпоративных интересов потенциальных партнеров на принципах кооперации способствует созданию экономической интеграции. Ее эффективность отражается в синергетическом эффекте благодаря совершенствованию логистической инфраструктуры, оптимизации затрат, ускорению и увеличению товарооборота, снижению инвестиционных рисков, информационной безопасности, смягчению протекционистских мер таможенного регулирования и других факторов.

Интеграция транспортных каналов в Евроазиатскую логистическую систему будет способствовать увеличению мощности канала грузоперевозок, сокращению продолжительности поставок и снижению затроемкости логистического сервиса. Строительство и развитие транспортных каналов «Один пояс — один путь» (далее — ОПОП) должно быть сбалансированно как по транспортной мощности, так и по инфраструктурному оснащению, а также соответствовать тенденции развития внешнеторговых связей, в том числе транзитных перевозок. В связи с этим процесс логистического развития должен выстраиваться в соответствии с решением следующих задач:

1) согласно принципу специализации, важно учитывать тенденции развития отраслей и специфику товаропотока, который будет транспортироваться по каналам ОПОП, тем самым нужно унифицировать процессы тарирования, транспортировки, погрузо-разгрузочных операций, промежуточного хранения, проведения таможенных процедур и пр., что обеспечит снижение затрат и ускорение транспортировки;

2) для сокращения продолжительности принятия управленческого решения и обеспечения товародвижения в режиме «реального времени» необходимы внедрение цифровых технологий и оснащение звеньев логистической цепи современными телекоммуникационными сервисами и программным обеспечением;

3) развитие транспортного сообщения должно соответствовать международному праву, межпра-

вительственным договорам, правовому полю международных организаций, что будет содействовать безопасности внешнеторговой деятельности, а также взаимовыгодному партнерству по данным каналам ОПОП.

Реализация поставленных задач усиливает потребность поиска основы для консолидированной повестки развития интеграции.

В целях обеспечения защиты национальных интересов и устойчивого развития Евроазиатской экономики в соответствии со стратегией экономического партнерства очевидна трансформация отношений на международном уровне, влияющая на укрепление многостороннего сотрудничества в научно-производственной, торговой, логистической сферах, продвижении приоритетных для Китая и Российской Федерации проектов. Формирование определенных условий экономического партнерства обеспечат Китаю и РФ новые импульсы экономического роста, тем самым повлияют на существенное преобразование международной экосистемы, что в целом отразится на изменении международных экономических отношений.

Для национальных экономик Китая и РФ и региональной Евроазиатской экономики в целом эти вопросы имеют особое значение не только в контексте решения оперативных задач в условиях современных реалий, но и, прежде всего, в формате стратегии фундаментальных трансформаций в мировой политике и экономике. Подобные трансформации носят необратимый характер в укреплении экономического сотрудничества, расширении торгово-инвестиционного обмена, реализации взаимовыгодных коммерческих проектов в разных отраслях, развитии международных транспортных коридоров, стимулировании внутрирегиональной торговли, продвижении промышленной и научно-технической кооперации, внедрении высоких технологий в производственную сферу и сферу услуг. Это позволит сформировать условия взаимовыгодного партнерства и устойчивого экономического развития.

Обзор материалов исследования / Research materials and methods review

В целях построения Евроазиатской транспортной системы и реализации стратегии экономического партнерства по продвижению приоритетных для Китая и РФ проектов в научно-производственной, торговой, логистической сферах следует определить основные приоритеты настоящего исследования, способствующие формированию как маршрутов и «центров тяжести» транспортного пространства,

так и модели формирования и развития взаимовыгодного партнерства.

В контексте поставленных задач необходимо акцентировать внимание на двух ключевых аспектах современных исследований в области формирования и развития современной международной транспортно-логистической системы, которые составят предмет исследования.

1. Определение месторасположения логистических центров и транспортных узлов. Результаты исследований по данному вопросу достаточно подробно изложены в работах Г.Л. Бродецкого [Бродецкий, 2005], В. Герами [Герами, 2013], Д. Герастовского [Герастовский, 2007], С.В. Калентеева [Калентеев, 2013], Р.С. Николаевой [Николаева, 2018], Е.В. Пустынниковой [Пустынникова Е.В., 2023].

2. Согласование условий и функционала взаимодействия, определение допустимых уровней взаимовыгодного партнерства. Проблемы согласования экономических взаимодействий представлены в трудах следующих зарубежных и отечественных ученых: Т. Дж. Гаплина, М. Хэндона [Гаплин, Хэндон, 2005], Д. Бауэрсокса [Бауэрсокс, 2008], А.И. Афоничкина [Афоничкин, 2008], М.Г. Круглова [Круглов, 2011], В.Н. Буркова [Бурков, 2004], М.И. Гераськина [Гераськин, 2005], А.Б. Виноградовой [Виноградова, 2009].

Методы и методология исследования / Research methods and methodology

Евроазиатская транспортная система, сформированная на принципах специализации, концентрации, интеграции и координации, создаст условия для устойчивых связей в формате взаимовыгодного партнерства, что позволит наиболее полно использовать имеющийся ресурсный потенциал, в том числе полученный в результате совместных научных достижений по приоритетным областям сотрудничества. Взаимовыгодное партнерство Китая и РФ на региональном и на международном уровнях может быть драйвером развития экономики как в национальном, так и международном формате. При этом критериями оценки развития Евроазиатской транспортно-логистической системы должны стать показатели, отражающие количественные и качественные показатели управления объектом данной системы, а именно: объем грузопотока, скорость доставки и затратоемкость логистического сервиса.

Методика по оценке развития и взаимодействия экономических субъектов региона, алгоритмы и методические рекомендации для согласования партнерских связей субъектов экосистемы «Большое евразийское партнерство» позволят определить результативность

Евроазиатской транспортно-логистической системы на промежуточных этапах, выявить уровень и причину отклонений. Таким образом, формирование Евроазиатской транспортно-логистической системы в условиях международных вызовов представляет собой актуальную, научно-значимую задачу [Пустынникова, 2023].

В результате существующих тенденций политических и экономических изменений, совместные проекты в области логистики являются хорошей альтернативой нейтрализации рисков и негативных факторов внешней среды. Считаем, что при разработке логистических проектов необходима заинтересованность участников во взаимовыгодном партнерстве, принятии решений в соответствии с нормативно-правовыми регламентами и научными подходами исследования. Проводить исследования следует на условиях применения статистического, комплексного экономического, системного, стратегического анализа, качественного анализа (модель Парето, метод Дельфи).

Результаты исследования / Research results

Учитывая, что ближайшими «соседями» Евроазиатского региона являются Китай и Россия, которые в настоящее время и в ближайшую перспективу будут приоритетными международными партнерами, данные позиции указывают на необходимость совместных действий по реализации международного логистического проекта ОПОП, который представляет собой 7 международных транспортных коридоров, три из которых проходят через РФ (рис. 1).

Поскольку укрепление российско-китайского партнерства ориентировано на развитие торгово-производственных проектов, для разработки предложений в области логистического Евроазиатского развития регионов необходимо провести детальный анализ транспортной активности транзитной территории ОПОП, что позволит определить «центры тяжести» по оптимальному размещению логистических центров, предназначенных для концентрации и адаптации грузов к требованиям международной торговли.

Результаты анализа регионального экономического развития позволят сформировать группы регионов со схожей типизацией, что в свою очередь послужит обоснованием разработки и внедрения механизма по управлению логистическими процессами на условиях интеграции в формате Евроазиатского логистического партнерства.

На рис. 2 представлена сеть Международного транспортного маршрута «Европа—Западный Китай», по данным которой очевидно, что наиболее протяженный маршрут на территории РФ проходит по Приволжскому федеральному округу (далее — ПФО) [Пустынникова, 2023].

Источник¹ / Source¹**Рис. 1.** Транспортные каналы грузового сообщения по проекту «Один пояс, один путь»

Fig. 1. Transport channels of cargo communication on One Belt, One Road project

Источник² / Source²**Рис. 2.** Дорожная сеть маршрутов «Европа–Западный Китай»

Fig. 2. The road network of the Europe–Western China route

¹ Валдай. К великому океану – 3: Экономический пояс Шелкового пути и приоритеты совместного развития евразийских государств. Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/files/19625/> (дата обращения: 02.10.2023).

² Там же.

Данная территория определена как основной транспортный маршрут по нескольким критериям.

1. Транспортная артерия территории ПФО совпадает с вектором ОПОП по направлениям: «запад—восток» и «север—юг».

2. В регионе существует высокая концентрация организаций машиностроения, сельскохозяйственных, добывающих и перерабатывающих минеральное сырье, нефть, газ, сельскохозяйственную продукцию предприятий с достаточно развитой производственной и образовательной инфраструктурой. В зоне Евроазиатского маршрута в силу ресурсного, производственно-торгового, научно-технологического, логистического, исторического аспектов сконцентрированы флагманы национальной экономики машиностроения (автомобилестроения: «Группа ГАЗ», общество с ограниченной ответственностью «УАЗ», акционерное общество «АвтоВАЗ», публичное акционерное общество «КАМАЗ» и другие осуществляющие производство конкурентоспособной продукции на международном уровне; авиастроение: акционерное общество «Авиастар-ОПЭ», акционерное общество «Авиакор»); предприятия металлургии: «Челябинский металлургический комбинат», «Выксунский металлургический комбинат», «Ашинский металлургический завод», «Ашинский металлургический завод»; предприятия газо-нефтехимических производств: публичное общество «Нижекамск-нефтехим», акционерное общество «Новокуйбышевская нефтехимическая компания», общество с ограниченной ответственностью «СИБУР-КСТОВО», публичное акционерное общество «Уфаоргсинтез». Интеграция в формате Евроазиатской транспортной системы для данных и других предприятий приоритетных отраслей реального сектора экономики целесообразна, поскольку она будет способствовать оптимальному использованию производственного потенциала и дальнейшему его развитию.

В табл. 1 на основании статистических данных и преобразованных натуральных показателей в баллы по пятибалльной шкале представлена рейтинговая оценка уровня экономического и инфраструктурного развития административных образований ПФО по основным критериям: «объем валовой региональной продукции», «объем привлеченных инвестиций», «плотность дорог с твердым покрытием», «активность во внешнеторговой деятельности» [Лаврикова, 2023].

В табл. 1 на основании статистических данных и преобразованных натуральных показателей в баллы по пятибалльной шкале представлена рейтинговая оценка уровня экономического и инфраструктурного развития административных образований ПФО по основным критериям: «объем валовой региональной продукции», «объем привлеченных инвестиций», «плотность дорог с твердым покрытием», «активность во внешнеторговой деятельности» [Лаврикова, 2023].

Таблица 1

Рейтинговая оценка экономического и инфраструктурного развития административных образований Приволжского федерального округа (2022 г.)

Table 1. Rating assessment of economic and infrastructural development of the Volga Federal District administrative entities (2022)

Субъекты	Активность в ВЭД, млн долл. США		Доля дорог с твердым покрытием, %		Объем инвестиций, млрд руб.		Показатели валовой региональной продукции, млрд руб.	
	Показатели ВЭД	Рейтинг	Показатели дорог	Рейтинг	Показатели инвестиций	Рейтинг	Показатели ВРП	Рейтинг
Российская Федерация	668 676	x	52,7	x	22 945	x	348 479	100%
Приволжский федеральный округ	53 912	x	52,7	x	3 075	x	61 132	18%
Республика Башкортостан	4 956	4	32	2	419	4	6 794	5
Республика Марий Эл	444	2	75	4	35,5	2	2 418	3
Республика Мордовия	444	2	35	2	49,7	2	5 100	4
Республика Татарстан	17 240	5	68	4	683,3	5	9 025	5
Республика Удмуртия	997	2	60	3	117,2	3	2 349	3
Чувашская Республика	501	2	86	5	61,3	2	1 858	2
Пермский край	6 465	5	30	2	307,8	4	2 654	3
Кировская область	1 150	3	55	3	75,5	2	1 959	2
Нижегородская область	8 319	5	62	4	385,6	4	4 624	4
Оренбургская область	1 992	4	37	2	198,1	3	1 894	2
Пензенская область	561	2	52	3	96,2	2	5 668	4
Самарская область	7 029	5	77	4	364,1	4	4 713	4
Саратовская область	1 983	4	59	3	173,05	3	7 258	5
Ульяновская область	1 833	3	71	4	108,5	3	2 614	3

Примечание: ВЭД – внешнеэкономическая деятельность, ВРП – валовой региональный продукт

Составлено автором по материалам источника [Лаврикова, 2023] / Compiled by the author on the materials of the source [Lavrikova, 2023]

Таблица 2

Балльная оценка критериев, характеризующих деятельность регионов Приволжского федерального округа

Table 2. Score assessment of criteria characterizing the activities of the Volga Federal District regions

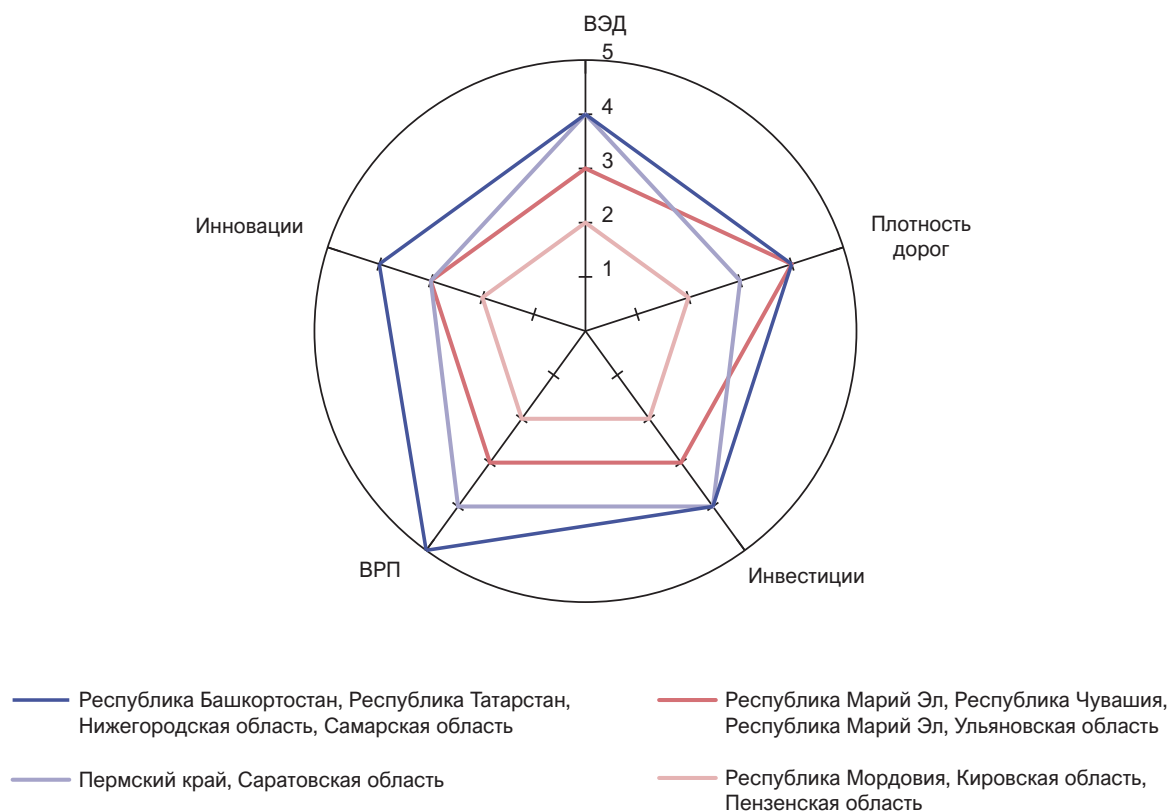
Доля дорог с твердым покрытием		Активность ВЭД		Уровень инвестиционной активности		Валовой региональный продукт	
Показатель, %	Балл	Показатель, млн долл. США	Балл	Показатель, млрд руб.	Балл	Показатель, млрд руб.	Балл
До 40	2	До 1	2	До 100	2	До 2 000	2
40–60	3	1–2,5	3	100–300	3	2 000 – 4 000	3
60–80	4	3,5–4	4	300–500	4	4 000 – 6 000	4
Свыше 80	5	Свыше 5	5	Свыше 500	5	Свыше 6 000	5

Примечание: ВЭД – внешнеэкономическая деятельность

Составлено автором по материалам источника [Лаврикова, 2023] / Compiled by the author on the materials of the esource [Lavrikova, 2023]

На основе данных табл. 1 и 2 построим наглядное графическое изображение экономической и деловой активности административных образований ПФО и представим данные на рис. 3. В соответствии с показателями определены лидирующие регионы: республики Татарстан и Башкортостан, Нижегородская и Самарская области, в которых преобладает продукция высокотехнологичных предприятий маши-

ностроения, нефтедобывающей и перерабатывающей, химической отраслей. В данном ключе можно отметить, что по территории данных административных образований логично будет проходить Евроазиатский транспортный канал, что в свою очередь создаст условия для активизации транспортного сообщения, на основании чего в дальнейшем можно ожидать рост экономических показателей.

Примечание: ВЭД – внешнеэкономическая деятельность; ВРП – валовой региональный продукт

Составлено автором по материалам источника [Лаврикова, 2023] / Compiled by the author on the materials of the esource [Lavrikova, 2023]

Рис. 3. Сравнительная оценка экономического положения административных образований Приволжского федерального округа по группе критериев

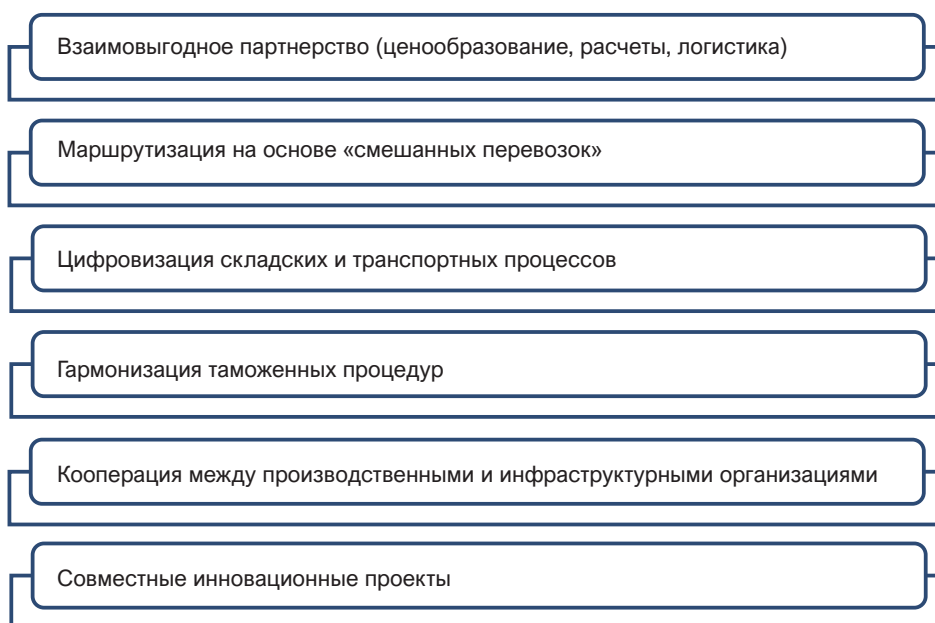
Fig. 3. Comparative assessment of the economic situation in the administrative entities of the Volga Federal District according to a group of criteria

Вторая группа административных образований находится в умеренной удаленности от Евроазиатского транспортного маршрута ОПОП. Они демонстрируют высокие показатели экономической активности. Так, в Саратовской области преобладает доля сельскохозяйственной продукции, а Пермский край – регион с весомым уровнем машиностроения и металлургии. Для того чтобы данные регионы стали активными субъектами во ВЭД в формате Евроазиатского транспортного канала, целесообразно открыть логистические центры для аккумуляции продукции на уровне региона и организовать магистральное сообщение с выходом в Евроазиатский транспортный канал, проходящих по территориям Самарской и Оренбургской областей, а также республике Татарстан.

В третью группу регионов Евроазиатской транспортно-логистической относятся: инновационное и инвестиционное развитие, торговые операции во внешнеэкономической деятельности, а также «плотность дорог». Сюда вошли республики Чувашия и Марий Эл, Ульяновская область, при этом республика Чувашия непосредственно пролегает по маршруту «Одного пояса – одного пути», а Ульяновская область имеет протяженную границу с данной республикой и находится в близкой удаленности от упомянутого транспортно-логистического коридора. Для гармоничной интеграции

внутрирегиональных каналов товародвижения на территории данных административных образований целесообразно построить транспортную и складскую инфраструктуру, что позволит концентрировать грузопотоки, а также проводить процедуры таможенного оформления товаров, произведенных как на территории данных регионов, так и на территориях, соприкасающихся с ними: республик Мордовия, Марий Эл, Удмуртия, Кировской и Пензенской областях. Отметим, что логистическая инфраструктура будет важна для товародвижения как экспортных грузов, так и импортируемых от азиатских партнеров.

Серьезными барьерами стратегического развития торговых отношений являются фрагментарность, неустойчивость деловых отношений и хозяйственных связей между экономическими субъектами в целом. В связи с этим при согласовании интересов потенциальных субъектов интегрированной системы, которые являются резидентами разных государств и имеют разные отраслевые специфики, организационные формы и различный уровень конкурентоспособности, договорные отношения по наиболее приоритетным критериям партнерства определяют целесообразность разработки ОПОП Евроазиатской транспортно-логистической системы на стратегическую перспективу (рис. 4).

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 4. Согласование действий между субъектами Евроазиатской транспортно-логистической системы
Fig. 4. Coordination of actions between the subjects of the Eurasian transport and logistics system

Область согласования интересов экономического, логистического, инвестиционного партнерства на международном уровне включает диапазон критериев эффективности, отражающих условия взаимодействия с целью усиления конкурентных преимуществ каждого. Резюмирующим критерием эффективности согласования внешнеторговых взаимодействий корпоративных структур выступает дополнительная прибыль. Описание критериев следующее [Пустынникова, 2012]:

F – рост прибыли;

M – сокращение накладных (логистических) издержек;

U – рост объема продаж;

Z – сокращение продолжительности внешнеторговой поставки.

Отметим, что область согласования интересов партнеров должна учитывать такие критерии, которые зеркально важны как для отечественных предприятий, так и зарубежных партнеров: объем товарооборота, скорость и затраты на доставку, прибыль, условия формирования и пр.

Система критериев эффективности от участия отечественных и зарубежных партнеров в транспортно-логистическом канале ОПОП в соответствии с ограничениями отражает оптимизацию затрат за счет более полного использования логистической мощности, ускорения движения товаропотока на основе согласования административных действий в ходе проведения таможенных процедур и банковских операций, что в целом отразится на росте продаж и прибыли:

$$I = \begin{cases} i_{Fn}^k, & i_F \in i, n \in N_k, \text{ при } (i_F > 0); \\ i_{Mn}^k, & i_M \in i, n \in N_k, \text{ при } (i_M < 0); \\ i_{Un}^k, & i_U \in i, n \in N_k, \text{ при } (i_U > 0); \\ i_{Zn}^k, & i_Z \in i, n \in N_k, \text{ при } (i_Z < 0). \end{cases} \quad (1)$$

В формате ВЭД область согласования партнерства должна предусматривать государственные интересы и активное участие в формировании и развитии международных экономических отношений и внешнеторговой политики государства, пополнение бюджета государства и конкурентоспособность отечественных предприятий и отраслей. Международный формат интеграции в ОПОП предусматривает согласование интересов на национальном уровне по диапазону критериев [Пустынникова, 2023]:

T – сумма налогов, таможенных пошлин и сборов;

G – объемы внешнеторгового оборота;

K – инвестиционные потоки;

R – инновационные процессы.

Диапазон развития интеграции в формате международных отношений в соответствии с ограничениями будет представлен в виде системы критериев эффективности [Пустынникова, 2023]:

$$I = \begin{cases} i_{Tn}^k, & i_T \in i, n \in N_k, \text{ при } (i_T > 0); \\ i_{Kn}^k, & i_K \in i, n \in N_k, \text{ при } (i_K > 0); \\ i_{Gn}^k, & i_G \in i, n \in N_k, \text{ при } (i_G > 0); \\ i_{Rn}^k, & i_R \in i, n \in N_k, \text{ при } (i_R > 0). \end{cases} \quad (2)$$

Результатом партнерских отношений в формате Евроазиатской транспортно-логистической системы является положительная тенденция динамики корпоративных показателей: рост производственной и торговой программ, рост прибыли и рентабельности, повышение внешнеторговой активности, повышение оборачиваемости оборотных средств. Поскольку данный формат партнерских связей предполагает взаимодействие на международном уровне, то при оценке эффективности системы следует выявить тенденции международных экономических отношений, в том числе инновационные и инвестиционные тенденции развития, результаты фискальных мер, а также тенденцию внешнеторговых сделок.

Заключение / Conclusion

При подведении итогов настоящего исследования становится очевидным, что процесс управления Евроазиатской транспортной системой на условиях интеграции потенциально предопределяет получение эффекта субъектами данной системы как на корпоративном уровне, так и на национальном и международном, поскольку предусматривает участие субъектов широких отраслевого, территориального и ресурсного охватов. Результативность каждого уровня обеспечивает формирование синергии системы в целом. Строительство и модернизация Евроазиатской транспортной системы важны не только для субъектов внешнеторговых сделок, но и для экономик регионов, государств-участников, а также в целом для международных экономических отношений.

По результатам функционирования ОПОП к 2050 г. ожидается прирост внутреннего регионального продукта на территории ПФО размером около 500 млрд руб., что указывает на рост деловой активности и целесообразность совместной реализации данного проекта. Таким образом, построение международной архитектуры стратегического партнерства в формате региональной логистики и отраслевых взаимодействий – это реальный и потенциально

успешный подход повышения эффективности региональной экономической кооперации в условиях

кризиса политических и экономических отношений на международном уровне.

Список литературы

Афоничкин А.И. Управление развитием интегрированных экономических систем на базе инструментария стратегического зонирования. Тольятти; 2006. 328 с.

Бауэрсокс Д., Клосс Д. Логистика Интегрированная цепь поставок. Пер. с англ. Барышникова Н.Н., Пинскер Б.С.. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес»; 2008. 640 с.

Бродецкий Г.Л., Терентьев П.А. Применение метода аналитической иерархии для оптимизации места расположения регионального распределительного центра. Логистика и управление цепями поставок. 2005;1(6):26–34.

Бурков В.Н., Новиков Д.А. Механизмы взаимодействия в сетевых структурах. Липецк: Изд-во ЛГТУ; 2002. С. 35–37.

Виноградов А.Б. Роль межфункциональной координации в логистике складирования. В кн.: Дыбская В.В. Управление складированием в цепях поставок. М.: Альфа-Пресс; 2009. С. 64–75.

Гаплин Т. Дж. Полное руководство по слияниям и поглощениям компаний: методы и процедуры интеграции на всех уровнях организационной иерархии. СПб.: Вильямс; 2005. 240 с.

Герامي В. Системообразующий эффект реализации концепции логистических центров в России. Логистика. 2013;1:44–45.

Герастовский Д. Проблемы создания логистических центров на примере Московского региона. Транспорт Российской Федерации. 2007;11:43–45.

Гераськин М.И. Согласование экономических интересов в корпоративных структурах. М.: АНКО; 2005. 291 с.

Калентеев С.В. Формирование транспортно-логистической системы обслуживания грузопотоков в условиях межрегиональной интеграции. Автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. СПб: Изд-во СПбГЭУ; 2013. 22 с.

Лаврикова Ю.Г., Очинникова А.В. (ред.). Приволжский федеральный округ: 2022 год — год преодоления вызовов. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН; 2023. 131 с.

Николаев Р.С. Оптимизация транспортно-логистической системы как необходимое условие устойчивого развития России в условиях структурной перестройки экономики. В кн.: Экономическое развитие России: структурная перестройка и диверсификация мировой экосистемы: материалы международной научно-практической конференции, Сочи, 31 января — 4 февраля 2018 г. Краснодар: Кубанский государственный университет; 2018. С. 87–90.

Круглов М.Г., Черняев А.В., Черняева С.В. Управление процессами компании на основе протоколов соглашения об уровне обслуживания. Менеджмент качества. 2011;4(16):244–257.

Пустынникова Е.В. Процессы эффективного управления корпоративными структурами в экономических кластерах (на примере Ульяновской области). Дисс. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева; 2012. 365 с.

References

Afonichkin A.I. Management of integrated economic systems development on the basis of strategic zoning tools. Togliatti; 2006. 328 p.

Bowersox D., Kloss D. Logistics Integrated Supply Chain. Trans. from Eng. Baryshnikova N.N., Pinsker B.S. Moscow: Olymp-Business CJSC; 2008. 640 p.

Brodetskiy G.L., Terentyev P.A. Application of the method of analytical hierarchy for optimization of a regional distribution center location. Logistics and supply chain management. 2005;1(6):26–34.

Burkov V.N., Novikov D.A. Mechanisms of interaction in network structures. Lipetsk: Lipetsk State Technical University Publ. House; 2002. С. 35–37.

Vinogradov A.B. Role of interfunctional coordination in warehousing logistics. In: Dybskaya V.V. Management of warehousing in supply chains. Moscow: Alfa-Press; 2009. Pp. 64–75.

Gaplin T.J. Complete guide to mergers and acquisitions of companies: Methods and procedures of integration at all levels of organizational hierarchy. Saint Petersburg: Williams; 2005. 240 p.

Gerami V. System-forming effect of the implementation of the concept of logistics centers in Russia. Logistika. 2013;1:44–45.

Gerastovsky D. Problems of creation of logistic centers on the example of Moscow region. Transport of the Russian Federation. 2007;11:43–45.

Geraskin M.I. Coordination of economic interests in corporate structures. MOSCOW: ANKO; 2005. 291 p.

Kalenteev S.V. Formation of transport-logistic system of service of cargo flows in conditions of interregional integration. Abstr. Diss. ... Cand. Sci. (Econ.): 08.00.05. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics; 2013. 22 p.

Lavrikova Y.G., Ochinnikova A.V. (eds.). Volga Federal District: 2022 — the year of overcoming challenges. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2023. 131 p.

Nikolaev R.S. Optimization of transport and logistics system as a necessary condition for sustainable development of Russia in the conditions of structural restructuring of the economy. In: Economic development of Russia: Structural adjustment and diversification of the global ecosystem: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference, Sochi, January 31 — February 4, 2018. Krasnodar: Kuban State University Publ. House; 2018. Pp. 87–90.

Kruglov M.G., Chernyaev A.V., Chernyaeva S.V. Management of company processes based on service level agreement protocols. Quality Management. 2011;4(16):244–257.

Pustynnikova E.V. Processes of effective management of corporate structures in economic clusters (on the example of the Ulyanovsk region). Diss. ... Dr. Sci. (Econ.): 08.00.05. Samara: Samara University; 2012. 365 p.

Бюджетно-налоговая политика на современном этапе и ее роль в формировании бюджетов различных уровней

Зотиков Николай Зотикович

Канд. экон. наук, доц. каф. финансов, кредита и экономической безопасности

ORCID: 0000-0001-5631-9123, e-mail: zotikovcontrol@yandex.ru

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 428015, Московский пр-т, 15, г. Чебоксары, Россия

Аннотация

Бюджетно-налоговая политика призвана обеспечить устойчивое развитие российской экономики на основе модернизации, повысить уровень жизни населения путем снижения социального неравенства, адаптировать бюджетную систему к современным реалиям. Санкции, введенные странами Европейского союза и Соединенными Штатами Америки против Российской Федерации (далее – РФ), влияют не только на сферу производства, но и на экономику в целом. Снижение цен на нефть, девальвация рубля, отток иностранного капитала в конечном итоге ведут к дефициту бюджета. В этих условиях бюджетно-налоговая политика остается одним из важнейших инструментов проводимой государством экономической политики. Приоритетным направлением становится повышение эффективности налоговой системы. В задачи исследования входит установление эффективности бюджетно-налоговой системы в формировании доходов бюджетов различных уровней, в том числе административных центров (столиц республик, областных центров). В статье использованы анализ и синтез, обобщение, группировка, динамика, сравнение, табличный метод, данные Федеральной службы государственной статистики, Министерства финансов РФ, Федеральной налоговой службы РФ. Установлено, что существующая бюджетно-налоговая политика не обеспечивает региональные и местные бюджеты необходимыми финансовыми ресурсами, в них преобладают межбюджетные трансферты, покрывающие лишь их дефицит, не обеспечивающие рост экономики. Все это предопределяет необходимость перераспределения налоговых доходов в пользу региональных и местных бюджетов, что ослабит долю межбюджетных трансфертов в указанных бюджетах.

Ключевые слова: бюджетно-налоговая политика, бюджетная система, налоговая система, федеральные, региональные налоги, местные налоги, налог на совокупный доход, безвозмездные поступления, государственный долг, бюджеты административных центров республик, бюджет федеральных округов

Для цитирования: Зотиков Н.З. Бюджетно-налоговая политика на современном этапе и ее роль в формировании бюджетов различных уровней//Управление. 2023. Т. 11. № 4. С. 35–44. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-35-44

Budgetary and tax policy at the present stage and its role in forming budgets of different levels

Nikolai Z. Zotikov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Finance, Credit and Economic Security Department

ORCID: 0000-0001-5631-9123, e-mail: zotikovcontrol@yandex.ru

Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, 15, Moskovsky prospekt, Cheboksary 428015, Russia

Abstract

Budgetary and tax policy is designed to ensure sustainable development of the Russian economy on the basis of modernization, to improve the living standards of the population by reducing social inequality, and to adapt the budget system to modern realities. The sanctions imposed by the European Union and the United States of America against Russia affect not only the production sphere, but also economy as a whole. The decline in oil prices, ruble devaluation, and outflow of foreign capital eventually lead to budget deficit. In these conditions, budgetary and tax policy remains one of the most important instruments of the economic policy pursued by the state. Increasing tax system efficiency becomes a priority. The objectives of the study include establishing budgetary and tax system effectiveness in forming budget revenues of different levels, including administrative centers (capitals of republics, regional centers). The article uses analysis and synthesis, generalization, grouping, dynamics, comparison, tabular method, and data of the Federal State Statistics Service, the Ministry of Finance of the Russian Federation, and the Federal Tax Service of the Russian Federation. It has been established that the existing budget and tax policy does not provide regional and local budgets with necessary financial resources as they are dominated by inter-budget transfers that cover only their deficit and do not ensure economic growth. All this predetermines the need to redistribute tax revenues in favor of regional and local budgets that will weaken the share of inter-budget transfers in these budgets.

Keywords: fiscal policy, budget system, tax system, federal taxes, regional taxes, local taxes, total income tax, gratuitous receipts, public debt, budgets of administrative centers of republics, budgets of federal districts

For citation: Zotikov N.Z. (2023). Budgetary and tax policy at the present stage and its role in forming budgets of different levels. *Upravleniye / Management (Russia)*, 11 (4), pp. 35–44. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-35-44

Введение / Introduction

Цель бюджетно-налоговой политики — обеспечение финансовых потребностей государства, регионов, определенных социальных групп общества на основе поступательного развития экономики. Выбор типа фискальной политики определяется состоянием экономики, а не состоянием бюджета: повышение государственных расходов и налогов на одинаковую величину увеличивает валовой внутренний продукт (далее — ВВП), поскольку налоги — это его часть, но не изменяет величину бюджетного дефицита. Основная цель финансовой политики — сглаживание колебаний экономического цикла, стабилизация темпов экономического роста, достижение высокого уровня занятости, снижение темпов инфляции.

Налоговая политика относится к косвенным методам государственного регулирования экономики, строится на таких принципах, как соотношение прямого и косвенного налогообложения, использование системы льгот, вычетов, скидок, методов формирования налоговой базы, дискретность (целенаправленное и сознательное вмешательство государства в формирование доходов и расходов бюджета) или непрерывность налогообложения (основана на действии встроенных стабилизаторов, приводящих к автоматическому изменению налоговых поступлений в бюджет). Различают три типа бюджетно-налоговой политики: высокий уровень налогообложения, низкое налоговое бремя, политика с достаточно существенным уровнем налогообложения.

Актуальность темы исследования усиливается в нынешних экономических условиях, характеризующихся игнорированием правил Всемирной торговой организации, политизацией всей экономической жизни, объявлением Российской Федерации (далее — РФ, Россия) со стороны Запада тотальной экономической войны, основной целью которой является ослабление российской экономики. В этих условиях как никогда возрастает значение и роль проводимой государством бюджетно-налоговой политики.

Под влиянием западных санкций российский бюджет испытывает определенные сложности. По данным министерства финансов РФ, при запланированном на 2023 г. дефиците федерального бюджета на сумму 2,9 трлн руб. реальное число за январь—май 2023 г. составило 3,4 трлн руб. (доходы — 9,8 трлн руб., расходы — 13,2 трлн руб., что на 27 % превышает величину расходов за 2022 г.). Сокращение доходов бюджета происходит и вследствие снижения количества поступлений от нефтегазовой

отрасли в два раза (в январе—мае 2022 г. — 5,66 трлн руб., в январе—мае 2023 г. — 2,85 трлн руб.). Дефицит бюджета ведет к сокращению инвестиций, снижению возможностей федерального бюджета выделять межбюджетные трансферты нижестоящим бюджетам (в 2022 г. их величина составила 3 674,7 млрд руб., без учета этого бюджеты регионов всех федеральных округов имели бы дефицит).

Цель исследования — установление эффективности действующего налогово-бюджетного механизма в вопросах формирования доходов бюджетов финансовой системы страны. Исследованием установлено, что существующая бюджетно-налоговая политика не обеспечивает региональные и местные бюджеты необходимыми ресурсами, в них преобладают межбюджетные трансферты, покрывающие лишь их дефицит, не обеспечивающие рост экономики. Все это предопределяет необходимость перераспределения налоговых доходов в пользу региональных и местных бюджетов, что ослабит долю межбюджетных трансфертов в указанных бюджетах. В связи с тем, что финансовые проблемы региональных и местных бюджетов заложены в самом действующем налогово-бюджетном механизме, государство не может ограничиться проведением недискреционной бюджетной политики. В настоящее время региональные и местные бюджеты профицитны лишь по той причине, что к собственным доходам бюджетов включаются межбюджетные трансферты (без субвенций). При увеличении дефицита федерального бюджета сократятся межбюджетные трансферты, и вся сеть региональных бюджетов может оказаться дефицитной.

Методы исследования / Research methods

В статье использованы табличный метод, анализ и синтез, обобщение, группировка, динамика, сравнение данных Федеральной службы государственной статистики, Министерства финансов РФ, Федеральной налоговой службы РФ. Исследуемый в статье вопрос для науки не является новым — он постоянно обсуждается, дискутируется в печати. Проведем краткий обзор по теме исследования.

Российская бюджетная система «отличается высокой степенью централизации — значительная часть доходов поступает в федеральный бюджет, малая часть налоговых доходов остается на региональном и местном уровнях, что лишает регионы и муниципалитеты мотивации в создании условий для развития бизнеса, борьбе с теневым сектором» [Алехнович, Никитин, 2018, с. 33]. Провозглашенный принцип финансовой самостоятельности местного самоуправления в России не соблюдается,

проводимые в стране реформы налогово-бюджетной системы привели к уменьшению собственной доходной базы местных бюджетов [Арланова, Зотиков, Львова, 2019].

По мнению М.Ш. Баснукаева, «рост налоговых потенциалов субъектов РФ является необходимым условием роста финансовой самостоятельности и повышения уровня социально-экономического развития региона» [Баснукаев, 2016, с. 552]. «С помощью региональных бюджетов государство проводит экономическую политику, выравнивая уровни экономического и социального развития территорий» [Дмитриева, 2017, с. 39].

«Процесс формирования и расходования средств местного бюджета имеет первостепенное значение в управлении финансовыми ресурсами каждого муниципального образования, так как осуществление закрепленных полномочий за местным самоуправлением должно базироваться на прочном финансово-экономическом фундаменте. В настоящее время имеет место низкая обеспеченность местных бюджетов собственными доходами, что вовлекает местное самоуправление в зависимость от органов государственной власти, в том числе и финансовую» [Лукьянова, 2020, с. 69].

«В функционировании межбюджетных трансфертов существуют такие понятия, как дотационные регионы России, или реципиенты и доноры. Это означает, что реципиенты являются теми субъектами

РФ, которые особо ощущают на себе нехватку денежных средств, соответственно, нуждаются в передаче дополнительной помощи и ресурсов. Доноры представляют собой те регионы, которые насыщены ресурсами и имеют возможность передать средства тем, кому необходимо» [Предет, 2022, с. 195].

Результаты исследования / Research results

Практическое проведение бюджетно-налоговой политики осуществляется через налоговый механизм, ее эффективность проявляется в действующей налоговой системе. В перечне налогов, закрепленных за бюджетами, с периода введения Налогового кодекса РФ существенных изменений в части улучшения финансового состояния региональных и местных бюджетов не произошло.

С целью установления эффективности действующей налоговой системы рассмотрим налоговые доходы бюджетов (табл. 1).

Из анализа данных табл. 1 следует, что в 2022 г. по сравнению с 2016 г. при увеличении налоговых доходов консолидированного бюджета (далее — КБ РФ) в 2,31 раза налоговые доходы федерального

¹ Федеральная налоговая служба. Данные по формам статистической налоговой отчетности. Форма №1-НМ. Отчет о начислении и поступлении налогов, сборов, страховых взносов и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации. Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 28.09.2023).

Таблица 1

Поступление налогов, сборов в бюджетную систему Российской Федерации

Table 1. Receipt of taxes and fees into Russian budget system of the Russian Federation

Налоговые доходы	2016 г., млрд руб.				2022 г., млрд руб.			
	КБ РФ	ФБ	КБС РФ	в т.ч. МБ	КБ РФ	ФБ	КБС РФ	в т.ч. МБ
Всего	14 386,1	6 834,7	7 551,4	1 011,6	33 349,7	19 197,6	14 152,1	1 725,6
Налог на прибыль	2 770,1	491,0	2 279,1	6,7	6 355,9	1 669,5	4 686,4	21,4
НДФЛ	3 017,3	–	3 017,3	660,5	5 727,9	149,0	5 578,9	1 145,1
НДС внутр.	2 657,4	2 657,4	–	–	6 489,4	6 489,4	–	–
Акцизы внутр.	1 293,9	632,2	661,7	–	– 984,8	– 2 101,7	1 116,9	3,5
Налог на имущество:	1 116,9	–	1 116,9	193,0	1 632,2	–	1 632,2	259,3
физлиц	36,1	–	36,1	28,9	98,6	–	98,6	68,7
организаций	764,5	–	764,5	4,1	1 126,1	–	1 126,1	9,8
транспортный	139,1	–	139,1	3,6	205,4	–	205,4	15,5
земельный	176,4	–	176,4	156,4	200,4	–	200,4	165,3
Плата за природные ресурсы	2 951,9	2 883,0	68,9	1,9	12 705,8	12 573,5	132,3	4,2
Госпошлина	35,5	16,7	18,8	16,1	39,4	14,5	24,9	21,6
Налог на совокупный доход	380,3	–	380,3	137,8	972,2	–	972,2	270,6

Примечание: в таблице приняты следующие сокращения: КБ РФ – консолидированный бюджет РФ; ФБ – федеральный бюджет; КБС РФ – бюджет субъекта РФ; МБ – местный бюджет; НДФЛ – налог на доходы физических лиц; НДС – налог на добавленную стоимость

Источник¹ / Source¹

бюджета (далее – ФБ) увеличились в 2,81 раза, бюджет субъектов (далее – КБС РФ) – на 87,4 %, местный бюджет (далее – МБ) – на 70,6 %, что вызвало увеличение доли в КБ РФ налоговых доходов ФБ с 47,5 до 57,6 % за счет снижения доли БС РФ с 52,5 до 42,4 %. В налоговых доходах ФБ доля налога на прибыль увеличилась с 7,2 до 8,7 %, платы за природные ресурсы – с 42,2 до 65,5 % при снижении доли налога на добавленную стоимость с 38,9 % до 33,8 %. В налоговых доходах КБС РФ доля налога на прибыль увеличилась с 30,2 до 33,1 %, налога на совокупный доход – с 5,0 до 6,9 %, снизилась доля налога на доходы физических лиц (далее – НДФЛ) с 39,9 до 39,4 %, налога на имущество – с 14,8 до 11,8 %. В налоговых доходах МБ доля НДФЛ увеличилась с 65,3 до 66,3 %, доля налога на имущество уменьшилась с 19,1 до 15,0 %.

Таким образом, в налоговых доходах КБС РФ доля региональных налогов незначительна (14,8 % и 11,6 %), как и доля налога на совокупный доход (5,0 % и 6,9 %),

велика доля федеральных налогов (НДФЛ, налога на прибыль). В налоговых доходах МБ незначительна доля местных налогов – 18,3 % и 13,6 %, налога на совокупный доход – 13,6 % и 15,7 %, велика доля федерального налога НДФЛ – более 65,0 %.

По данным табл. 2, за анализируемый период доходы бюджета РФ увеличились на 76,8 %, по округам – более чем на 70 %, в том числе по Приволжскому федеральному округу (далее – ПФО) на 68,6 %, Дальневосточному федеральному округу (далее – ДФО) – на 93,8 %. В КБ РФ увеличилась доля Центрального федерального округа (далее – ЦФО) с 33,8 до 34,0 %, доля Северо-Западного федерального округа (далее – СЗФО) – с 11,2 до 11,3 %, уменьшилась доля ПФО с 14,8 до 14,1 %, Сибирского федерального округа (далее – СФО) – с 10,9 до 10,7 %, остается незначительной доля Северо-Кавказского федерального округа (далее – СКФО) – 4,0 %, Южного федерального округа (далее – ЮФО) – 7,6 %.

Таблица 2

Исполнение консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации

Table 2. Execution of consolidated budgets of the constituent entities of Russia

Годы	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Доходы бюджетов – всего, млрд руб.									
2016	9 920,7	3 351,9	1 113,2	762,9	377,7	1 470,1	987,2	1 083,7	773,9
2021	17 542,7	5 962,9	1 979,5	1 339,1	696,1	2 478,9	1 712,5	1 873,7	1 499,9
2021/2016, %	176,8	177,9	177,8	175,5	184,3	168,6	173,5	172,9	193,8
Налоговые доходы, млрд руб.									
2016	7 571,9	2 724,9	881,3	518,6	151,4	1 122,3	844,4	802,6	526,5
Доля в РФ, %		36,0	11,6	6,8	2,0	14,8	11,2	10,6	7,0
2021	12 674,0	4 854,2	1 542,1	810,9	228,5	1 695,4	1 413,1	1 307,2	822,5
Доля в РФ, %		38,3	12,2	6,4	1,8	13,4	11,1	10,3	6,5
Налог на прибыль организаций, млрд руб.									
2016	2 279,1	856,6	258,7	117,0	20,8	320,9	275,3	233,2	196,7
2021	4 529,2	1 729,6	553,3	212,3	43,7	574,5	622,4	544,0	249,4
Доля в налоговых доходах в 2021 г., %		35,6	35,9	26,2	19,1	33,9	44,0	41,6	30,3
Налог на доходы физических лиц, млрд руб.									
2016	3 017,3	1 196,4	375,1	204,6	63,5	402,6	299,9	297,1	178,0
2021	4 791,9	2 062,9	604,8	293,4	97,6	578,6	437,0	405,9	311,6
Доля в налоговых доходах в 2021 г., %		42,5	39,2	36,2	42,7	34,1	30,9	31,0	37,9
Безвозмездные поступления, млрд руб.									
2016	1 577,0	319,3	142,2	201,8	210,9	239,0	76,2	208,7	178,9
% к доходам	15,9	9,0	12,8	26,5	55,8	16,2	7,7	19,3	23,1
2021	3 674,8	632,7	325,8	462,3	447,5	659,0	214,2	469,0	464,0
% к доходам	20,9	10,6	16,5	34,5	64,3	26,6	12,5	25,0	30,9
Расходы бюджетов, млрд руб.									
2016	9 933,2	3 245,4	1 144,8	782,3	381,2	1 485,5	999,3	1 114,0	780,6
2021	16 882,0	5 892,4	1 866,7	1 297,5	675,9	2 385,5	1 603,7	1 703,8	1 456,5

Годы	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Дефицит (-), профицит (+), млрд руб.									
2016	- 12,4	+ 106,5	- 31,6	- 19,4	- 3,6	- 15,4	- 12,1	- 30,3	- 6,6
2021	+ 660,6	+ 70,5	+ 112,8	+ 41,6	+ 20,2	+ 93,3	+ 108,8	+ 169,9	+ 43,5
Государственный долг, млрд руб.									
2016	2 717,5	596,6	262,1	323,3	93,5	663,4	183,3	426,7	168,5
2021	2 474,5	698,9	273,1	212,8	61,7	570,1	152,1	296,6	209,0
Удельный вес федеральных округов в величине поступивших налогов, в том числе в федеральный бюджет, млрд руб.									
2016	Всего	29,7	12,1	5,4	1,2	16,0	21,8	9,2	4,6
	в т.ч. в ФБ	23,1	12,8	4,1	0,7	16,3	33,7	7,4	2,0
2021	Всего	27,7	1,6	4,7	1,0	17,0	26,0	9,0	4,1
	в т.ч. в ФБ	19,4	9,6	3,5	0,5	18,9	38,1	7,7	2,3

Примечание: РФ – Российская Федерация; ЦФО – Центральный федеральный округ; СЗФО – Северо-Западный федеральный округ; ЮФО – Южный федеральный округ; СКФО – Северо-Кавказский федеральный округ; ПФО – Приволжский федеральный округ; УФО – Уральский федеральный округ; СФО – Сибирский федеральный округ; ДФО – Дальневосточный федеральный округ; ФБ – федеральный бюджет

Источник²⁻⁴ / Source²⁻⁴

Налоговые доходы консолидированного бюджета РФ увеличились на 67,4 %, кроме ЦФО, налоговые доходы бюджетов округов увеличились в меньшем размере, чем величина доходов бюджетов, в том числе в СЗФО на 75,0 %, в ДФО – на 56,2 %, Уральском федеральном округе (далее – УФО) – на 67,3 %, что привело к уменьшению доли округов в величине налоговых доходов бюджета РФ в этих округах. Незначительна в налоговых доходах бюджета РФ доля СКФО (1,8 %), ЮФО (6,4 %), ДФО (6,5 %).

Величина налога на прибыль увеличилась по РФ на 86,9 %, увеличение имеет место по всем округам. В 2021 г. в величине налоговых доходов бюджетов доля налога на прибыль составляет более 30 %, за исключением СКФО (19,1 %) и ЮФО (26,2 %).

Поступления НДС увеличились по РФ и всем округам. В 2021 г. в величине налоговых доходов доля НДС во всех округах превысила 30 %, в том числе в ЦФО (42,5 %). С увеличением величины безвозмездных поступлений их доля в величине доходов бюджетов повысилась по РФ с 15,9 до 20,9 % и по всем округам, в том числе в СКФО – с 55,8 до 64,3 %, ЮФО – с 26,5 до 34,5 %, СФО – с 19,3 до 25,0 %, ЦФО – с 9 до 10,6 %.

Расходы бюджетов ЦФО и ПФО увеличились в размере, опережающем темп роста их доходов. При этом по итогам 2016 г. все округа, кроме ЦФО, имели дефицит бюджетов. По итогам 2021 г. бюджеты всех округов стали профицитными, причем профицит составил значительно меньше величины безвозмездных поступлений (например, в СКФО – 447,5 и 20,2 млрд руб.), то есть без учета безвозмездных поступлений региональные бюджеты всех округов дефицитны. Величина государственного долга уменьшилась по РФ (на 9,0 %) и округам, за исключением ЦФО (рост на 17,1 %), СЗФО (рост на 4,2 %), ДФО (рост на 24,0 %), при этом во всех округах величина в процентах к доходам уменьшилась, в том числе по ЦФО – с 17,8 до 11,7 %, ПФО – с 45,1 до 23,0 %.

В величине налоговых доходов бюджетов значительна доля ЦФО, УФО, ПФО, незначительна доля СКФО (1,0 %), ДФО и ЮФО (менее 5,0 %), при этом в 2021 г. 38,1 % федерального бюджета обеспечивал УФО, 19,4 % – ЦФО, 18,9 % – ПФО, незначительна доля СКФО (0,5 %), ДФО (2,3 %), ЮФО (3,5 %).

Как следует из данных табл. 3, за анализируемый период доходы местных бюджетов увеличились на 77,7 %, в том числе налоговые доходы – на 69,3 %, межбюджетные трансферты – на 90,0 %. В структуре доходов местных бюджетов доля налоговых доходов незначительна (28,9 % и 27,5 %), как и доля неналоговых доходов (7,6 % и 4,7 %), значительна доля межбюджетных трансфертов (63,5 % и 67,7 %).

В величине налоговых доходов доля НДС составляет 62,7 % в 2016 г. и 64,2 % в 2022 г., доля местных налогов – 17,6 % и 13,2 % соответственно.

² Министерство финансов Российской Федерации. Данные об исполнении бюджетов консолидированных бюджетов субъектов РФ. Режим доступа: <https://minfin.gov.ru/performance/regions/operational/analysis> (дата обращения: 28.09.2023).

³ Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017 г. Режим доступа: rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 28.09.2023).

⁴ Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2022 г. Режим доступа: bigen.ru/b/regiony-rossii-sotsial-no-e-497fb1 (дата обращения: 28.09.2023).

Таблица 3

Исполнение местных бюджетов

Table 3. Execution of local budgets

Показатели	2016 г., млрд руб.	2022 г., млрд руб.	2022 г. / 2016 г., %
Доходы	3 645,1	6 478,0	177,7
Собственные доходы	2 352,0	4 569,1	194,3
1) налоговые и неналоговые доходы	1 331,1	2 090,7	157,1
2) межбюджетные трансферты (без субвенций)	1 020,9	2 478,4	242,8
Налоговые доходы	1 053,6	1 783,9	169,3
Доля налоговых доходов в общей сумме доходов, %	28,9	27,5	95,2
1) налог на имущество физических лиц	28,9	69,6	240,8
2) земельный налог	156,4	165,9	106,1
3) НДФЛ	660,5	1 145,1	173,4
4) налог на совокупный доход	88,7	271,1	305,6
5) акцизы на нефтепродукты	39,7	57,1	143,8
6) налог на прибыль	–	21,4	–
Неналоговые доходы	277,5	306,8	110,5
Доля неналоговых доходов в общей сумме доходов, %	7,6	4,7	61,8
Межбюджетные трансферты	2 309,3	4 387,3	190,0
Доля межбюджетных трансфертов в общей сумме доходов, %	63,5	67,7	106,6
Расходы	3 655,1	6 448,7	176,4
Дефицит, профицит	– 10,0	+ 29,3	–
Муниципальные образования – всего, ед.	22 392	19 474	87,0
1) городские округа	560	603	107,7
2) сельские поселения	18 184	15 560	85,5

Источник⁵ / Source⁵

В величине неналоговых доходов доля доходов от использования имущества составляет более 50,0 %, в величине межбюджетных трансфертов доля субвенций уменьшилась с 55,8 до 43,5 %, в величине дотаций преобладают дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности. В 2016 г. местные бюджеты имели дефицит (10 млрд руб.), в 2022 г. – профицит (29,3 млрд руб.).

В 2022 г. по сравнению с 2016 г.:

1) количество муниципальных образований уменьшилось на 13,0 %, при увеличении количества городских округов на 7,7 % количество сельских поселений уменьшилось на 14,5 %; в структуре муниципальных образований доля сельских поселений составляла более 80,0 %;

2) собственные доходы местных бюджетов увеличились на 94,3 %;

3) налоговые доходы местных бюджетов увеличились на 69,3 %, неналоговые – на 10,5 %.

Рассмотрим бюджеты городских округов, выполняющих роль административных центров столиц республик, краев, областей, на примере бюджетов Самарской области и Самары за 2020 г. и 2021 г. (табл. 4).

Из сравнения данных 2021 г. с 2020 г. следует, что:

1) доходы бюджета области увеличились на 25,7%, бюджета Самары – на 11,2 %;

2) величина безвозмездных поступлений в бюджете области уменьшилась на 9,1 %, в бюджете города увеличилась на 8,7 %;

3) налоговые доходы в областном бюджете увеличились на 34,5 % (за счет увеличения налога на прибыль), в бюджете города – на 13,9 %;

4) доля налоговых и неналоговых доходов в бюджете Самарской области составляет 79,7% в 2020 г. и 85,3 % в 2021 г., в бюджете Самары – 50,8 % и 51,9 % соответственно;

5) доля безвозмездных поступлений составляет в бюджете области 20,3 % и 14,7%, в бюджете города – 49,2 % и 48,1 %.

⁵ Министерство финансов Российской Федерации. Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах РФ на региональном и муниципальном уровнях за 2016 год и 2022 год. Режим доступа: <https://clck.ru/34uxog> (дата обращения: 28.09.2023).

Таблица 4

Бюджеты Самарской области и Самары за 2020–2021 гг.

Table 4. Budgets of the Samara region and the city of Samara for 2020–2021

Показатели	2020 г., млрд руб.		2021 г., млрд. руб.		2021/2020 гг., %	
	Область	Самара	Область	Самара	Область	Самара
Доходы – всего	212,0	30,3	266,4	33,7	125,7	111,2
Налоговые и неналоговые доходы	168,9	15,4	227,2	17,5	134,5	113,6
Безвозмездные поступления	43,1	14,9	39,2	16,2	90,9	108,7
Налоговые доходы	168,9	13,7	227,2	15,6	134,5	113,9
Налог на прибыль	46,3	–	84,2	–	181,8	–
Налог на доходы физических лиц	45,5	10,1	50,1	11,5	110,1	113,9
Акцизы	48,6	0,05	61,9	0,06	127,4	120,0
Налоги на имущество:	20,3	2,5	20,9	2,3	102,9	92,0
– имущество физических лиц	–	0,7	–	0,7	–	100,0
– имущество организаций	15,9	–	16,3	–	102,5	–
– транспортный налог	4,4	–	4,6	–	104,5	–
– земельный налог	–	1,8	–	1,6	–	88,9
Налог на совокупный доход	8,2	0,7	9,7	1,4	118,3	2 раза
Расходы	210,5	30,1	238,6	33,3	113,3	110,6
Дефицит (–), профицит (+)	+ 1,5	+ 0,2	+ 27,8	+ 0,4	–	–
Численность населения, тыс. чел.	3 154,1	1 144,8	3 131,7	1 136,0	99,3	99,2
Численность населения без областного центра	2 009,3	1 144,8	1 995,7	1 135,0	99,3	99,1
Налоговые доходы бюджетов на 1 чел., руб.	84 059	13 452	113 845	15 405	135,4	114,5

Источник^{6,7,8,9} / Source^{6,7,8,9}

В величине налоговых доходов области:

1) доля налога на прибыль увеличилась с 27,4 % до 37,0 % при увеличении налога на прибыль в абсолютном выражении на 81,8 %;

2) уменьшилась доля НДС с 26,9 % до 22,0 %, доля акцизов с 28,8 % до 27,2 %;

3) доля региональных налогов в бюджете области незначительна (12,2 % и 9,2 %);

4) доля налога на совокупный доход уменьшилась с 4,8 % до 4,2 %.

⁶ Российская Федерация. Решение Думы городского округа Самара от 27 мая 2021 г. № 91 «Об утверждении отчета об исполнении бюджета городского округа Самара Самарской области за 2020 год». Режим доступа: <https://base.garant.ru/400853532/> (дата обращения: 28.09.2023).

⁷ Российская Федерация. Решение Думы городского округа Самара от 25 мая 2023 г. № 294 «Об утверждении отчета об исполнении бюджета городского округа Самара Самарской области за 2022 год». Режим доступа: samadm.ru/docs/official-publication/43446/ (дата обращения: 28.09.2023).

⁸ Российская Федерация. Закон Самарской области от 16 июля 2021 г. № 65-ГД «Об исполнении областного бюджета за 2020 год». Режим доступа: <https://www.garant.ru/hotlaw/samara/1475739/> (дата обращения: 28.09.2023).

⁹ Российская Федерация. Закон Самарской области от 4 июля 2022 г. № 70-ГД «Об исполнении областного бюджета за 2021 год».

При этом в 2021 г. по сравнению с 2020 г. доля Самары в величине показателей по Самарской области уменьшилась: по доходам бюджета – с 14,3 до 12,6 %, налоговым доходам – с 8,1 до 6,8 %, увеличилась доля безвозмездных поступлений с 34,5 до 41,3 %.

В общей сумме доходов бюджета Самары:

1) доля налоговых доходов составляет 45,2 % и 46,3 %, в величине налоговых доходов доля НДС составляет 73,7 %;

2) доля местных налогов незначительна (18,2 % и 14,7 %);

3) даже с увеличением в 2 раза доля налога на совокупный доход в бюджете города остается незначительной (менее 5,0 %).

Налоговые доходы бюджета на 1 чел. по Самарской области составляют 84 059 руб. в 2020 г. и 113 845 руб. в 2021 г., на одного жителя г. Самара – 13 452 руб. и 15 405 руб. соответственно, что в 6,2 раз в 2020 г. и 7,4 раза в 2021 г. меньше, чем на жителя области. Величина межбюджетных трансфертов к величине налоговых доходов в бюджете Самары составляет 108,7 % в 2020 г. (14,9:13,7x100 %), 103,8 % – в 2021 г. (16,2: 15,6 x100 %), по области соответственно 25,5 % (43,1: 168,9x100 %) и 17,2 % (39,2: 227,2 x100 %).

Заключение / Conclusion

Проведенное исследование показало следующее:

1) налоговые доходы федерального бюджета увеличиваются в более значительной мере, чем доходы региональных и местных бюджетов;

2) в величине налоговых доходов региональных и местных бюджетов велика доля федеральных налогов;

3) более трети в налоговых доходах КБ РФ занимает ЦФО, незначительна доля ЮФО, СКФО, ДФО;

4) значительна доля безвозмездных поступлений в доходах бюджетов СКФО (в 2021 г. составила 64,3 %), ЮФО, ДФО;

5) величина государственного долга по округам уменьшается, однако остается значительной его величина в регионах ПФО, ДФО, СКФО;

6) значительна доля федеральных налогов в доходах бюджетов ЦФО, УФО, причем более 50 % федеральных налогов в доходах КБ РФ принадлежит ЦФО и УФО;

7) в величине доходов местных бюджетов собственные доходы составляют около 2/3, в том числе доля налоговых доходов – менее 1/3, значительна доля межбюджетных трансфертов (более 1/3), доля НДФЛ составляет более 60 % в налоговых доходах местных бюджетов;

8) в структуре муниципальных образований преобладает доля сельских поселений (более 80 %), при этом более половины налоговых доходов поступает городским округам;

9) темпы роста налоговых доходов областного бюджета опережают темп их роста в бюджете Самары;

10) в бюджете Самары доля безвозмездных поступлений составляет около 50 % (по области до 20 %).

Величина налоговых доходов на одного жителя в бюджете Самарской области превышает соответствующий показатель по Самаре в 6–7 раз. Это обусловлено следующим. Бюджеты областных центров, столиц автономных республик, краев, городских округов формируются по общим правилам: в их бюджеты зачисляются местные налоги, часть НДФЛ;

в бюджеты областей, республик – региональные налоги, часть федеральных налогов (налог на прибыль организаций, акцизы). С 2021 г. местные бюджеты утратили такой источник доходов, как поступления единого налога на вмененный доход в связи с его отменой. Расходы областного бюджета в 2021 г. составили 238,6 млрд руб., в том числе за счет межбюджетных трансфертов в 39,2 млрд руб. (16,4 %). Расходы бюджета Самары составили 33,7 млрд руб., в том числе за счет межбюджетных трансфертов в 15,6 млрд руб. (46,3 %).

Государственная бюджетно-налоговая политика призвана обеспечить финансовую безопасность регионов страны и их бюджеты. Регионы и муниципалитеты не в состоянии проводить на местах полномасштабную бюджетно-налоговую политику, что связано в первую очередь с ограниченностью количества налогов, закрепленных за ними. Действующая бюджетно-налоговая политика не улучшает финансы бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов.

Исследование показало необходимость перестройки налогов в пользу региональных и местных бюджетов (включая бюджеты городских округов – административных центров) с целью сокращения межбюджетных трансфертов и замены их налоговыми поступлениями, что повысит роль регионов и муниципалитетов в проведении бюджетно-налоговой политики на местах. Это становится актуальным в связи с увеличением значения 1 % ставки налога, например, по прибыли – с 138,5 млрд руб. в 2016 г. до 304,8 млрд руб. в 2022 г., НДС – с 147,6 млрд руб. до 273,96 млрд руб.

Список литературы

Алехнович А.О., Никитин К.М. «Умная» налоговая система. Научные труды Вольного экономического общества России. 2018;209(1):25–44.

Арланова О.И., Зотиков Н.З., Львова М.В. Местные бюджеты: проблемы формирования. Вестник Евразийской науки. 2019;5(11).

Баснукаев М.Ш. Инвестиционная политика, налоговый потенциал и доходы бюджета: региональный аспект. Актуальные вопросы современной экономики. 2016;5:552–558.

References

Alekhnovich A.O., Nikitin K.M. "Smart" taxes. Scientific works of the Free Economic Society of Russia. 2018;209(1):25–44. (In Russian).

Arlanova O.I., Zotikov N.Z., Lyova M.V. Local budgets: problems of formation. The Eurasian Scientific Journal. 2019;5(11). (In Russian).

Basnukaev M.Sh. Investment policy, tax potential and budget revenues: regional aspect. Topical issues of the modern economy. 2016;5:552–558. (In Russian).

Дмитриева Л.С. Анализ роли налога на доходы физических лиц в формировании доходов в консолидированном бюджете на субрегиональном уровне. В кн.: Кузьмин С.В. (ред.). Процессы развития современной научной мысли. Казань; 2017. С. 39–42.

Лукьянова З.А., Синицын Е.И. Роль местных налогов в формировании доходов местных бюджетов (на примере города Новосибирск). Актуальные вопросы современной экономики. 2020;5:69–75. <https://doi.org/10.34755/IROK.2020.66.86.043>

Предет К.А. Влияние межбюджетных трансфертов на функционирование бюджетов субъектов Российской Федерации. Молодой ученый. 2022;3(398):193–196.

Dmitrieva L.S. Analysis of the role of personal income tax in generating revenues in the consolidated budget at the subregional level. In: Kuzmin S.V. (ed.). Processes of modern scientific thought development. Kazan; 2017. Pp. 39–42. (In Russian).

Lukyanova Z.A., Sinitsyn E.I. The role of local taxes in the formation of local budget revenues (for example, the city of Novosibirsk). Topical issues of the modern economy. 2020;5:69–75. <https://doi.org/10.34755/IROK.2020.66.86.043> (In Russian).

Predet K.A. The influence of interbudgetary transfers on the functioning of the budgets of the constituent entities of the Russian Federation. Molodoi uchenyi. 2022;3(398):193–196. (In Russian).

УДК 336.7, 338.2

JEL E42

DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-45-54>

Получено: 25.08.2023

Статья доработана после рецензирования: 20.10.2023

Принято: 27.10.2023

Эволюция стресс-тестирования финансовых институтов

Кузнецова Валентина Вильевна¹

Канд. ист. наук, доц. каф. мировой экономики и управления внешнеэкономической деятельностью

ORCID: 0000-0002-8698-4295, e-mail: vkuz_55@mail.ru

Ларина Ольга Игоревна²

Канд. экон. наук, доц. каф. маркетинга

ORCID: 0000-0002-9841-8194, e-mail: oilarina@mail.ru

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119991, Ленинские горы, д. 1, г. Москва, Россия

²Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье поднимаются вопросы развития актуального инструмента финансового регулирования и надзора — стресс-тестирования. Органы регулирования используют разные виды тестирования для оценки возможных проблем, а также моделирования ответной реакции поднадзорных институтов на изменение параметров систем. В настоящее время вопросы обеспечения финансовой стабильности стоят достаточно остро, и поиск эффективных аналитических инструментов — важная управленческая задача, на решение которой направлено настоящее исследование. Цель статьи — обосновать преимущества и ограничения данного инструмента и определить направления по его совершенствованию. Проанализирована эволюция инструмента, и исследованы микропруденциальные, макропруденциальные и кризисные стресс-тесты. Работа базируется на данных Международного валютного фонда, а также Центрального банка Российской Федерации, использованы методы анализа нормативных документов и сравнительного экономического анализа. Систематизированы типы стресс-тестов и основные этапы стресс-тестирования. Авторы, учитывая трансграничный характер деятельности финансовых институтов, делают вывод о желательной трансформации инструментов надзора и рекомендуют в качестве основных направлений совершенствования включение в стресс-тестирование небанковских финансовых организаций, а также сетевых взаимодействий между финансовыми институтами.

Ключевые слова: стресс-тест, банковские риски, финансовый рынок, системный риск, финансовая стабильность, макропруденциальная политика, регулирование и надзор, риск-менеджмент

Для цитирования: Кузнецова В.В., Ларина О.И. Эволюция стресс-тестирования финансовых институтов//Управление. 2023. Т. 11. № 4. С. 45–54. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-45-54

Received: 25.08.2023

Revised: 20.10.2023

Accepted: 27.10.2023

Evolution of stress testing of financial institutions

Valentina V. Kuznetsova¹

Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. at the World Economy and Management of Foreign Economic Activity Department

ORCID: 0000-0002-8698-4295, e-mail: vkuz_55@mail.ru

Olga I. Larina²

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Marketing Department

ORCID: 0000-0002-9841-8194, e-mail: oilarina@mail.ru

¹Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie gory, Moscow 119991, Russia

²State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

Abstract

The article raises the issues of developing a relevant tool for financial regulation and supervision – stress testing. Regulatory authorities use different types of testing to assess possible problems, as well as to model the response of supervised institutions to changes in system parameters. At present, the issues of ensuring financial stability are quite acute, and the search for effective analytical tools is an important managerial task, the solution of which is the focus of this study. The purpose of the article is to substantiate the advantages and limitations of this tool and to identify areas for its improvement. The evolution of the tool has been analyzed, and microprudential, macroprudential, and crisis stress tests investigated. The work is based on the data of the International Monetary Fund, as well as the Central Bank of the Russian Federation, the methods of analyzing regulatory documents and comparative economic analysis have been used. Types of stress tests and main stages of stress testing have been systematized. The authors, considering cross-border nature of financial institutions' activities, conclude that transformation of supervisory tools is desirable and recommend the inclusion of non-banking financial organizations in stress testing, as well as network interactions between financial institutions as the main areas of improvement.

Keywords: stress test, banking risks, financial market, systemic risk, financial stability, macroprudential policy, regulation and supervision, risk management

For citation: Kuznetsova V.V., Larina O.L. (2023). Evolution of stress testing of financial institutions. *Upravlenie / Management (Russia)*, 11 (4), pp. 45–54. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-45-54

Введение / Introduction

За последние несколько десятилетий стресс-тестирование (далее — СТ) стало широко применяемым инструментом как органами финансового регулирования и надзора, так и финансовыми институтами. Существуют разные виды и модели стресс-тестов. В общем значении СТ представляет собой моделирование стрессовой ситуации и определение параметров изменения системы в ответ. Его результаты призваны помочь регулирующим органам и хозяйствующим субъектам выявлять наиболее важные факторы рисков, рассчитывать возможные количественные последствия материализации рисков событий на уровне национальной экономики и отдельных финансовых институтов, а также определять наиболее подходящие меры для смягчения негативных последствий и/или корректировки финансовых условий. Инструментарий СТ помогает регуляторам планировать введение тех или иных инструментов и принимать адекватные решения, предварительно оценив вклад и влияние этих инструментов на финансовую устойчивость как финансовой системы в целом, так и отдельных институтов. СТ позволяет также оценивать эффективность уже реализованных регулятором мер.

После глобального финансового кризиса (2008–2009 гг.) в теорию и практику СТ были внесены принципиальные изменения: была признана необходимость сочетания микро- и макропруденциального СТ в целях поддержания макро-финансовой стабильности; разработаны принципы СТ¹; микро- и макротестирования стали проводиться на регулярной и обязательной основе; разработаны различные модели и процедуры СТ. В то же время национальные финансовые системы и бизнес-модели финансовых институтов постоянно эволюционируют, и, как показывают результаты ряда тестов, использование сложившихся процедур и методик не всегда позволяет своевременно выявить серьезные уязвимости в макрофинансовой среде или проблемы у финансовых институтов.

Обзор источников и развития подходов к стресс-тестированию / Sources and stress testing approaches development review

Первоначально СТ разрабатывалось как способ оценки изменений в финансовом положении банков в начале 1990-х гг. В основу моделей СТ были положены идеи концепции стоимости под риском

(VaR). Компания JP Morgan Chase & Co. с 1987 г. разрабатывала, а в 1990-х гг. активно популяризировала модель RiskMetrics™, позволявшую моделировать воздействие около сотни факторов риска на финансовое положение финансовых институтов [Holton, 2002]. Положение «RiskMetrics™ – Technical Document»², обнародованное компанией, содержало как методики расчета отдельных показателей (например, нелинейных распространений рисков), так и описание ряда практических ситуаций в целях принятия инвестиционных (торговых) решений и измерения потенциальных убытков в результате воздействия того или иного фактора риска. Портфельный подход к оценке стоимости под риском в банковских активах получил распространение среди участников финансового рынка, а затем и в практике регулирующих и надзорных органов.

Органы регулирования стали применять методы СТ в начале 2000-х гг. в целях микропруденциального регулирования. Положения международного стандарта Базель II содержали требование к банкам, использующим одобренные регулятором внутренние модели оценки риска (Internal Risk-Based, IRB), проводить СТ для оценки воздействия рыночного и кредитного риска на достаточность капитала банка³. В отличие от методик оценки рисков, основанных на анализе балансовых счетов банков (например, С.А.М.Е.Л.), по содержанию ориентированных назад, методики расчета стоимости под риском были ориентированы вперед и позволяли симулировать различные рисковые ситуации.

Первоначально предполагалось, что стресс-тесты будут помогать банкам оценивать, насколько они в состоянии покрывать убытки в случае материализации конкретных факторов риска и какие им следует предпринять меры для снижения негативных последствий. В основе первых моделей СТ были упрощенные сценарии, предполагавшие, что конкретный банк столкнется с реализацией рискового события и для снижения величины потенциальных убытков будет, например, ужесточать стандарты кредитования или распродавать определенные активы. Ранние модели СТ в основном проводились для оценки уровня достаточности собственного капитала и платежеспособности банка после материализации указанного в сценарии негативного

² Morgan J.P. RiskMetrics™ – Technical Document. Режим доступа: <https://www.msci.com/documents/10199/5915b101-4206-4ba0-ae2-3449d5c7e95a> (дата обращения: 21.08.2023).

³ BIS. International Convergence of Capital Measurement and Capital Standards: A Revised Framework. Режим доступа: <https://www.bis.org/publ/bcbis118.pdf> (дата обращения: 21.08.2023).

¹ Центральный банк Российской Федерации. Принципы стресс-тестирования. Режим доступа: http://www.cbr.ru/content/document/file/71891/bis_20190507_2.pdf (дата обращения: 21.08.2023).

события и принятия соответствующих надзорных решений.

С конца 1990-х гг. Международный валютный фонд стал реализовывать различные проекты по проведению систематических оценок возможных реакций банков на макроэкономические шоки (Financial Stability Assessment Program, FSAP) для определения уровня устойчивости национальных финансовых систем, а в 2003 г. он дал первое определение макростресс-тестирования как набора методов, используемых для оценки уязвимостей финансовой системы перед исключительными, но возможными макроэкономическими шоками [Blanschke, 2004].

СТ в настоящее время стало популярным аналитическим инструментом макропруденциального регулирования. Центральный банк Российской Федерации также широко применяет СТ. Макропруденциальные стресс-тесты проводятся на базе сценарного анализа с использованием макромоделей, оценивающей влияние экономических факторов (изменение таких параметров, как валовой внутренний продукт, курс рубля к иностранным валютам, инфляция, реальные располагаемые доходы населения, инвестиции в основной капитал, цены на нефть) на банковский сектор при помощи ряда регрессивных уравнений. Проводятся также и другие тесты, в которых оценивается устойчивость банковской системы к рискам, в том числе к риску ликвидности и риску концентрации кредитования на отдельных отраслях экономики [Данилова, Марков, 2017].

Конкретно проблемам СТ посвящено ограниченное число публикаций российских специалистов. В частности, отечественные авторы приводят обзорные исследования отдельных стресс-тестов. В работе И.К. Андриевской приведен обзор методологий СТ, применявшихся в начале 2000-х гг. [Андриевская, 2007]. В статье К.А. Поповой рассмотрены отдельные инструменты проведения тестирования [Попова, 2019]. В ряде публикаций обсуждались инструменты оценки устойчивости банковской, страховой и финансовой систем специалисты исследовали аналитический инструментарий управления отдельными рисками [Ларина, Морыженкова, 2022; Ларина, Морыженкова, 2021; Екимова, Кузнецов, Ларина, 2021; Кузнецов, Екимова, Полякова, 2021].

Следует отметить научные работы, имеющие комплексный характер, посвященный эволюции регулирования и надзора [Господарчук, Зеленева, 2023]. Обобщенный анализ международного опыта СТ и обзор подходов Центрального банка Российской Федерации представлен в публикации Е.О. Даниловой и К.В. Маркова, но за период, прошедший со времени ее публикации, в международной и российской

регуляторной и надзорной практике применения СТ произошли важные изменения [Данилова, Марков, 2017]. В связи с этим целесообразна актуализация практического и теоретического опыта использования СТ.

Общие подходы к стресс-тестированию и классификация стресс-тестов / General approaches to stress testing and classification of stress tests

Под микропруденциальным стресс-тестом понимается «ориентированный вперед надзорный инструмент, оценивающий достаточность капитала (или ликвидности) у конкретного банка в зависимости от его портфельных рисков» [Ong, Jobst, 2020, p. 20]. Цель проведения подобных тестов — выявление проблем у отдельных банков и принятие соответствующих корректирующих мер надзорным органом.

Целями надзорного СТ могут быть:

- 1) ориентированная на будущий период оценка устойчивости отдельных финансовых институтов или финансовой системы;
- 2) выявление финансовых/экономических слабостей отдельных банков или финансовой системы, которые нуждаются в корректировке;
- 3) увеличение финансовых резервов отдельных банков или в финансовой системе, исходя из результатов проведения СТ, возможно, сверх установленного регуляторного уровня;
- 4) обеспечение того, что финансовые институты будут проводить обоснованную капитальную политику, соответствующую результатам ориентированного вперед тестирования;
- 5) смягчение финансовых дисбалансов или пузырей посредством использования макропруденциальных инструментов (например, контрциклического буфера капитала);
- 6) поддержание (восстановление) доверия среди рыночных участников и, следовательно, стабилизация финансовой системы (в кризисные периоды).

Для регуляторов надзорными целями СТ также могут быть: а) оценка адекватности уровней капитала или ликвидности у финансовых институтов; б) стимулирование банков развивать собственные возможности СТ и риск-менеджмента; в) поддержка других надзорных мер (инспекционных проверок, более тщательного анализа деятельности); г) получения количественной оценки подверженности рискам отдельного банка и банковской системы в целом; д) укрепление рыночной дисциплины.

Макропруденциальный стресс-тест — методика «оценки финансовых уязвимостей, способных стать триггером системного риска» и требующих принятия

системных мер [Adrian, Morsink, Schumacher, 2020]. Финансовые уязвимости являются дисбалансами и иными важными характеристиками финансовой среды (высокий левередж, искаженное ценообразование, плохое управление ликвидностью и др.), способными провоцировать негативные шоки. Конечная цель таких тестов — оценить, могут ли выявленные проблемы, например, провалы/разрывы в финансовом регулировании или же процикличность финансового посредничества оказать негативное воздействие на национальную экономику⁴. Макропруденциальное СТ позволяет национальным органам регулирования и надзора получить количественные оценки будущей устойчивости отдельных финансовых институтов и финансовой системы в целом в случае материализации определенного негативного события, рассчитать возможные прямые убытки и потери «хвоста» риска, а также точнее

⁴ Bernanke B. Implementing a macroprudential approach to supervision and regulation – Speech at the 47th Annual Conference on Bank Structure and Competition. Режим доступа: <https://www.bis.org/review/r110509b.pdf> (дата обращения: 21.08.2023).

настроить инструменты пруденциального регулирования и планы посткризисного восстановления.

За период после глобального финансового кризиса практика применения СТ получила большое развитие (табл. 1).

Так, одним из инструментов поддержания макрофинансовой стабильности является СТ в целях планирования действий по управлению системным финансовым кризисом. Суть такого СТ заключается в четкой оценке регулируемыми и надзорными органами материальных последствий развития кризиса и в понимании того, какие убытки могут сформироваться в финансовой системе при реализации определенных негативных и неожиданных событий. СТ в целях управления системным кризисом подразделяют на:

1) превентивные, проводимые в обычных условиях для оценки готовности финансовых институтов к возможным негативным событиям и планирования потенциальных регуляторных мер;

⁵ Ong L.L., Jobst A.A. Stress testing: principles, concepts, and frameworks. Режим доступа: <https://www.elibrary.imf.org/display/book/9781484310717/9781484310717.xml> (дата обращения: 21.08.2023).

Таблица 1

Типология стресс-тестов

Table 1. Stress tests typology

Характеристики	Макропруденциальные типы (стабильность)	Микропруденциальные типы (надзор)	Типы для управления кризисом	Типы для внутреннего риск-менеджмента
Основная цель	Выявить источники системного риска при регулярном мониторинге	Оценить качество активов отдельных институтов (на основе надзорных данных)	Определить объем необходимой рекапитализации и план реструктуризации	Риск-менеджмент имеющихся портфелей; получить данные для бизнес-планирования
Организатор	Центральный банк Российской Федерации, орган макропруденциально-го регулирования, Международный валютный фонд	Надзорный орган	Органы макро- и микропруденциального регулирования	Финансовые институты
Охват институтов	Как можно больший	Поднадзорные институты	Институты в стрессовой ситуации	Собственная деятельность
Частота	Раз в полгода или год (прежде всего системно значимые институты)	Регулярные проверки при обычных допущениях	По мере необходимости	Ежедневно или раз в неделю для оценки рыночных рисков
Характер шоков	Системные или обычные шоки, которые могут усиливаться	Обычные макродопущения; горизонтальный или тематический обзор	Происходящий системный стресс; анализ рисков платежеспособности	Шок, характерный для данного института
Продолжительность оцениваемого шока	Короткая	Короткая	Длительная	Меняющаяся
Критерии оценки	Текущие или новые регуляторные требования	Регуляторные требования; установленные индикаторы	Индикаторы отдельных институтов	Внутренние индикаторы допустимого риска
Метрика результатов	Агрегированные данные по финансовой системе; распределение рисков	Институты обязаны объяснить плохие результаты теста и исправить их	«Банкротящиеся» институты обязаны реализовать планы по оздоровлению	Возможно внесение изменений в политику риск-менеджмента
Публикация результатов	Частая	Редкая	В зависимости от ситуации	Не предусмотрена

Источник⁵ / Source⁵

2) кризисные, проводимые в условиях материализации негативного шока.

И превентивные, и кризисные СТ могут применяться для достижения схожих целей:

1) оценки потребности финансовых институтов в дополнительном капитале сверх текущего уровня;

2) определения дифференциации финансовых институтов по степени устойчивости (платежеспособности) при реализации негативного шока;

3) оценки потенциальных бюджетных затрат на поддержание устойчивости финансовой системы и/или рекапитализацию системно значимых финансовых институтов;

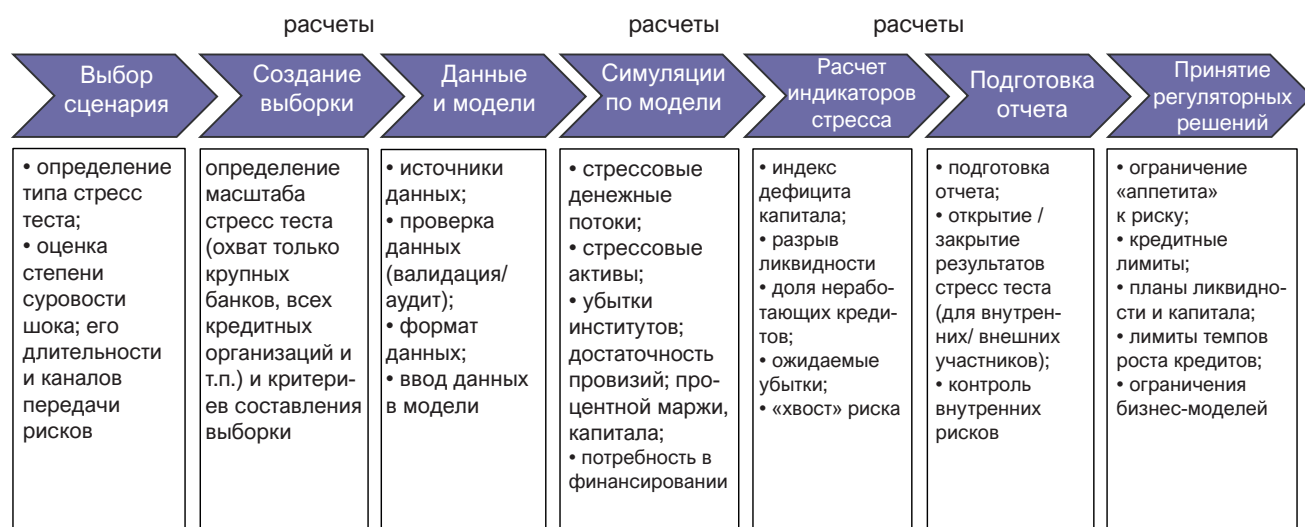
4) выявления финансовых институтов, способных стать источником распространения («заражения») негативных последствий шока по финансовой системе и организациями реального сектора.

Однако у кризисных СТ есть как минимум два важных отличия от превентивных: а) в центре анализа находится оценка платежеспособности отдельных финансовых институтов и значимости их неплатежеспособности для финансовой системы;

б) результаты тестирования носят непубличный характер в целях как предотвращения «банковских паник», так и поддержания доверия к действиям финансовых регуляторов. Для кризисного СТ критически важными являются время его проведения и длительность процесса анализа, так как регулирующим и надзорным органам необходимо как можно скорее устранить сомнения/неопределенности и восстановить доверие хозяйствующих субъектов к финансовым институтам (предотвратить панику) и к действиям регулятора.

Большое значение для получения наиболее точных результатов СТ имеет то, какие процедуры и расчетные модели (однофакторные или многофакторные модели) использовал надзорный орган. На рис. 1 представлены основные этапы СТ.

Так, при проведении кризисных СТ используются различные модели. До недавнего времени в основном это были модели, задействующие данные балансовых отчетов финансовых институтов, и модели, исходящие из рыночных данных. Сопоставление обоих типов представлено в табл. 2.

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 1. Основные этапы стресс-тестирования

Fig. 1. Main stages of stress testing

Таблица 2

Сопоставление моделей стресс-тестирования, основанных на данных балансовых отчетов финансовых институтов и на рыночных данных

Table 2. Comparison of stress testing models based on financial institutions' balance sheet data and market data

Характеристики	Модели, использующие данные балансов	Модели, использующие рыночные данные
Первичные данные	Данные бухгалтерских отчетов и обзоров рисков межбанковских связей	Данные финансового рынка (курсы акций, облигаций, доходностей, спредов, кредитно-дефолтных свопов и др.)
Вторичные данные	– вероятность дефолта; – доля неработающих активов (оценка кредитного риска)	Сочетание данных балансов и курсов акций/облигаций

Окончание табл. 2

Характеристики	Модели, использующие данные балансов	Модели, использующие рыночные данные
Цель стресс-теста	Оценка платежеспособности, ликвидности, достаточности капитала	Оценка платежеспособности с упором на связи между основными финансовыми институтами
Частота	В зависимости от периодичности отчетности	Ежедневно или раз в неделю
Охват институтов	Большинство банков или финансовых институтов в объеме доступных надзорных данных	Ограничен наличием рыночных данных и/или листинговыми финансовыми институтами
Учет макроусловий	Возможен посредством дополнительных макрофинансовых моделей, увязывающих переменные сценария с факторами риска	Возможен посредством дополнительных макрофинансовых моделей, увязывающих переменные сценария с факторами риска
Оценка системных эффектов	Возможна через учет воздействия макро- шоков (валовой внутренний продукт, темп инфляции, безработица) и эффектов сети (риски межбанковского рынка)	Возможна через учет воздействия макрошоков и эффектов взаимозависимостей (портфелей) с использованием цен активов
Результаты	Выявление различий в: достаточности (дефиците) капитала; уровнях ликвидности	Оценка ожидаемых и неожиданных убытков; вероятности эффекта «заражения»
Преимущества	Выделение точек уязвимостей (убытки по ипотекам, от переоценки активов и др.)	Требуется ограниченный перечень данных, учет рыночной оценки рисков и системных рисков или убытков
Ограничения	Требуется много данных (особенно для оценки сетевых эффектов); качество анализа зависит от подробности и доступности отчетных данных	Сложно вычленивать воздействие разных рисков; оцениваемые реакции могут быть очень изменчивы, особенно в стрессовых условиях

Источник⁶ / Source⁶

В настоящее время идет развитие третьего типа моделей СТ, которые основаны на выявлении сетевых взаимодействий между финансовыми институтами как внутри отдельной юрисдикции, так и среди их трансграничных связей [Zeissler, Metrick, 2019]. Одним из первых направлений выявления сетевых взаимодействий между финансовыми институтами был подход, фокусирующий внимание на сетях межбанковских кредитов и хранении общих активов [Ramadiah, 2018].

Направления по совершенствованию и развитию моделей / Directions for models improvement and development

Рекомендации по использованию сетевых моделей были разработаны Международным валютным фондом еще в 2012 г. Простые сетевые модели оценивают взаимосвязанность между финансовыми институтами, определяя, каким образом банкротство одного банка напрямую и косвенно повлияет на финансовое положение других банков. Передовые сетевые модели могут более детально анализировать сложившиеся взаимосвязи между финансовыми институтами, для этого они оценивают четыре показателя взаимосвязанности для идентификации ключевых узлов в сети:

1) «степень вхождения», которая представляет собой количество ссылок, указывающих на конкретный узел;

2) «близость», которая является обратной величиной среднего расстояния от одного узла до другого;

3) «расстояние между узлами», которое фокусируется на кратчайшем пути между узлами;

4) «престиж», который присваивает увеличивающиеся баллы узлам, которые связаны с другими узлами с высокими баллами⁷.

Подобные модели при включении в них финансовых данных позволяют получить информацию о значимости финансовых центров в распространении рисков событий, а также выделять небольшие банки, играющие решающую роль в соединении финансовых центров. Кластерный анализ подразделяет сеть на подгруппы, в рамках которых связи между финансовыми институтами наиболее тесные, и позволяет выделять институты, выполняющие функции «мостов» между разными кластерами. Выявление системно значимых институтов для кластеров и сети в целом помогает регулирующим и надзорным органам точнее определять периметр СТ.

Оценка финансовых уязвимостей, способных стать триггером системного риска, является ключевой задачей. Для предотвращения потенциальных потерь и снижения рисков возникновения серьезных экономических кризисов нужно фиксировать источники распространения системного кризиса, поскольку

⁶ Anderson R., Danielsson J., Baba C., Das U.S., Kang H., Segoviano M. Macroprudential Stress Tests and Policies: Searching for Robust and Implementable Frameworks. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2018/09/11/Macroprudential-Stress-Tests-and-Policies-Searching-for-Robust-and-Implementable-Frameworks-46218> (дата обращения: 21.08.2023).

⁷ IMF. Macrofinancial Stress Testing – Principles and Practices. Режим доступа: <https://www.imf.org/external/np/pp/eng/2012/082212.pdf> (дата обращения: 21.08.2023).

в силу тесноты взаимодействий и взаимосвязей участников финансовой сектора они являются основным каналом передачи кризиса на другие секторы экономики. Формирование факторов системного риска может быть обусловлено различными причинами. Зарождение, развитие и распространение системного риска могут провоцировать неблагоприятная динамика на национальных (эндогенные риски) и внешних (импортируемые риски) рынках, задержки или сбои в прохождении расчетов и платежей, либо реализация факторов рисков, исходящих от участников финансового рынка.

В наибольшей степени на вероятность возникновения системного риска влияет деятельность отдельных участников, которые могут быть системно значимыми и/или тесно взаимозависимыми организациями, но при этом у них отсутствует адекватная система риск-менеджмента. Кроме того, новыми факторами системного риска, способными спровоцировать спусковой механизм кризиса, выступают: террористические атаки или военные действия; утраты, эрозия или утечки данных; природные катаклизмы; недоступность важных услуг (например, энергоснабжения или телекоммуникаций; провалы в функционировании программного обеспечения или оборудования; нехватка персонала в сфере информационных технологий; кибер-риски (например, попытки контролировать информационную систему).

Своевременное выявление потенциальных проблем, угрожающих стабильности, реализуется посредством регулярного детального анализа деятельности участников и условий внешней среды, при этом регуляторы могут применять разные методы оценки вероятности (уровня) и потенциального масштаба системного риска (табл. 3).

В современных нестабильных макроэкономических и макрофинансовых условиях перед органами финансового регулирования и надзора стоят сложные задачи обеспечения финансовой стабильности, для решения которых важно учитывать не только разнообразные риски микроуровня, но и множество внешних комплексных рисков. В последние годы многие центральные банки стали применять при проведении СТ различные макромоделли (например, общего или частичного равновесия), а также специальные модели (например, сжатия, эволюции факторов системного риска, учета обратных эффектов) [Brown, 2011]. Все чаще национальные регуляторы переходят от статичного к динамическому анализу и разрабатывают собственный инструментарий цифровых технологий (суптеха), отражающий особенности национальных финансовых систем (рис. 2). Предполагается, что широкое применение цифровых технологий и совершенствование моделей СТ позволит регуляторам и надзорным органам реализовать прогнозный и превентивный суптех.

Кроме дальнейшего взаимного развития суптеха и СТ, в перспективе для получения более точных результатов СТ возможно следующее.

1. Использование различных моделей в рамках одного стресс-теста. Притом, что подобный подход теоретически обоснован, применение нескольких моделей СТ требует принятия регулятором предварительного решения: следует ли объединять (усреднять) разные результаты, придерживаясь установленного правила, или прибегнуть к качественному профессиональному суждению при анализе итогов тестов.

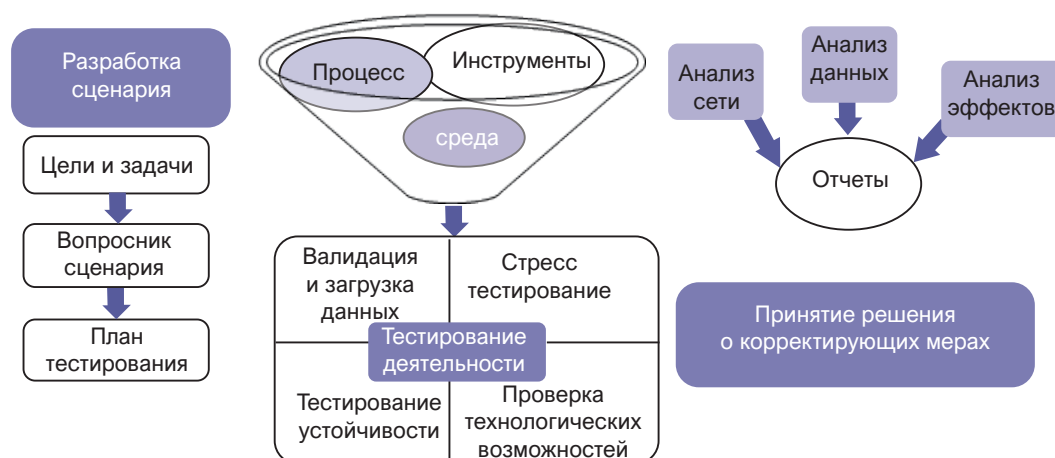
Таблица 3

Методы, используемые для оценки уровня системного риска

Table 3. Methods used to assess systemic risk level

Название	Содержание метода
Композитные индексы	Композитные индикаторы финансового стресса являются широко распространенной методологией, используемой для мониторинга рисков, и оценивают состояние финансового рынка и степень системного риска
Индикаторы раннего обнаружения	Позволяют выявить периоды, в которые макроэкономические и финансовые индикаторы превышают пороговые значения, что служит сигналом возникновения системного риска
VAR-модели	Оценка системных рисков на основе только рыночных данных отражает предельный вклад отдельной финансовой организации в генерирование системного риска, определяет предельную ожидаемую величину убытков организации при условии, что совокупные доходы финансового сектора снизятся ниже заданного порогового значения
Сетевые модели оценки системного риска	Сетевые модели рассматривают финансовый рынок как совокупность участников, связанных между собой заключаемыми сделками, и позволяют оценить возможность «эффекта заражения», выявить системно значимых участников
Стресс-тестирование	Стресс-тесты позволяют оценить влияние макроэкономических или финансовых шоков на стабильность отдельных финансовых институтов или всей системы

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 2. Совершенствование стресс-тестирования в рамках инструментария цифровых технологий

Fig. 2. Improving stress testing within digital technology toolkit

2. Увеличение количества и повышение качества сценариев стресс-тестов. Как правило, на практике большинство тестов проводится, исходя из 1–2 вероятных рисков событий, триггерами которых становятся внутренние или внешние факторы риска.

3. Учет не только «хвоста риска», но и обратных эффектов, способных как усиливать силу шока, так и снижать.

Заключение / Conclusion

Практика проведения стресс-тестирования – сложная процедура, требующая серьезной подготовки (в том числе при разработке сценарных условий и оценке уровней вероятностей потенциальных рисков), финансовых затрат (как надзорного органа, так и тестируемых финансовых организаций), координации усилий разных органов и их подразделений. В качестве основных направлений совершенствования стресс тестирования можно выделить следующие.

1. Повышение качества сценариев стресс-тестов. Как правило, на практике большинство надзорных тестов проводится, исходя из 1–2 макроэкономических стресс-сценариев. У такого подхода есть важные недостатки: а) оцененная вероятность устойчивости к данному шоку не подразумевает устойчивости ко всем шокам, имеющим тот же уровень вероятности; б) не учитываются трансграничные каналы распространения рисков и их последствий.

2. Не менее важным является учет при разработке сценариев кризисных стресс-тестов не только экзогенных, но и эндогенных рисков. Так, системный кризис может быть спровоцирован не только проблемами у системно значимых финансовых

институтов, но и неплатежеспособностью или сбоями в работе, например, большого числа средних и небольших кредитных организаций.

3. Включение в стресс-тестирование небанковских финансовых организаций. В настоящее время есть граница и разница между банками и небанковскими финансовыми посредниками. Так, например, страховые компании, трасты, взаимные фонды и пенсионные фонды выступают важными поставщиками ликвидности для банков и могут быть как источниками, так и проводниками системного шока.

4. Применение сетевых моделей. Традиционные допущения при стресс-тестировании не учитывают критически важных особенностей финансовых кризисов. В кризисных условиях участники рынка часто принимают нерациональные, эмоциональные решения, особенно в условиях сильного стресса. Даже когда у участников рынка начинается ощущение возможного стресса, связи между финансовыми институтами резко меняются. Также в стрессовых условиях реакция поднадзорных организаций на предпринимаемые регулятором меры зависит от конкретных применяемых бизнес-моделей и интересов стейкхолдеров.

Список литературы

Андреевская И.К. Стресс-тестирование: обзор методологий. В кн.: Модернизация экономики и общественное развитие. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ; 2007. С. 34–43.

Господарчук Г.Г., Зеленева Е.С. Эффективность макропруденциальной политики: проблемы измерения и оценки. Финансы: теория и практика. 2023;27(1):32–41. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-1-32-41>

Данилова Е.О., Марков К.В. Макропруденциальное стресс-тестирование финансового сектора: международный опыт и подходы Банка России. Деньги и кредит. 2017;10:3–15.

Попова К.А. Инструменты проведения стресс-тестирования и их практическое использование. Хроноэкономика. 2019;5(18):91–97.

Adrian T., Morsink J., Schumacher L. Stress Testing at the IMF. International Monetary Fund: Monetary and Capital Markets Department (Series); 2020. 72 p.

Anderson R., Danielsson J., Baba C., Das U.S., Kang H., Segoviano M. Macroprudential Stress Tests and Policies: Searching for Robust and Implementable Frameworks. International Monetary Fund; 2018. 79 p.

Bank for International Settlements. International Convergence of Capital Measurement and Capital Standards: A Revised Framework. BIS; 2005. 284 p.

Blanschke W., Jones M.T., Majnoni G., Peria S.M. Stress Testing of Financial Systems: An Overview of Issues, Methodologies and FSAP Experiences. International Monetary Fund; 2001. 57 p.

Brown C.O., Dinç I.S. Too Many to Fail? Evidence of Regulatory Forbearance When the Banking Sector Is Weak. The Review of Financial Studies. 2011;4(24):1378–1405.

Ekimova K.V., Kuznetsov N.V., Larina O.I. Systemic analysis of the consequences of the financial market digitization. In: Socio-Economic Systems: Paradigms for the Future. Springer International Publishing; 2021. Pp. 377–386. https://doi.org/10.1007/978-3-030-56433-9_40

Holton G.A. History of Value-at-Risk: 1922–1998. Boston, United States; 2002. 27 p.

Kuznetsov N.V., Ekimova K.V., Polyakova E.V. The use of mathematical apparatus data envelopment analysis of companies in a digital economy. In: Socio-Economic Systems: Paradigms for the Future. Springer International Publishing; 2021. Pp. 1543–1552. https://doi.org/10.1007/978-3-030-56433-9_160

Larina O.I., Moryzhenkova N.V., Kukanova N.S. The Prospects for Using Distributed Ledger Technology in the Russian Insurance Sector. In: Lecture Notes in Networks and Systems. 2021. Pp. 1461–1470. https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_160

Larina O.I., Moryzhenkova N.V. Development of Risk Passport for Digital Financial Product. In: Smart Nations: Lecture Notes in Networks and Systems. Springer Nature Switzerland AG; 2022. P. 415–421. https://doi.org/10.1007/978-3-030-94873-3_52

Ong L.L., Jobst A.A. Stress testing: principles, concepts, and frameworks. Washington, United States; 2020. 544 p.

Ramadijah A., Caccioli F., Fricke D. Reconstructing and Stress Testing Credit Networks. ESRB; 2018. 47 p.

Zeissler A.G., Metrick A. JP Morgan Chase London Whale C: Risk Limits, Metrics, and Models. Journal of Financial Crises. 2019;2(1):75–91.

References

Adrian T., Morsink J., Schumacher L. Stress Testing at the IMF. International Monetary Fund: Monetary and Capital Markets Department (Series); 2020. 72 p.

Anderson R., Danielsson J., Baba C., Das U.S., Kang H., Segoviano M. Macroprudential Stress Tests and Policies: Searching for Robust and Implementable Frameworks. International Monetary Fund; 2018. 79 p.

Andrievskaya I.K. Stress-testing: a review of methodologies. In: Modernization of Economy and Social Development. Moscow: Higher School of Economics Publ. House; 2007. Pp. 34–43. (In Russian).

Bank for International Settlements. International Convergence of Capital Measurement and Capital Standards: A Revised Framework. BIS; 2005. 284 p.

Blanschke W., Jones M.T., Majnoni G., Peria S.M. Stress Testing of Financial Systems: An Overview of Issues, Methodologies and FSAP Experiences. International Monetary Fund; 2001. 57 p.

Brown C.O., Dinç I.S. Too Many to Fail? Evidence of Regulatory Forbearance When the Banking Sector Is Weak. The Review of Financial Studies. 2011;4(24):1378–1405.

Danilova Ye.O., Markov K.V. Macroprudential stress-testing of the financial sector: International experience and the bank of Russia's approaches. Money and Credit. 2017;10:3–15. (In Russian).

Ekimova K.V., Kuznetsov N.V., Larina O.I. Systemic analysis of the consequences of the financial market digitization. In: Socio-Economic Systems: Paradigms for the Future. Springer International Publishing; 2021. Pp. 377–386. https://doi.org/10.1007/978-3-030-56433-9_40

Gospodarchuk G.G., Zeleneva E.S. Effectiveness of Macroprudential Policy: Problems of Measurement and Evaluation. Finance: Theory and Practice. 2023;27(1):32–41. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-1-32-41> (In Russian).

Holton G.A. History of Value-at-Risk: 1922–1998. Boston, United States; 2002. 27 p.

Kuznetsov N.V., Ekimova K.V., Polyakova E.V. The use of mathematical apparatus data envelopment analysis of companies in a digital economy. In: Socio-Economic Systems: Paradigms for the Future. Springer International Publishing; 2021. Pp. 1543–1552. https://doi.org/10.1007/978-3-030-56433-9_160

Larina O.I., Moryzhenkova N.V., Kukanova N.S. The Prospects for Using Distributed Ledger Technology in the Russian Insurance Sector. In: Lecture Notes in Networks and Systems. 2021. Pp. 1461–1470. https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_160

Larina O.I., Moryzhenkova N.V. Development of Risk Passport for Digital Financial Product. In: Smart Nations: Lecture Notes in Networks and Systems. Springer Nature Switzerland AG; 2022. P. 415–421. https://doi.org/10.1007/978-3-030-94873-3_52

Ong L.L., Jobst A.A. Stress testing: principles, concepts, and frameworks. Washington, United States; 2020. 544 p.

Popova K.A. Stress-testing instruments and their practical use. Chronoeconomics. 2019;5(18):91–97. (In Russian).

Ramadijah A., Caccioli F., Fricke D. Reconstructing and Stress Testing Credit Networks. ESRB; 2018. 47 p.

Zeissler A.G., Metrick A. JP Morgan Chase London Whale C: Risk Limits, Metrics, and Models. Journal of Financial Crises. 2019;2(1):75–91.

УДК 336.63, 330.59
Получено: 11.10.2023

JEL D14, D19, E21
Статья доработана после рецензирования: 29.11.2023

DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-55-67>
Принято: 06.12.2023

Дифференциация личных доходов по автономным областям Испании

Митрошин Игорь Васильевич

Канд. экон. наук, вед. аудитор

ORCID: 0000-0002-4906-1977, e-mail: timgarick@yandex.ru

ООО «Интернешнл Бизнес Консалтинг Групп», 105187, Борисовская ул., 11, г. Москва, Россия

Аннотация

Среднедушевые доходы населения являются одним из важных показателей, отражающих уровень жизни в стране. Актуальным становятся определение причин дифференциации уровня доходов на душу населения и на одно домохозяйство и выявление причин, на нее влияющих. В работе рассмотрены доходы населения по автономным областям Испании за 2008–2021 гг. как на душу населения, так и на одно домохозяйство. Проведен сравнительный анализ доходов с учетом и без учета вмененной арендной платы, то есть определены доля расходов на аренду жилья в доходах населения и тенденция по ее изменению за последние 13 лет. По результатам исследования выявлены более высокие показатели уровня жизни в отдельных промышленно развитых регионах Севера страны, такие как Наварра и Страна Басков, а также в регионах, где расположены крупные мегаполисы. Это автономная область Мадрид с населением 6,7 млн чел. (непосредственно Мадрид – около 5 млн чел.) и Каталония с населением 7,7 млн чел. с административным центром в Барселоне (4,5 млн чел.). Выявлен также медленный рост расходов граждан на аренду жилья. В связи с ростом индивидуализации населения и сокращением количества человек в семье уменьшается количество человек в одном домохозяйстве в среднем по стране. Анализ изменения численности населения Испании показывает, что демографическая ситуация остается позитивно стабильной. В целом наблюдается рост населения, однако происходит депопуляция во внутренних регионах страны, таких как Экстремадура, Кастилия-Ла Манча, Кастилия и Леон, Арагон. Кроме уровня жизни, на миграционные процессы оказывают и другие факторы, такие как климат, близость к побережью, туристическая привлекательность.

Ключевые слова: среднедушевые доходы, уровень жизни, домохозяйство, Испания, регионы, автономная область, численность населения, аренда жилья, демография, миграция

Для цитирования: Митрошин И.В. Дифференциация личных доходов по автономным областям Испании//Управление. 2023. Т. 11. № 4. С. 55–67. DOI: [10.26425/2309-3633-2023-11-4-55-67](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-55-67)

Received: 11.10.2023

Revised: 29.11.2023

Accepted: 06.12.2023

Differentiation of personal income by the autonomous regions of Spain

Igor V. Mitroshin

Cand. Sci (Econ.), Lead Auditor

ORCID: 0000-0002-4906-1977, e-mail: timgarick@yandex.ru

International Business Consulting Group LLC, 11, Borisovskaya ul., Moscow 105187, Russia

Abstract

Average per capita income of the population is one of the important indicators reflecting the standard of living in the country. It becomes relevant to determine reasons for differentiating income per capita and per household and to identify the causes that affect it. The paper considers the income of the population in the autonomous regions of Spain for 2008–2021 both per capita and per household. A comparative analysis of incomes with and without imputed rents has been carried out, that is, the share of rental expenditure in household income and the trend in its change over the last thirteen years have been determined. The results of the study revealed higher living standards in some industrialized regions of the North of the country, such as Navarra and the Basque Country, as well as in regions where large metropolitan areas are located. These are the Autonomous Region of Madrid with a population of 6.7 million people (directly Madrid – about 5 million people) and Catalonia with a population of 7.7 million people with the administrative center in Barcelona (4.5 million people). Slow growth of citizens' expenditures on rental housing has also been revealed. Due to growing individualization of the population and reduction of the number of people in a family, the number of people in one household is decreasing on average in the country. The analysis of population change in Spain shows that the demographic situation remains positively stable. In general, there is population growth, but depopulation is occurring in the interior regions of the country, such as Extremadura, Castile-La Mancha, Castile and Leon, Aragon. In addition to living standards, other factors such as climate, proximity to the coast, and tourist attractiveness have an impact on migration processes.

Keywords: average per capita income, standard of living, household, Spain, regions, autonomous region, population, rental housing, demography, migration

For citation: Mitroshin I.V. (2023). Differentiation of personal income by the autonomous regions of Spain. *Upravlenie / Management* (Russia), 11 (4), pp. 55–67. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-55-67

Введение / Introduction

Доходы населения являются одним из важных индикаторов, определяющих уровень жизни. Уровень доходов определяет способность граждан к потреблению и сбережениям. Анализ доходов и их динамики отражает тенденции изменений в социально-экономической ситуации в стране или в регионе. Важно также определить структуру доходов, отражающую основные источники их получения. На основе структуры можно определить степень социальной защиты, а также уровень развития мелкого предпринимательства в анализируемом обществе. Рост доходов побуждает население к инвестированию, что влияет на развитие производственно-экономического потенциала. В то же время их снижение приводит к сокращению инвестиционной деятельности и падению производства. Не существуют нормативы определения необходимого уровня доходов для нормального развития страны. Для этого осуществляется их анализ в динамике и структуре, а также производится сравнение между странами или регионами одной страны.

Постановка проблемы и методология / Problem statement and methodology

В работе проведено исследование средних доходов на одно домохозяйство и на душу населения в разрезе провинций Испании за 2008–2021 гг. Нам было интересно определить провинции с наиболее высокими доходами в стране, а также выявить тенденции изменения доходов в течение четырнадцати лет. Произведено сравнение реальных доходов в 2021 г. с 2008 г. в ценах 2013 г. Также осуществлено сравнение средних доходов на одно домохозяйство и на душу населения на начало и конец анализируемого периода для определения изменений, в первую очередь количества человек в одном домохозяйстве. Также, на наш взгляд, при определении провинции с наибольшими и наименьшими средними доходами на человека необходимо выявить причины такой дифференциации. Одной из глобальных проблем современного мира является миграция населения из сельской местности, малых городов в большие мегаполисы. В этом случае необходимо определить связь между доходами населения и миграцией населения из одной провинции в другую.

В своей работе по анализу доходов и уровня жизни населения группа авторов провела анализ факторов, влияющих на качество жизни населения [Бобков и др., 2022]. Кластерный анализ уровня жизни граждан по субъектам Российской Федерации (далее – РФ) осуществляется в работе Р.В. Овсянниковой [Овсянникова, 2018]. В исследовании М.Т. Котлярова

производится определение экономической сущности доходов и расходов населения [Котляров, 2023]. Доходы и потребительские расходы как характеристики уровня жизни населения рассмотрены в статье В.В. Орешниковой [Орешникова, 2022]. Статистический анализ показателей дифференциации доходов населения осуществляется в исследовании Л.А. Самченко и А.В. Чернявской [Самченко, Чернявская, 2022].

Факторы, влияющие на анализ доходов населения, анализируются в работе А.А. Конышевой [Конышева, 2022]. Применение коэффициента Джини при формировании методики определения доходов и расходов населения используется в анализе Ю.В. Суворовой [2022]. Анализ доходов и расходов населения в условиях пандемии осуществляется в работе Н.Н. Михеева [Михеева, 2022]. Бедность и неравенство в уровне жизни как явления, которое необходимо учитывать при формировании государственной политики, анализируется в работе О.С. Сухарева [Сухарев, 2022]. Группа авторов из Московского государственного университета рассматривают преодоление бедности как необходимое условие экономического развития [Клепач, Лукьяненко, Николаенко, 2022].

Прогнозированием моделей экономической активности населения занимались С.Г. Кузнецов и А.И. Буданова [Кузнецов, Буданова, 2022]. Анализ планирования доходов населения проводился в анализе И.П. Данилова и Т.И. Ладыковой [Данилов, Ладыкова, 2022]. Дифференциация доходов населения в мире, анализ тенденций их изменения осуществлялся в исследовании Д.А. Гучмазовой [Гучмазова, 2022]. Групповое исследование авторов из Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I отражает динамику и структуру доходов населения [Маркова, Кошкина, Чихман, 2021]. Формирование низкого уровня доходов населения как угрозы экономической безопасности страны определяется в работе А.Е. Прописновой [Прописнова, 2021]. Теоретические и практические аспекты доходов населения анализируются в исследовании А.А. Кушниренко и М.С. Кутернега [Кушниренко, Кутернега, 2021].

Материалами для исследования послужили данные Национального Института Статистики Испании¹. В качестве методов исследования применены анализ и синтез данных, метод группировки, табличный метод, метод сравнения.

¹ Nivel y condiciones de vida (IPC). Instituto Nacional de Estadística. Режим доступа: https://ine.es/dyngs/INEbase/es/categoria.htm?c=Estadistica_P&cid=1254735976604 (дата обращения: 09.10.2023).

Результаты исследования / Research results

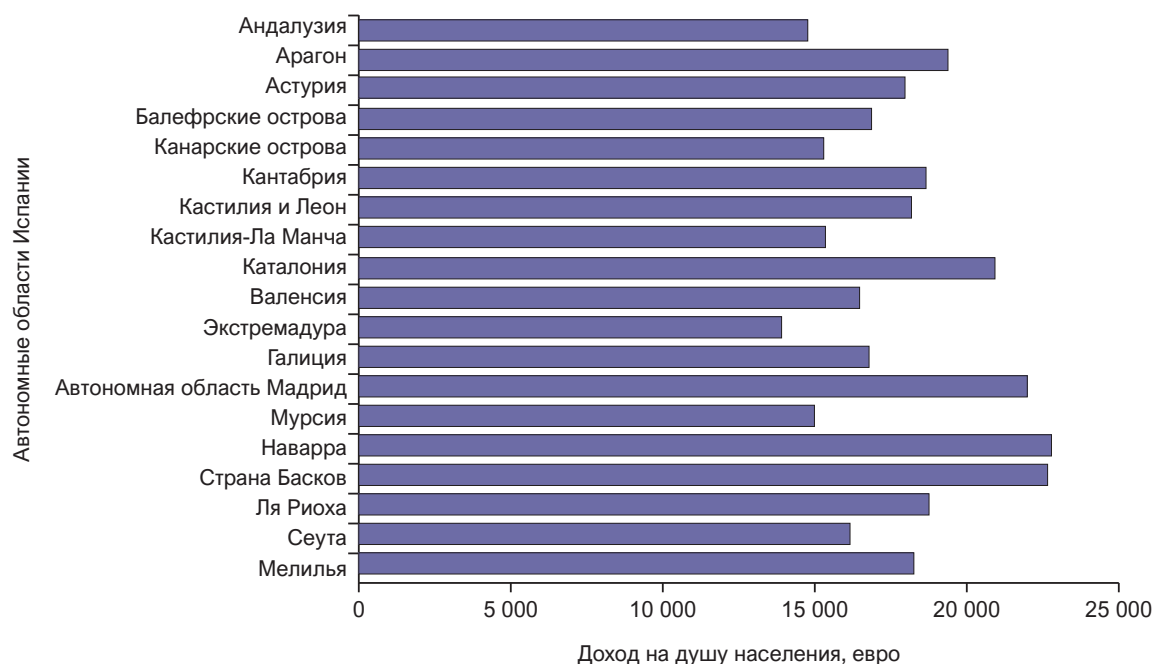
Система государственной статистики Испании осуществляет распределение доходов населения как на душу населения, так и на одно домохозяйство. При этом жители, точнее сказать, члены одной семьи сами решают, относятся ли они к одной семье или имеют раздельный бюджет. Статистика по домохозяйствам формируется на основе информации, предоставленной самими гражданами, — строгих критериев определения домохозяйства в Испании нет. Формирование данных осуществляется по провинциям, коих в стране насчитывается 53. Они объединены в 18 автономных областей, включая два города на африканском побережье — Сеуту и Мелилью.

В странах Европы, включая Испанию, значительную долю расходов населения занимает аренда жилья, поэтому для более полного сравнительного анализа ведется статистика средних доходов и средних приведенных доходов с учетом аренды жилья. Средние приведенные доходы — доходы граждан, имеющих жилье в собственности и не осуществляющих его аренду. Они рассчитываются как средние доходы таких граждан, суммированные со средней арендной платой на человека или домохозяйство в данной провинции или автономной области (как если бы они арендовали жилье). Это позволяет сравнить доходы собственников жилья с доходами арендаторов жилья.

В настоящем исследовании автором выбран анализ статистических данных по провинциям Испании. Из 18 провинций 14 расположены на материковой Испании, то есть на Пиренейском (Иберийском) полуострове, две провинции островные — Балеарские и Канарские острова. Также к ним относятся города-анклавы Сеута и Мелилья, расположенные на Севере Африки. Анализ произведен за 2008–2021 гг. Осуществлен расчет доходов в ценах 2013 г. для формирования показателей реальных доходов. Наиболее актуальными являются более поздние данные, то есть данные о личных доходах за 2021 г. (рис. 1).

Самые высокие показатели средних доходов в год на душу населения в 2021 г. зафиксированы в Наварре (22 786 евро), а самые низкие — в Экстремадуре (13 908 евро). Разница между самыми высокими и самыми низкими среднедушевыми доходами в разрезе регионов составила 1,64 раза, что, на наш взгляд, является значительным показателем и отражает сильную дифференциацию доходов по автономным областям Испании. В пяти регионах страны среднегодовые доходы на человека в 2021 г. превысили 20 000 евро (Каталония, Мадрид, Наварра, Страна Басков), при этом в трех регионах они оказались ниже 15 000 евро в год (Андалузия, Экстремадура и Мурсия).

² Nivel y condiciones de vida (IPC). Instituto Nacional de Estadística. Режим доступа: https://ine.es/dyngs/INEbase/es/categoria.htm?c=Estadistica_P&cid=1254735976604 (дата обращения: 09.10.2023).

Источник² / Source²

Рис. 1. Среднедушевые доходы за 2021 г. в ценах 2013 г. по автономным областям Испании
Fig. 1. Average per capita income for 2021 in 2013 prices by autonomous regions of Spain

Проявляется разница в уровне жизни между промышленно развитым севером Испании и аграрным югом. Отдельным пунктом выделяется столичный регион — автономная область Мадрид. Уровень личных доходов традиционно невысок на Канарских и Балеарских островах, где основными отраслями, формирующими валовой региональный продукт, являются сельское хозяйство и туризм. Кастилия-Ла Манча также входит в состав регионов с наиболее низкими среднедушевыми доходами. Основные причины — отсутствие развитого промышленного потенциала и удаленность от побережья, что делает регион непривлекательным для туристов.

За анализируемый период в связи с различными темпами роста ситуация несколько менялась, однако основные тенденции в неравенстве уровня жизни между севером и югом страны сохранялись. Среднегодовые темпы роста по регионам Испании показывают пять регионов, где этот показатель превысил 101,2 % в год (рис. 2). Это африканский анклав Сеута, Ля Риоха, Кастилия и Леон, Галиция и автономная область Мадрид. В период кризиса 2008 г. Испания была одной из наиболее пострадавших стран Европы, когда безработица достигала 20 %. В связи с этим скорость выхода региона из кризисного состояния имеет значение. Темпы роста в Мадриде объясняются тем, что это столичный

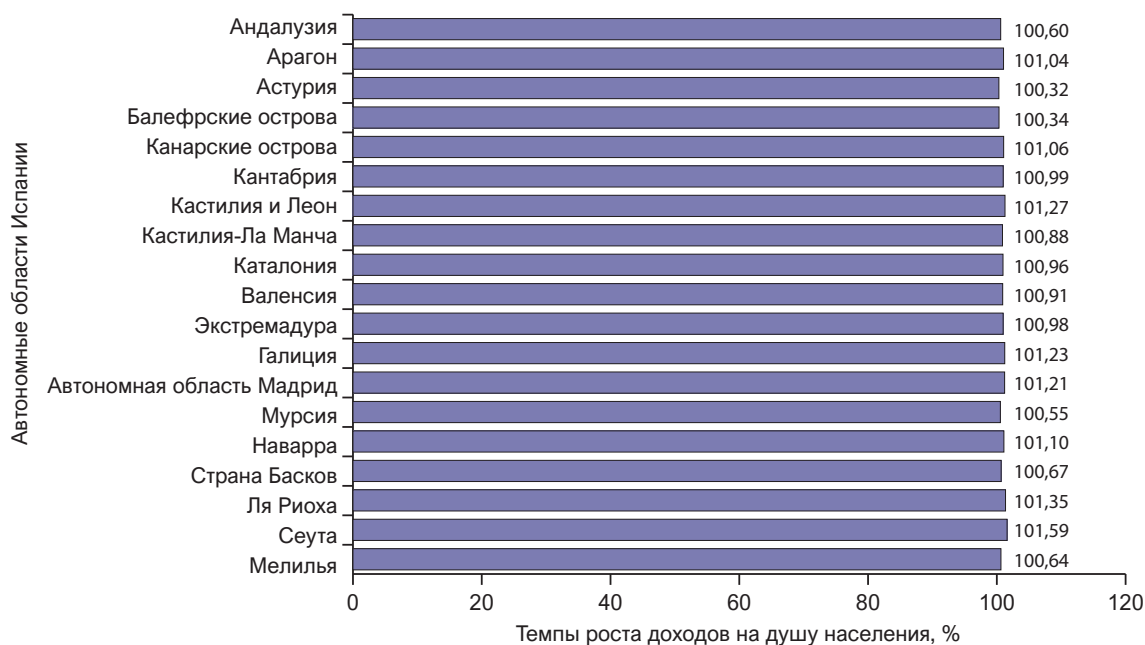
регион, имеющий административный и фискальный ресурс, способный поддержать экономику. Высокая скорость темпов роста доходов в Галиции и Сеуте объясняются отчасти государственной поддержкой регионов с низким уровнем жизни.

Самые низкие среднегодовые темпы роста доходов на человека за 2008–2021 гг. зафиксированы в Астурии, Мурсии и на Балеарских островах. Мурсия, несмотря на расположение на побережье Средиземного моря и популярность среди туристов, сохраняет самые низкие показатели среднедушевых доходов в год и одни из самых низких темпов роста этого показателя.

К регионам, где темп роста среднедушевых доходов в анализируемом периоде ниже среднего по Испании, кроме вышеперечисленных трех регионов, относятся также Андалузия, Страна Басков и Мелилья (рис.3). Страна Басков, являясь одним из самых промышленно развитых регионов страны с высокими денежными доходами населения, отстает в темпах роста уровня жизни. Это отражает тенденцию к замедлению экономического роста в данном регионе Испании.

³ Nivel y condiciones de vida (IPC). Instituto Nacional de Estadística.

Режим доступа: https://ine.es/dyngs/INEbase/es/categoria.htm?c=Estadistica_P&cid=1254735976604 (дата обращения: 09.10.2023).

Источник³ / Source³

Рис. 2. Среднегодовые темпы роста доходов на душу населения за 2008–2021 гг. по автономным областям Испании
Fig. 2. Percentage of average annual growth rate of income per capita for 2008–2021 by autonomous regions of Spain

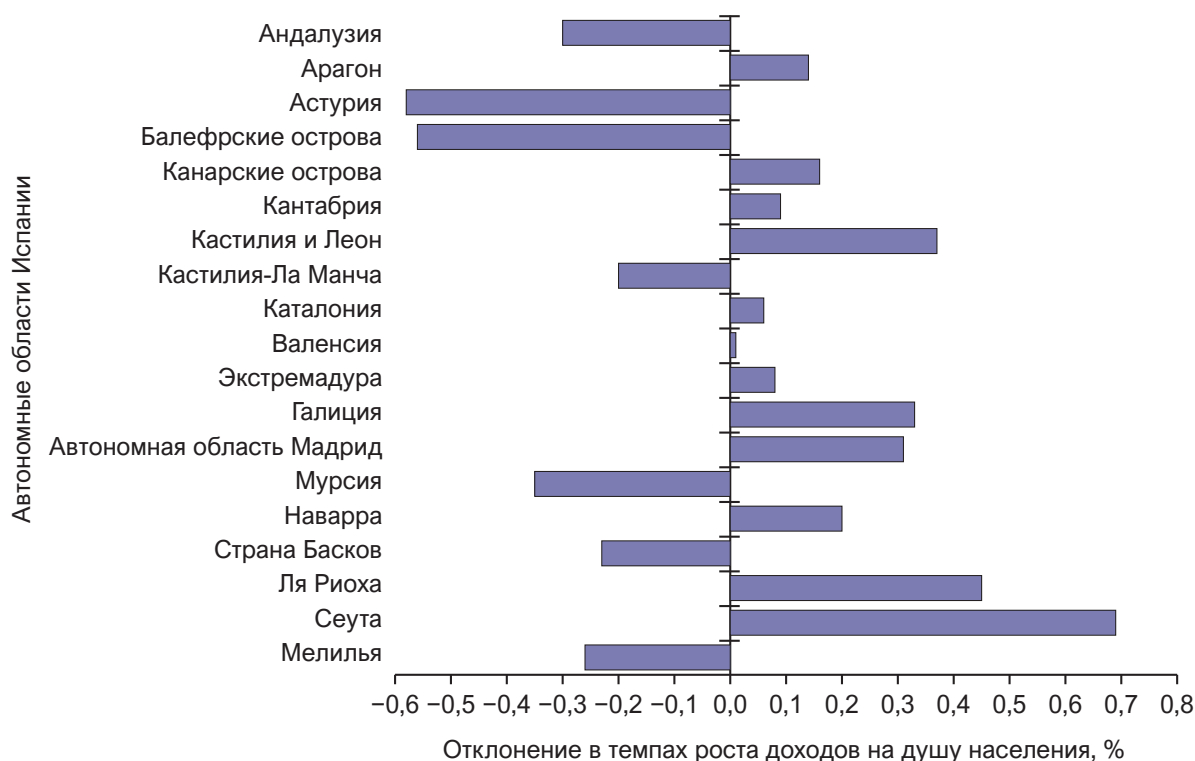
Источник⁴ / Source⁴

Рис. 3. Отклонение темпов роста доходов на душу населения за 2008–2021 гг. по автономным областям от среднего показателя по Испании

Fig. 3. Percentage of deviation in the growth rate of income per capita for 2008–2021 by autonomous regions of the average for Spain

В целом все автономные области можно разделить на три большие группы по темпам роста среднедушевых доходов:

1) регионы со среднегодовыми темпами роста, заметно превышающими средние по стране темпы роста личных доходов (Кастилия и Леон, Галиция, Автономная область Мадрид, Ля Риоха, Сеута);

2) регионы со среднегодовыми темпами роста личных доходов, близкими к средним значениям по стране (Арагон, Канарские острова, Кантабрия, Кастилия-Ла Манча, Каталония, Валенсия, Экстремадура, Наварра);

3) регионы со среднегодовыми темпами роста личных доходов, которые существенно ниже средних по стране темпов роста (Андалузия, Астурия, Балеарские острова, Мурсия, Страна Басков, Мелилья).

Различие в темпах роста среднедушевых доходов по регионам Испании отражает тенденцию к изменению ситуации в уровне жизни. Отдельные регионы Севера, такие как Астурия и Страна Басков, отставая в темпах развития, со временем прибли-

зятся к средним значениям по Испании в части показателей уровня жизни. В то же время в отдельных регионах внутри полуострова, таких как Кастилия и Леон, Ля Риоха, имеющих средние значения по уровню доходов на человека, постепенно уровень жизни со временем станет превышать средние показатели по Испании, если тенденции темпов роста сохранятся в будущем. Более того, разрыв между доходами в среднем по стране и в столице будет увеличиваться. Автономная область Мадрид — единственный регион Испании, где при высоких абсолютных значениях сохраняются высокие темпы роста доходов населения. Это отражает общемировую тенденцию, когда уровень жизни в крупных мегаполисах, особенно в столицах, значительно выше, чем в целом по стране.

В отдельных регионах Юга Испании при низком уровне доходов на душу населения сохраняются низкие темпы роста этих доходов. Это также отражает тенденцию увеличения разрыва по уровню жизни между «бедными» и «богатыми» областями страны. Причем такие регионы, как Андалузия, Мурсия и Балеарские острова, являются популярными туристическими зонами. Вероятно, из-за сезонности туристической отрасли не происходит

⁴ Nivel y condiciones de vida (IPC). Instituto Nacional de Estadística. Режим доступа: https://ine.es/dyngs/INEbase/es/categoria.htm?c=Estadistica_P&cid=1254735976604 (дата обращения: 09.10.2023).

значительного экономического роста в этих автономных областях. Пока туризм не может заменить другие отрасли, особенно технологические развитые, в части обеспечения стабильного роста экономики.

Государственная статистика Испании осуществляет разделение учета личных доходов как на душу населения, так и на одно домохозяйство. Каждая семья сама определяет, является ли она единым домохозяйством с общим бюджетом. Тенденции региональной дифференциации доходов на человека и на домохозяйство в течение анализируемого периода (2008–2021 гг.) способны отразить социальные изменения, происходящие в испанском обществе (табл. 1).

⁵ Nivel y condiciones de vida (IPC). Instituto Nacional de Estadística. Режим доступа: https://ine.es/dyngs/INEbase/es/categoria.htm?c=Estadistica_P&cid=1254735976604 (дата обращения: 09.10.2023).

Самые высокие показатели количества человек в одном домохозяйстве в 2008 г. и в 2021 г. выявлены в африканских анклавах Испании — городах Сеута и Мелилья. На наш взгляд, это связано с высокой долей мусульманского населения в этих регионах, то есть там преобладает традиционный уклад жизни. Однако даже в этих регионах в 2021 г. количество человек в одном домохозяйстве не превышало двух. Количество человек в семье и в домохозяйстве в настоящее время не совпадает по причине роста индивидуализации и ведении раздельного бюджета каждым членом внутри одной семьи.

В то же время количество человек в семье тоже медленно сокращается по причине нежелания родителей иметь более двух детей, а зачастую и одного ребенка. В 2021 г. по сравнению с 2008 г. количество человек в одном домохозяйстве сократилось

Таблица 1

**Среднегодовые доходы на душу населения и на одно домохозяйство
по автономным областям Испании в 2008 г. и в 2021 г.**

Table 1. Average annual income per capita and per household by autonomous regions of Spain in 2008 and 2021

Автономная область	2008 г.			2021 г.			Изменение количества человек в одном домохозяйстве в 2021 г. по сравнению с 2008 г.
	Доход на душу населения в год, евро	Доходы на одно домохозяйство в год, евро	Количество человек в одном домохозяйстве	Доход на душу населения в год, евро	Доходы на одно домохозяйство в год, евро	Количество человек в одном домохозяйстве	
Андалузия	13 859	25 248	1,82	14 769	25 601	1,73	– 0,09
Арагон	17 107	29 506	1,72	19 381	32 067	1,65	– 0,07
Астурия	17 383	29 473	1,70	17 968	28 369	1,58	– 0,12
Балеарские острова	16 496	28 981	1,76	16 867	29 368	1,74	– 0,02
Канарские острова	13 418	24 510	1,83	15 294	26 392	1,73	– 0,10
Кантабрия	16 727	29 576	1,77	18 659	30 447	1,63	– 0,14
Кастилия и Леон	15 533	26 525	1,71	18 181	28 890	1,59	– 0,12
Кастилия-Ла Манча	13 898	24 974	1,80	15 350	26 060	1,70	– 0,10
Каталония	18 566	32 561	1,75	20 927	34 982	1,67	– 0,08
Валенсия	14 796	25 802	1,74	16 474	27 603	1,68	– 0,07
Экстремадура	12 484	21 756	1,74	13 908	22 947	1,65	– 0,09
Галиция	14 374	25 859	1,80	16 785	27 698	1,65	– 0,15
Автономная область Мадрид	18 941	33 889	1,79	21 990	37 687	1,71	– 0,08
Мурсия	14 147	26 995	1,91	14 988	27 027	1,80	– 0,10
Наварра	19 907	35 370	1,78	22 786	38 086	1,67	– 0,11
Страна Басков	20 887	36 110	1,73	22 658	36 887	1,63	– 0,10
Ля Риоха	15 917	27 835	1,75	18 758	30 598	1,63	– 0,12
Сеута	13 458	29 776	2,21	16 159	31 494	1,95	– 0,26
Мелилья	17 420	33 986	1,95	18 259	36 038	1,97	0,02
ВСЕГО	16 190	28 787	1,78	18 103	30 552	1,69	– 0,09

Источник⁵ / Source⁵

в среднем по всем автономным областям Испании. В среднем за 13 лет сокращение произошло на 0,09 человек, а самые высокие темпы снижения этого показателя выявлены в основном в северных регионах страны, таких как Астурия (– 0,12), Галиция (– 0,15), Наварра (– 0,11), Ля Риоха (– 0,12). Довольно существенно снизилось среднее количество человек в одном домохозяйстве в Сеуте (– 0,26). В данном случае заметно влияние глобализации (западнизации) африканского анклава и быстротечной его интеграции в испанское общество.

Обращает на себя внимание тот факт, что в 2008 г. в Сеуте был один из самых низких показателей среднедушевых доходов среди всех автономных областей страны (ниже был только в Экстремадуре и на Канарских островах). Однако в связи с более высокими темпами роста этого показателя в данном регионе по сравнению с другими регионами, такими как Мурсия, Кастилия-Ла Манча, доходы на человека в Сеуте в 2021 г. приблизились к средним по Испании. Изменился уровень доходов – стал меняться образ жизни семьи в этом регионе. Более высокий уровень жизни приводит к разрушению традиционных ценностей или, наоборот, разрушение традиционных ценностей, усиление западноевропейского или американского менталитета изменяет отношение населения к жизни в целом. Это видно на примере других регионов Испании, таких как Андалузия, Кастилия-Ла Манча, Экстремадура, где до сих пор сохраняется традиционный уклад жизни в большей степени, чем в северных промышленно развитых регионах, а также в Мадриде.

Андалузия является туристической Меккой Европы, ежегодно ее посещают 10–12 млн иностранных туристов, а также существует внутренний туристический поток. Красивые, колоритные города, являющиеся смесью христианской и мусульманской архитектуры, живописное побережье, пляжи, фестивали на святую неделю привлекают сюда миллионы испанцев и иностранцев. Однако по уровню индустриального развития Андалузия отстает от промышленного Севера, поэтому и уровень доходов на душу населения ниже среднего по Испании. Развитие индустрии и высоких технологий, влияющее на уровень жизни, зависит также и от местного менталитета и образа жизни.

В Испании, как и во многих странах Западной Европы, существует серьезная проблема аренды жилья, а именно, проблема высокой стоимости аренды жилья. В связи с этим государственная статистика страны изобрела способ сравнения доходов домохозяйств-владельцев жилья и доходов домохозяйств-арендаторов жилья. К доходам домохозяйств-владельцев жилья добавляется так называемая вмененная арендная плата, то есть средняя сумма арендной платы, уплачиваемая домохозяйствами-арендаторами жилья. Иными словами, рассчитывается сумма дохода, который домохозяйства, не арендующие жилье, реально имеют по сравнению с арендующими жилье домохозяйствами. Для анализа тенденций изменения доходов домохозяйств по автономным областям Испании выбраны 2008 г. и 2021 г. (табл. 2).

Таблица 2

Доходы на одно домохозяйство в год с учетом и без учета вмененной арендной платы по автономным областям Испании в 2008 г. и в 2021 г.

Table 2. Income per household per year with and without imputed rent by autonomous regions of Spain in 2008 and 2021

Автономная область	2008 г.				2021 г.				Изменение соотношения арендной платы к доходам домохозяйств за 2008–2021 гг., %
	Доходы на одно домохозяйство в год, евро	Доходы на одно домохозяйство в год с вмененной арендной платой, евро	Сумма вмененной арендной платы, евро	Удельный вес арендной платы в доходах домохозяйств, %	Доходы на одно домохозяйство в год, евро	Доходы на одно домохозяйство в год с вмененной арендной платой, евро	Сумма вмененной арендной платы, евро	Соотношение арендной платы к доходам домохозяйств, %	
Андалузия	25 248	29 319	4 071	16,12	25 601	30 526	4 925	19,24	3,11
Арагон	29 506	33 237	3 731	12,64	32 067	36 725	4 658	14,53	1,88
Астурия	29 473	33 569	4 096	13,90	28 369	33 111	4 742	16,72	2,82
Балеарские острова	28 981	32 021	3 040	10,49	29 368	33 883	4 515	15,37	4,88
Канарские острова	24 510	28 450	3 940	16,08	26 392	30 903	4 511	17,09	1,02
Кантабрия	29 576	33 514	3 938	13,31	30 447	35 141	4 694	15,42	2,10

Окончание табл. 2

Автономная область	2008 г.				2021 г.				Изменение соотношения арендной платы к доходам домохозяйств за 2008–2021 гг., %
	Доходы на одно домохозяйство в год, евро	Доходы на одно домохозяйство в год с вмененной арендной платой, евро	Сумма вмененной арендной платы, евро	Удельный вес арендной платы в доходах домохозяйств, %	Доходы на одно домохозяйство в год, евро	Доходы на одно домохозяйство в год с вмененной арендной платой, евро	Сумма вмененной арендной платы, евро	Соотношение арендной платы к доходам домохозяйств, %	
Кастилия и Леон	26 525	30 045	3 520	13,27	28 890	33 542	4 652	16,10	2,83
Кастилия-Ла Манча	24 974	28 244	3 270	13,09	26 060	30 585	4 525	17,36	4,27
Каталония	32 561	36 536	3 975	12,21	34 982	39 946	4 964	14,19	1,98
Валенсия	25 802	30 007	4 205	16,30	27 603	32 538	4 935	17,88	1,58
Экстремадура	21 756	24 852	3 096	14,23	22 947	27 506	4 559	19,87	5,64
Галиция	25 859	29 859	4 000	15,47	27 698	32 563	4 865	17,56	2,10
Автономная область Мадрид	33 889	38 484	4 595	13,56	37 687	43 146	5 459	14,49	0,93
Мурсия	26 995	30 714	3 719	13,78	27 027	31 658	4 631	17,13	3,36
Наварра	35 370	39 055	3 685	10,42	38 086	43 020	4 934	12,95	2,54
Страна Басков	36 110	40 865	4 755	13,17	36 887	42 581	5 694	15,44	2,27
Ля Риоха	27 835	31 318	3 483	12,51	30 598	35 176	4 578	14,96	2,45
Сеута	29 776	34 131	4 355	14,63	31 494	36 855	5 361	17,02	2,40
Мелилья	33 986	38 099	4 113	12,10	36 038	40 735	4 697	13,03	0,93
ВСЕГО	28 787	32 807	4 020	13,96	30 552	35 497	4 945	16,19	2,22

Источник⁶ / Source⁶

Если в 2008 г. средняя вмененная арендная плата в доходах одного домохозяйства составляла 13,96 %, то в 2021 г. она составила 16,19 %. Рост данного показателя за 13 лет составил 2,22 %. Наибольший удельный вес вмененной арендной платы в доходах населения в 2021 г. зафиксирован в Экстремадуре, а это почти 20 %. Причем в этом же регионе выявлен наибольший рост данного показателя за анализируемый период (5,64 % от суммы доходов, или в 1,4 раза). На наш взгляд, причина заключается в относительно низких доходах на душу населения и на одно домохозяйство в данном регионе. Высокие показатели удельного веса вмененной арендной платы в доходах граждан также зафиксированы в Мурсии, Валенсии, Галиции, Сеуте, Кастилии-Ла-Манче, на Канарских островах. В основном это регионы с низким уровнем дохода населения. Высокий показатель вмененной арендной платы в этих регионах означает, что дифференциация стоимости арендной платы по автономным областям ниже дифференциации доходов домохозяйств. Стоимость арендной платы в относительно бедных регионах

не настолько ниже арендной платы за жилье в более богатых регионах Испании.

Самые низкие показатели удельного веса вмененной арендной платы выявлены в Мелилье, Наварре, Каталонии, Ля Риохе и в Мадриде, то есть в регионах с наиболее высокими доходами на душу населения в анализируемом периоде. Стоит отметить, что в Мадриде самый низкий темп роста данного показателя в доходах домохозяйств за 13 лет среди всех автономных областей Испании (0,93 % от доходов, или в 1,07 раза). Аналогичный показатель в Мелилье (0,93 %, или в 1,077 раза). Также невысокие темпы роста удельного веса вмененной арендной платы в доходах домохозяйств выявлены в рассматриваемом периоде в Каталонии, Валенсии и на Канарских островах.

Изменение (прирост) численности населения за 2008–2021 гг. отражает основные демографические тенденции в Испании (табл. 3). В целом по стране наблюдается прирост населения на 2,93 %, однако

⁶ Nivel y condiciones de vida (IPC). Instituto Nacional de Estadística. Режим доступа: https://ine.es/dyngs/INEbase/es/categoria.htm?c=Estadistica_P&cid=1254735976604 (дата обращения: 09.10.2023).

по автономным областям ситуация неоднородна. К регионам, где произошла убыль населения, относятся Астурия, Кастилия и Леон, Кастилия-Ла Манча, Галиция, Ля Риоха, Экстремадура, Арагон. Это в основном внутренние области Испании, расположенные вдали от побережья. Кроме того, в двух северных регионах (Астурии и Галиции) также сокращается населения, что, на наш взгляд, связано с уровнем невысокого развития промышленного потенциала. Самый высокий прирост населения произошел на Канарских и Балеарских островах, несмотря на относительно низкий уровень жизни. Предполагаем, что причиной миграции являются климатические особенности обеих групп островов, их туристическая привлекательность. Многие иностранцы, посещающие их как туристы, в дальнейшем переезжают туда на постоянное место жительства. Невысокий уровень жизни является причиной невысокого уровня цен и стоимости жизни на островах, поэтому многие пенсионеры из стран Евросоюза

и Великобритании предпочитают проводить там свою старость.

Африканский анклав Мелилья показывает не только высокий уровень жизни, высокие темпы его роста, но и значительное увеличение населения за рассматриваемый период. В другом африканском анклав — Сеута — также наблюдается рост населения. С одной стороны, это связано с традиционным образом жизни местного населения и высокой рождаемостью, а с другой — с миграцией населения из более бедного Марокко. Существенный рост населения отмечается в автономной области Мадрид, что связано с миграционными процессами и переездом жителей в более промышленно развитую столицу, в которой уровень жизни выше, чем в соседних областях. В Каталонии и Валенсии зафиксирован небольшой прирост населения за анализируемые тринадцать лет в основном по причине положительной миграции. Небольшой

⁷ Nivel y condiciones de vida (IPC). Instituto Nacional de Estadística. Режим доступа: https://ine.es/dyngs/INEbase/es/categoria.htm?c=Estadistica_P&cid=1254735976604 (дата обращения: 09.10.2023).

Таблица 3

Изменение численности населения по автономным областям Испании за 2008–2021 гг.

Table 3. Population change by autonomous regions of Spain for 2008–2021

Автономная область	Население, тыс. чел.		Изменение (прирост) за 2008–2021 гг., тыс. чел.	Изменение (прирост) за 2008–2021 гг., %
	на 01.07.2008 г.	на 01.07.2021 г.		
Андалузия	8 168,6	8 502,7	334,1	4,09
Арагон	1 336,4	1 312,8	– 23,6	– 1,77
Астурия	1 074,0	1 008,9	– 65,1	– 6,06
Балеарские острова	1 057,4	1 219,4	162,0	15,32
Канарские острова	2 010,0	2 246,2	236,2	11,75
Кантабрия	581,2	583,5	2,3	0,40
Кастилия и Леон	2 546,4	2 379,2	– 167,2	– 6,57
Кастилия-Ла Манча	2 050,5	2 047,3	– 3,2	– 0,16
Каталония	7 377,1	7 662,0	284,9	3,86
Валенсия	4 959,6	5 052,2	92,6	1,87
Экстремадура	1 091,5	1 054,8	– 36,7	– 3,36
Галиция	2 759,9	2 690,8	– 69,1	– 2,50
Автономная область Мадрид	6 283,7	6 738,4	454,7	7,24
Мурсия	1 431,5	1 516,4	84,9	5,93
Наварра	622,0	656,8	34,8	5,59
Страна Басков	2 166,9	2 177,8	10,9	0,50
Ля Риоха	318,4	315,8	– 2,6	– 0,82
Сеута	75,8	82,8	7,0	9,23
Мелилья	72,2	83,5	11,3	15,65
ВСЕГО:	45 983,1	47 331,3	1 348,2	2,93

Источник⁷ / Source⁷

рост населения Испании за рассматриваемые годы отражает стабильную демографическую ситуацию.

Заключение / Conclusion

Анализ доходов населения по географическому признаку в Испании отражает их существенную дифференциацию по автономным областям. Самые высокие доходы зафиксированы в промышленно развитых северных регионах, таких как Наварра и Страна Басков, а также в Каталонии и в автономной области Мадрид. Это доказывает наличие в стране общей тенденции различия уровня жизни между более урбанизированными и индустриализированными районами и районами с небольшой плотностью населения. Стандарты жизни населения крупных мегаполисов, как правило, выше, чем в небольших городах или сельских районах. В Испании также наблюдаются различия в уровне жизни между Севером и Югом, однако тенденции изменения этих показателей за анализируемые 13 лет неоднозначны. Невозможно определить единую динамику изменений в рамках какой-то одной тенденции. В каждой автономной области существуют свои причины роста или снижения уровня жизни.

При сравнительном анализе среднедушевых доходов в год и доходов на одно домохозяйство выявляется тенденция к сокращению количества человек в одном домохозяйстве. Это связано с сокращением среднего количества человек в одной испанской семье, а также с индивидуализацией населения. Во многих семьях члены семьи ведут раздельный бюджет. В таких случаях, например, семья из трех человек может состоять из двух или трех домохозяйств.

При сравнении среднедушевых доходов и среднедушевых доходов с учетом вмененной арендной платы определено, что доля расходов на аренду жилья в Испании в последние годы медленно растет. При этом доля этих расходов в регионах с относительно низкими среднедушевыми доходами выше, чем в более развитых и богатых регионах. Это означает, что дифференциация арендной платы за жилье по автономным областям ниже, чем дифференциация среднедушевых доходов. В областях с низкими доходами населения стоимость аренды жилья остается довольно высокой.

Анализ численности населения по географическим областям Испании показал, что не всегда высокий уровень жизни в регионе означает высокий рост населения. Отсутствует существенная взаимосвязь между двумя этими факторами. На прирост населения также оказывают влияние климат, туристическая привлекательность, наличие побережья и пляжей, близкое расположение к соседним более бедным странам.

Результаты проведенной работы могут быть использованы при более обширном исследовании уровня жизни в странах Запада, включая Испанию. Кроме того, работа является преддверием масштабного долгосрочного анализа влияния существующей политической ситуации на уровень жизни в Российской Федерации и в «недружественных» странах, ведущих против нее санкционную войну.

Список литературы

- Бобков В.Н. и др. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России — 2021 год. М.: ФНИСЦ РАН; 2022. 114 с.
- Данилов И.П., Ладикова Т.И. Доходы населения в контексте индикативного планирования. Вестник Российского университета кооперации. 2022;3(49):4–11.
- Гучмазова Д.А. Мировые тенденции дифференциации доходов населения. Статистика и Экономика. 2022;2(19):36–42. <https://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2022-2-36-42>
- Клепач А.Н., Лукьяненко Р.Ф., Николаенко С.А. Преодоление бедности и обеспечение устойчивого роста среднего класса: критерии распределения и меры политики. Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2022;6:3–20. <https://doi.org/10.38050/01300105202261>

References

- Bobkov V.N. et al. Monitoring of income and living standards of the population of Russia. Moscow: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2022. 114 p. (In Russian)
- Danilov I.P., Ladykova T.I. Income of the population in the context of indicative planning. Vestnik of the Russian University of Cooperation. 2022;3(49):4–11. (In Russian)
- Huchmazova D.A. Global trends in differentiation of population income. Statistics and Economics. 2022;3(49):4–11. (In Russian)
- Klepach A.N., Lukyanenko R.F., Nikolaenko S.A. How to overcome poverty and ensure sustainable growth of the middle class: criteria of distribution and policy measures. Moscow University Economics Bulletin. 2022;6:3–20. <https://doi.org/10.38050/01300105202261> (In Russian).

Коньшова А.А. Факторы и причины, влияющие на неравенство доходов населения. В кн.: Молодые исследователи: взгляд в прошлое, настоящее, будущее: материалы III Международной студенческой научно-практической конференции, Смоленск, 30 ноября 2022 г. Смоленск: Смоленский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова; 2022. С. 403–407.

Котляров М.Т. Экономическая сущность доходов и расходов населения. В кн.: Современные проблемы горно-металлургического комплекса. Наука и производство: материалы девятнадцатой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Старый Оскол, 7 декабря 2022 г. Старый Оскол: Старооскольский технологический институт (филиал) Национального исследовательского технологического университета «МИСиС»; 2023. С. 223–228.

Кузнецов С.Г., Буданова А.И. Модели прогнозирования экономической активности населения. Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2022;20:360–382. <https://doi.org/10.47711/2076-318-2022-360-382>

Кушнirenko А.А., Кутернега М.С. Доходы населения России в современных условиях: теоретические и практические аспекты. В кн.: Приоритетные направления развития экономики страны в условиях глобализации: теория и практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Новороссийск, 14 мая 2021 г. Новороссийск; 2021. С. 84–88.

Маркова А.Л., Кошкина И.Г., Чихман М.А. Доходы населения региона: аналитическое исследование их динамики и структуры. В кн.: Организационно-экономические и финансовые аспекты развития АПК: материалы Национальной научно-практической конференции, посвященной 70-летию экономического факультета Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I, Воронеж, 15 декабря 2021 г. Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. императора Петра I; 2021. С. 425–430.

Михеева Н.Н. Доходы и потребление домашних хозяйств в регионах в условиях пандемии. Регион: Экономика и Социология. 2022;3(115):81–104. <https://doi.org/10.15372/REG20220304>

Овсянникова Р.В. Кластерный анализ в оценке уровня и качества жизни населения субъектов РФ. Вестник Самарского государственного экономического университета. 2018;1:38–45.

Орешникова В.В. Доходы и потребление как характеристики уровня жизни населения. В кн.: Кластерные инициативы в формировании прогрессивной структуры экономики и финансов: материалы 8-й Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 12–13 мая 2022 г. Курск: Юго-Западный государственный университет; 2022. С. 187–190.

Прописнова А.Е. Низкий уровень доходов населения как угроза экономической безопасности страны. В кн.: Экономика в меняющемся мире: материалы V Всероссийского экономического форума, Казань, 17–21 мая 2021 г. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет; 2021. С. 558–560.

Самченко Л.А., Чернявская А.В. Статистический анализ показателей дифференциации доходов населения от социальных выплат. В кн.: Лузгина О.А. (ред.). Формирование конкурентной среды, конкурентоспособность и стратегическое управление предприятиями, организациями

Konyshova A.A. Factors and reasons influencing the income inequality of the population. In: Young researchers: A look into the past, present, future: Proceedings of the III International Student Scientific-Practical Conference, Smolensk, November 30, 2022. Smolensk: Smolensk branch of the Plekhanov Russian University of Economics; 2022. Pp. 403–407. (In Russian).

Kotlyarov M.T. Economic essence of incomes and expenditures of the population. In: Modern problems of mining and metallurgical complex. Science and production: Proceedings of the Nineteenth All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation, Stary Oskol, December 7, 2022. Stary Oskol: Stary Oskol Technological Institute (branch) of the National Research Technological University “MISIS”; 2023. Pp. 223–228. (In Russian).

Kushnirenko A.A., Kuternege M.S. Revenues of the Russian population in modern conditions: Theoretical and practical aspects. In: Priority directions of the country's economic development in the conditions of globalization: Theory and practice: Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference, Novorossiysk, May 14, 2021. Novorossiysk; 2021. Pp. 84–88. (In Russian).

Kuznetsov S.G., Budanova A.I. Forecasting models of economic activity of population. Scientific works: Institute of Economic Forecasting RAS. 2022;20:360–382. <https://doi.org/10.47711/2076-318-2022-360-382> (In Russian).

Markova A.L., Koshkina I.G., Chikhman M.A. Incomes of population of the region: Analytical study of their dynamics and structure. In: Organizational, economic and financial aspects of agro-industrial complex development: Proceedings of the National Scientific and Practical Conference dedicated to the 70th anniversary of the Faculty of Economics of Voronezh State Agrarian University, Voronezh, December 15, 2021. Voronezh: Voronezh State Agrarian University; 2021. Pp. 425–430. (In Russian).

Mikheeva N.N. Household income and consumption in the regions in pandemic conditions. Region: Economics and Sociology. 2022;3(115):81–104. <https://doi.org/10.15372/REG20220304> (In Russian).

Oreshnikova V.V. Revenues and consumption as characteristics of the living standard of population. In: Cluster initiatives in the formation of progressive structure of economy and finance: Proceedings of the 8th All-Russian Scientific and Practical Conference, Kursk, May 12–13, 2022. Kursk: South-West State University; 2022. Pp. 187–190. (In Russian).

Ovsyannikova R.V. Cluster analysis in estimation of level and quality of life of population in of the Russian Federation. Vestnik of Samara State University of Economics. 2018;1:38–45. (In Russian).

Propisnova A.E. Low level of income of the population as a threat to the economic security of the country. In: Economics in a Changing World: Proceedings of the V All-Russian Economic Forum, Kazan, May 17–21, 2021. Kazan: Kazan Federal University; 2021. Pp. 558–560. (In Russian).

Samchenko L.A., Chernyavskaya A.V. Statistical analysis of indicators of differentiation of population income from social payments. In: Luzgina O.A. (ed.). Formation of competitive environment, competitiveness and strategic management of enterprises, organizations and regions: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference, Penza, May 12–13, 2022. Penza: Penza State Agrarian University; 2022. Pp. 198–203. (In Russian).

Sukharev O.S. Poverty, inequality, national wealth: Empirical analysis and policy implications. Institute for Economic

и регионами: материалы VII Международной научно-практической конференции, Пенза, 12–13 мая 2022 г. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет; 2022. С. 198–203.

Суворова Ю.В. Методика определения доходов и расходов общества с применением коэффициента Джини. В кн.: Научные труды студентов Ижевской ГСХА. Ижевск; 2022. С. 1725–1728.

Сухарев О.С. Бедность, неравенство, национальное богатство: эмпирический анализ и следствия для политики. Институт экономических стратегий. 2022;4(24):70–81. <https://doi.org/10.33917/es-4.184.2022.70-81>

Strategies. 2022;4(24):70–81. <https://doi.org/10.33917/es-4.184.2022.70-81> (In Russian).

Suvorova Yu. V. Methodology of assessing incomes and expenses of a society with application of Gini coefficient. In: Scientific works of students of Izhevsk State Agricultural Academy. Izhevsk; 2022. Pp. 1725–1728. (In Russian).

Приоритетные направления поддержки малого и среднего предпринимательства в рамках инновационной политики

Симонов Сергей Валентинович¹

Соискатель

ORCID: 0009-0008-5145-9352, e-mail: simonov_sv@rambler.ru

Осипов Владимир Сергеевич²

Д-р экон. наук, проф. каф. управления активами

ORCID: 0000-0003-3109-4786, e-mail: vs.ossipov@gmail.com

¹Национальный исследовательский технологический университет МИСИС,
119049, Ленинский пр-т, 4, стр. 1, г. Москва, Россия

²Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации,
119454, пр-т Вернадского, 76, г. Москва, Россия

Аннотация

Внедрение инноваций является одной из главных экономических целей, поскольку это главный фактор обеспечения выполнения задач импортозамещения, расширения экономической экспансии на внешних рынках, повышения конкурентоспособности отечественной экономики в целом. Исходя из этого, является актуальной задача исследования инновационных процессов в отечественном экономическом поле. Особое внимание при этом стоит уделить сектору малого и среднего предпринимательства, поскольку небольшие организации умеют более гибко реагировать на требования рынка и имеют меньшую инертность при решении задач по быстрой настройке производства под новые правила. Малый размер предприятия определяет необходимость высокой эффективности инновационных расходов в отличие от более крупных и самодостаточных экономических формаций. Целесообразно проведение сравнительного анализа результативности научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в секторе малое и среднее предпринимательство с данными по экономике в целом для определения приоритетного вектора государственной поддержки. В ходе исследования с применением математико-статистических методов, анализа и синтеза сделан вывод о применимости метода определения результативности инновационных процессов через отношение объема выпуска инновационной продукции к величине расходов на инновации. Такая методика расчета позволила установить, что наибольшую эффективность малое и среднее предпринимательство демонстрирует в ряде направлений, важных с точки зрения обеспечения технологического суверенитета страны и импортозамещения.

Ключевые слова: государственная политика, инновации, инновационное развитие, инновационные расходы, малое и среднее предпринимательство, НИОКР, перспективы развития, потенциал, эффективность

Для цитирования: Симонов С.В., Осипов В.С. Приоритетные направления поддержки малого и среднего предпринимательства в рамках инновационной политики // Управление. 2023. Т. 11. № 4. С. 68–78. DOI: [10.26425/2309-3633-2023-11-4-68-78](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-68-78)

Received: 19.09.2023

Revised: 27.11.2023

Accepted: 04.12.2023

Priority areas of support for small and medium-sized enterprises within the framework of innovation policy

Sergej V. Simonov¹

Applicant

ORCID: 0009-0008-5145-9352, e-mail: simonov_sv@rambler.ru

Vladimir S. Osipov²

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Asset Management Department

ORCID: 0000-0003-3109-4786, e-mail: vs.ossipov@gmail.com

¹National University of Science and Technology "MISIS", 4, bld. 1, Leninskiy prospect, Moscow 119049, Russia

²Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76, prospect Vernadskogo, Moscow 119454, Russia

Abstract

The introduction of innovations is one of the main economic goals, since it is the main factor in ensuring the fulfillment of the tasks of import substitution, expanding economic expansion in foreign markets, and increasing the competitiveness of the domestic economy as a whole. Proceeding from this, the task of studying innovative processes in the domestic economic field is an urgent task. At the same time, special attention should be paid to the sector of small and medium-sized enterprises, since small organizations are able to respond more flexibly to market requirements and have less inertia in solving problems of quickly adjusting production to new rules. The small size of an enterprise determines the need for high efficiency of innovative spending, in contrast to larger and self-sufficient economic formations. Based on this, it is advisable to conduct a comparative analysis of the effectiveness of R&D in the SME sector with data on the economy as a whole in order to determine the priority vector of state support. In the course of the study, using mathematical and statistical methods, analysis, and synthesis. A conclusion has been made about the applicability of the method for determining the effectiveness of innovative processes through the ratio of innovative products output volume to the amount of expenditure on innovation. This calculation method made it possible to establish that SMEs demonstrate the greatest efficiency in a number of areas that are important in terms of ensuring the country's technological sovereignty and import substitution.

Keywords: state policy, innovations, innovative development, innovative spending, small and medium-sized enterprises, R&D, development prospects, potential, efficiency

For citation: Simonov S.V., Osipov V.S. (2023). Priority areas of support for small and medium-sized enterprises within the framework of innovation policy. *Upravlenie / Management (Russia)*, 11 (4), pp. 68–78. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-68-78

Введение / Introduction

Малый и средний бизнес играет ключевую роль в экономике развитых стран мира. В Российской Федерации (далее — РФ, Россия) в этой сфере трудится около 13 млн человек. Вклад малого и среднего предпринимательства (далее — МСП) в валовой внутренний продукт (далее — ВВП) составляет около 20 %, и этот показатель стабилен на протяжении последних лет [Быкова, 2021]. В развитых странах он, как правило, находится в пределах 50–70 % [Поддубная, 2021].

Низкая доля МСП в ВВП России объясняется исторически сложившейся еще в 1990-е гг. тенденцией к концентрации малых и средних предприятий в торговле. В настоящее время более половины оборота МСП и почти четверть всех его работников относятся к сектору торговли и ремонта [Быкова, 2021]. Это связано с тем, что постсоветской России в наследство достались крупные заводы и производственные комплексы, сформированные в виде 1-го экономического уклада, который не создавал стимулов для развития малого и среднего бизнеса в производственной сфере [Фальцман, 2020]. Этим же объясняется невысокий инновационный потенциал малого и среднего бизнеса в России, поскольку основная часть валового продукта отрасли создается в сфере торговли, ремонта, а также строительства, то есть в отраслях с низким инновационным потенциалом.

Стоит отметить, что стратегия выживания предприятий часто заключается в предложении потребителю наиболее новых и современных продуктов, и относительно небольшие организации быстрее реагируют на рыночные сигналы и подстраиваются под требования потребителей. Имеет смысл стимулировать инновационные процессы в малом бизнесе, поскольку государственные инвестиции в данном направлении могут иметь эффективность выше средней по экономике [Боркова, 2019; Власов, 2020].

В этом ключе показателен пример Китая, который за достаточно короткий срок выстроил систему бизнес-инкубаторов для малого и среднего сектора экономики. Программа получила обобщенное название «Массовое предпринимательство. Универсальные инновации», в целом соответствуя государственной стратегии смены лозунга «Сделано в Китае» на «Разработано в Китае». Как отмечает Е.Н. Коптяев, Китай при этом использовал опыт стран Западной Европы и Соединенных Штатов Америки еще 1990–2000-х гг., когда они разрабатывали свои программы поддержки инноваций и высоких технологий в секторе МСП [Коптяев, 2020]. Повышенный интерес к стимуляции научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ

в МСП связан, с одной стороны, с более высокой гибкостью малых форм хозяйствования, а с другой — с большей ограниченностью малых организаций в расходовании средств на инновации, которые при относительно небольшой величине могли бы дать значительно больший эффект в виде инновационной продукции [Саврадым, 2022].

«Стратегия развития МСП в России до 2030 г.» в качестве одного из пунктов программы развития малого и среднего бизнеса включает рост доли данного сектора в экспорте товаров из России до 12 % к концу периода действия программы [Образцова, 2020]. Однако в силу высокой конкуренции на мировом рынке и слабой конкурентоспособности страны данный показатель недостижим без значительного увеличения поддержки инновационного развития отрасли [Глухих, 2022; Козырева, 2020]. В первую очередь это касается финансовой стороны вопроса, поскольку непосредственное увеличение расходов на инновации определяет возможности расширения производства инновационной продукции.

Ключевым направлением поддержки МСП является использование финансовых инструментов: субсидирование процентных ставок по кредитам, льготное кредитование, льготный лизинг и т.д. [Егорова, 2020; Свиридова, 2023]. Тем не менее финансовое направление далеко не единственная форма стимулирования инновационной деятельности в малых формах хозяйствования [Кванина, 2019]. Организационными мероприятиями в данном направлении занимается Корпорация МСП (создана в 2015 г.), которая, кроме финансовых вопросов, также оказывает консультационные, информационные и другие виды услуг для МСП. По данным Единого реестра субъектов МСП, к середине 2023 г. выдано около 2 трлн кредитов с начала действия Постановления Правительства РФ от 30.12.2019 г. № 1764, которое регламентирует правила предоставления субсидий из федерального бюджета российским банкам по кредитам, выдаваемым малому и среднему бизнесу с 2019 г. Окончание действия программы планируется в 2024 г. [Центральный банк Российской Федерации, 2023].

Одним из основных критериев участия в программе является необходимость осуществления приоритетных видов деятельности и производства инновационной и высокотехнологичной продукции. Другими словами, данные финансовые инструменты призваны повысить инновационный потенциал малого и среднего бизнеса в стране. Таким образом, на государственном уровне признана необходимость поддержки инновационного прогресса в среде МСП,

что делает актуальными исследования инновационных процессов в отрасли.

На основании анализа ряда статистических индикаторов и временных рядов Г.Б. Коровин установил, что реализация государственных программ поддержки промышленного сектора в России носит преимущественно поддерживающий характер [Коровин, 2021]. Однако мы считаем, что это в первую очередь связано не с адресным, но с общим характером финансирования промышленного сектора и конкретной цели поддержки определенных наиболее инновационных направлений не ставится, что снижает эффективность государственных расходов в данном направлении. В настоящем исследовании будет проведен анализ текущего уровня инновационного развития малого и среднего бизнеса в России, а также сделаны оценки наиболее перспективных направлений государственной финансовой поддержки отдельных подотраслей, в которых государственные расходы на расширение производства наукоемкой и высокотехнологичной продукции станут наиболее эффективными и целесообразными.

Для решения поставленных в работе задач авторами применялись такие методы общенаучного познания, как анализ и синтез, математико-статистические методы, графический и табличный методы отображения полученных данных. Ключевыми источниками данных для исследования являются данные Федеральной службы государственной статистики и Центрального банка РФ.

Затраты на инновационную деятельность МСП / Expenditures on innovation activities of small and medium-sized enterprises

Исходным элементом инновационного процесса являются инновационные расходы предприятий на разработки новых наукоемких высокотехнологичных товаров и более эффективных управленческих и технологических процессов их производства. Понимание структуры инновационных трат может дать нам картину инновационного процесса в стране в разрезе величины предприятий и позволит сделать заключение о приоритете инноваций для различных организаций (табл. 1).

Таблица 1

Затраты на инновационную деятельность организаций в 2021 г.

Table 1. Costs for innovative activities of organizations in 2021

Наименование	2021 г. (всего), млн руб.	Малые организации, млн руб.	%	Средние организации, млн руб.	%	ИТОГО МСП, млн руб.	%
Выращивание однолетних культур	16 608	0	0,0	3 032	18,3	3 032	18,3
Выращивание многолетних культур	4 724	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Животноводство	9 301	0	0,0	2 413	25,9	2 413	25,9
Добыча полезных ископаемых	180 466	3 290	1,8	175	0,1	3 464	1,9
Обрабатывающие производства	1 053 903	48 033	4,6	15 264	1,4	63 297	6,0
Производство:							
пищевых продуктов	35 901	4 703	13,1	1 191	3,3	5 894	16,4
кокса и нефтепродуктов	176 224	150	0,1	0	0,0	150	0,1
химических продуктов	85 510	2 026	2,4	479	0,6	2 505	2,9
лекарственных средств	57 304	2 442	4,3	973	1,7	3 415	6,0
металлургия	132 038	340	0,3	211	0,2	551	0,4
готовых металлических изделий	119 433	4 866	4,1	1 098	0,9	5 964	5,0
электронных и оптических изделий	78 915	7 888	10,0	3 278	4,2	11 166	14,1
электрического оборудования	13 798	3 228	23,4	1 029	7,5	4 257	30,9
машин и оборудования	31 217	5 019	16,1	1 959	6,3	6 978	22,4
прочих автотранспортных средств	96 847	1 386	1,4	860	0,9	2 246	2,3
прочих транспортных средств	131 287	116	0,1	759	0,6	875	0,7
Транспортировка и хранение	180 626	0	0,0	642	0,4	642	0,4
Разработка компьютерного программного обеспечения	63 817	0	0,0	4 421	6,9	4 421	6,9
Научные исследования и разработки	57 7763	0	0,0	8 499	1,5	8 499	1,5
Строительство	16 888	0	0,0	3 227	19,1	3 227	19,1
Деятельность в сфере телекоммуникаций	69 052	0	0,0	125	0,2	125	0,2
Деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования	39 391	0	0,0	149	0,4	149	0,4

Составлено автором по материалам источника [Поддубная, 2021] / Compiled by the author on the materials of the source [Poddubnaya, 2021]

Как следует из табл. 1, сектор малого и среднего бизнеса в целом играет незначительную роль в общих расходах предприятий и организаций на инновационную деятельность. Однако в определенных направлениях МСП имеет значительный вес в расходах на исследования и науку. Например, это касается пищевой промышленности, производства электроники и электрооборудования, прочих машин и оборудования. Это как раз рыночная ниша небольших производителей-смежников, способных производить мелкосерийное оборудование и оснастку для крупных машиностроительных, металлургических и иных промышленных производств. Именно об этом говорил В.К. Фальцман: развитие индивидуальной инициативы в форме предприятий МСП содействует диверсификации и импортозамещению важнейших отраслей промышленности (автор в данном случае приводит в пример авиастроение) [Фальцман, 2020]. С этим утверждением нельзя не согласиться. Действительно, инновационные расходы в машиностроении и электронике в секторе МСП имеют наибольший относительный вес по сравнению с остальными отраслями. Сопоставимая доля наблюдается также в строительной отрасли и пищевой промышленности, что логично, так как это отрасли, формируемые по большому счету из огромного количества небольших организаций.

Максимальный риск вложений для предприятий несет наибольшая статья расходов. В связи с этим для снижения предпринимательских рисков целевым направлением поддержки инновационных расходов для МСП должны стать указанные далее сектора: строительство, пищевая промышленность, производство электроники, электрооборудования, прочих машин и оборудования. В последнее входят такие направления, как производство станков, кузнечно-прессового оборудования, турбин, подшипников, сельскохозяйственной техники, спецтехники, дорожных машин, бытовой техники и ряда других. Это именно те направления, где зависимость от импорта

наиболее высока, где роль новых технологий и быстрота обновления продуктовой линейки особенно важны, а также где экспортный потенциал отечественных производителей практически отсутствует. Можно сделать вывод о целесообразности поддержки инновационного прогресса в среде МСП в первую очередь в этих подотраслях машиностроения.

Структура расходов на инновационные мероприятия организаций малого и среднего бизнеса по сравнению с показателями по всем предприятиям выглядит следующим образом (табл. 2).

Исходя из статистики затрат предприятий на инновационную деятельность, отраженной в табл. 2, наиболее эффективной будет компенсация предприятиям МСП части затрат на приобретение машин и оборудования, связанных с инновационной деятельностью, поскольку это наибольшая статья расходов организаций в среднем. Однако необходимо более пространное изучение структуры инновационных расходов предприятий. В ряде случаев стоит сконцентрировать внимание и на других направлениях, которые для отдельных производств могут иметь более существенное значение. Например, затраты МСП на приобретение прав на патенты (отчуждение), лицензий на использование изобретений, промышленных образцов и т.п., имеют значительный вес в затратах на инновационную деятельность предприятий по производству лекарственных средств, компьютеров, электронных и оптических изделий. Поскольку мировые лидеры в этих направлениях находятся за пределами России, для организации импортозамещения производства отдельных важных для экономики лекарств или электронных комплектующих необходимо проводить затратные мероприятия по лицензированию.

Область расходов на исследование и разработку новых продуктов, услуг и методов их производства наиболее существенна в фармацевтической индустрии, химической промышленности, машиностроении и автомобилестроении, производстве мебели

Таблица 2

Затраты на инновационную деятельность предприятий по видам инновационной и экономической деятельности в 2021 г.

Table 2. Costs for innovative activities of enterprises by types of innovative and economic activities in 2021

Наименование статьи инновационных расходов	Малые, %	Средние, %	Экономика в целом, %
Исследование и разработка новых продуктов, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов	23,1	31,8	43,3
Приобретение машин, оборудования прочих основных средств, связанных с инновационной деятельностью	34,1	36,1	36,6
Инжиниринг	3,3	16,6	5,9
Прочие виды затрат	39,5	15,5	14,2

Примечание: Для малых и средних предприятий – по разделу «Обрабатывающая промышленность»

Составлено авторами по материалам источника [Саврадым, 2022] / Compiled by the authors on the materials of the source [Savradyum, 2022]

и продуктов питания. Стратегия выживания предприятий зачастую заключается в предложении потребителю наиболее новых и современных продуктов. Следовательно, поддержка исследования и разработок данных производственных направлений представляется приоритетной.

Производство инновационной продукции предприятиями МСП / Expenditures on innovation activities of small and medium-sized enterprises

Ключевым показателем результативности инновационной политики государства и предприятий в отдельности является объем выпуска инновационных товаров, работ и услуг. Поскольку научно-исследовательская деятельность не всегда может приводить к разработке принципиально новых товаров или технических процессов, лишь данные о фактическом производстве могут дать представление о текущем уровне технического и технологического прогресса в экономике (табл. 3).

Как следует из табл. 3, ключевыми отраслями инновационного развития малого и среднего бизнеса в масштабах страны являются по-прежнему строительство, разработка программного обеспечения, производство электрооборудования, прочих машин и оборудования, электронных и оптических изделий, а также деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования. Стоит отметить, что вес малого бизнеса в целом превышает выпуск инновационной продукции средних организаций. Можно предусмотреть программы адресной поддержки предприятий по кодам деятельности и производимой продукции для повышения эффективности отдачи от инновационных расходов в определенных отраслях. Частично данные меры уже предусмотрены в работе Корпорации МСП, для участия в программах которой, как уже было сказано, необходимо отнесение организации к приоритетным видам экономической деятельности и осуществление выпуска инновационной и высокотехнологичной продукции.

Таблица 3

Выпуск инновационной продукции (товаров, работ и услуг) в 2021 г.

Table 3. Release of innovative products (goods, works and services) in 2021

Наименование	2021 г. (всего), млн руб.	Малые организации, млн руб.	%	Средние организации, млн руб.	%	ИТОГО МСП, млн руб.	%
Выращивание однолетних культур	25 823	–	0,0	1 450	5,6	1 450	5,6
Выращивание многолетних культур	–	–	–	0	–	0	–
Животноводство	39 624	–	0,0	1 241	3,1	1 241	3,1
Добыча полезных ископаемых	874 339	2 396	0,3	–	0,0	2 396	0,3
Обрабатывающие производства	3 659 812	10 0237	2,7	84 597	2,3	184 833	5,1
Производство:							
пищевых продуктов	322 511	9 633	3,0	5 697	1,8	15 330	4,8
кокса и нефтепродуктов	383 846	–	0,0	0	0,0	0	0,0
химических продуктов	321 231	7 287	2,3	4 210	1,3	11 497	3,6
лекарственных средств	130 223	2 322	1,8	1 874	1,4	4 196	3,2
металлургия	468 931	539	0,1	8 180	1,7	8 719	1,9
готовых металлических изделий	305 337	13 107	4,3	6 718	2,2	19 825	6,5
электронных и оптических изделий	247 215	14 734	6,0	8 835	3,6	23 569	9,5
электрического оборудования	102 579	7 017	6,8	10 432	10,2	17 449	17,0
машин и оборудования	172 399	8 611	5,0	11 790	6,8	20 401	11,8
прочих автотранспортных средств	427 214	1 088	0,3	1 723	0,4	2 811	0,7
прочих транспортных средств	491 301	518	0,1	0	0,0	518	0,1
Транспортировка и хранение	82 180	–	0,0	3 554	4,3	3 554	4,3
Разработка компьютерного программного обеспечения	118 790	–	0,0	10 764	9,1	10 764	9,1
Научные исследования и разработки	697 997	–	0,0	7 654	1,1	7 654	1,1
Строительство	40 351	–	0,0	6 784	16,8	6 784	16,8
Деятельность в сфере телекоммуникаций	210 727	–	0,0	0	0,0	0	0,0
Деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования	18 357	–	0,0	995	5,4	995	5,4

Составлено авторами по материалам источника [Быкова, 2021] / Compiled by the authors on the materials of the source [Bykova, 2021]

Отношение объема производства инновационной продукции к инновационным расходам предприятий МСП / Ratio of innovative products output to innovative expenditures of small and medium-sized enterprises

Мы подошли к ключевому понятию эффективности инновационных расходов — отношению выхода современной высокотехнологичной и наукоемкой продукции к инновационным расходам предприятий, то есть к понятию экономического смысла инновационного процесса отдельных отраслей и МСП в целом. Используя данные табл. 1 и 3, сформируем табл. 4, где под результативностью инновационных расходов мы будем понимать стоимость выпущенной инновационной продукции на 1 руб. расходов на инновации.

Как следует из табл. 4, высоких результатов инновационной деятельности в малом и среднем бизнесе удается достигать в металлургическом производстве. Надо заметить, что выпуск инновационной металлургической продукции предприятиями МСП сравнительно невелик (около 2 % от общего объема

по экономике). Также высокие результаты (выше средних показателей по всем предприятиям) наблюдаются в химической промышленности, производстве готовых металлических изделий, транспортировке и складском деле, разработке компьютерного обеспечения, деятельности в области архитектуры и инженерно-технического проектирования. Эти направления демонстрируют наивысшую эффективность инновационных расходов малого и среднего бизнеса по сравнению со среднеэкономическими данными. Исходя из этого показателя, можно также формировать область целевой поддержки инновационных процессов малого и среднего предприятия.

Уровень финансовой поддержки МСП / Level of financial support for small and medium-sized enterprises

В заключение необходимо указать фактические объемы поддержки малого и среднего бизнеса в России в финансовом выражении. Как уже было отмечено выше, ключевыми финансовыми инструментами, обеспечивающими поддержку МСП, в настоящее время являются кредиты с льготными условиями.

Таблица 4

Результативность инновационных расходов инновационной продукции на 1 руб. расходов

Table 4. Innovative spending effectiveness – rubles of innovative products per 1 ruble of costs

Наименование	2021 (всего), руб.	Малые организации, руб.	Средние организации, руб.	ИТОГО МСП, руб.
Выращивание однолетних культур	1,6	–	0,5	0,5
Выращивание многолетних культур	–	–	0,0	0,0
Животноводство	4,3	–	0,5	0,5
Добыча полезных ископаемых	4,8	0,7	0,0	0,7
Обрабатывающие производства	3,5	2,1	5,5	2,9
Производство: пищевых продуктов	9,0	2,0	4,8	2,6
кокса и нефтепродуктов	2,2	0,0	–	0,0
химических продуктов	3,8	3,6	8,8	4,6
лекарственных средств	2,3	1,0	1,9	1,2
металлургия	3,6	1,6	38,8	15,8
готовых металлических изделий	2,6	2,7	6,1	3,3
электронных и оптических изделий	3,1	1,9	2,7	2,1
электрического оборудования	7,4	2,2	10,1	4,1
машин и оборудования	5,5	1,7	6,0	2,9
прочих автотранспортных средств	4,4	0,8	2,0	1,3
прочих транспортных средств	3,7	4,5	0,0	0,6
Транспортировка и хранение	0,5	–	5,5	5,5
Разработка компьютерного программного обеспечения	1,9	–	2,4	2,4
Научные исследования и разработки	1,2	–	0,9	0,9
Строительство	2,4	–	2,1	2,1
Деятельность в сфере телекоммуникаций	3,1	–	0,0	0,0
Деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования	0,5	–	6,7	6,7

Составлено авторами по материалам источника [Коптяев, 2020] / Compiled by the authors on the materials of the source [Koptyaev, 2020]

Динамику кредитования сектора МСП, начиная с 2019 г., можно отследить по данным Центрального банка РФ (табл. 5).

Судя по данным табл. 5, можно отметить постепенное увеличение кредитования сектора МСП с сохранением уровня просроченной задолженности и даже некоторой тенденцией к ее уменьшению. Эти данные свидетельствуют о достаточно комфортных условиях предоставления финансовых инстру-

ментов для малого и среднего бизнеса. Постепенное увеличение объема задолженности, с одной стороны, характеризует негативный рост закредитованности МСП, а с другой — служит доказательством результативности мер государственной поддержки по предоставлению финансовых средств по удобным для бизнеса ставкам с целью повышения инновационного потенциала и снижения финансовых рисков инновационных расходов предприятий.

Таблица 5

Кредитование субъектов малого и среднего предпринимательства в 2019–2023 гг. (ежемесячные данные)

Table 5. Lending to SMEs in 2019–2023 (monthly data)

Дата	Выдано кредитов, млрд руб.	Задолженность по кредитам, млрд руб. (левая шкала)	В т.ч. просроченная, млрд руб. (правая шкала)
Январь 2019 г.	452,9	–	–
Февраль 2019 г.	482,1	4 336	572,6
Март 2019 г.	604,8	4 330	580,1
Апрель 2019 г.	687,0	4 392	586,6
Май 2019 г.	585,2	4 536	596,1
Июнь 2019 г.	680,2	4 587	608,9
Июль 2019 г.	854,4	4 607	599,0
Август 2019 г.	558,4	4 640	615,6
Сентябрь 2019 г.	613,5	4 154	572,9
Октябрь 2019 г.	674,9	4 293	581,1
Ноябрь 2019 г.	819,2	4 393	581,2
Декабрь 2019 г.	812,3	4 700	576,8
Январь 2020 г.	441,6	4 738	565,3
Февраль 2020 г.	550,2	4 752	571,9
Март 2020 г.	715,5	4 786	573,5
Апрель 2020 г.	507,5	4 950	580,4
Май 2020 г.	447,3	5 010	583,4
Июнь 2020 г.	606,9	5 062	587,8
Июль 2020 г.	650,9	5 174	581,5
Август 2020 г.	698,0	5 288	582,5
Сентябрь 2020 г.	761,9	5 222	638,4
Октябрь 2020 г.	686,4	5 433	629,4
Ноябрь 2020 г.	640,6	5 545	625,1
Декабрь 2020 г.	942,0	5 660	636,3
Январь 2021 г.	469,0	5 811	640,1
Февраль 2021 г.	658,2	5 887	642,0
Март 2021 г.	875,1	6 050	640,9
Апрель 2021 г.	934,4	6 163	642,3
Май 2021 г.	766,3	6 252	644,7
Июнь 2021 г.	1 056,5	6 438	643,1
Июль 2021 г.	830,3	6 842	645,7
Август 2021 г.	830,3	6 134	610,7
Сентябрь 2021 г.	941,6	6 413	614,7
Октябрь 2021 г.	976,4	6 644	607,9
Ноябрь 2021 г.	938,2	6 886	611,1

Окончание табл. 5

Дата	Выдано кредитов, млрд руб.	Задолженность по кредитам, млрд руб. (левая шкала)	В т.ч. просроченная, млрд руб. (правая шкала)
Декабрь 2021 г.	1 336,4	7 127	622,8
Январь 2022 г.	800,5	7 410	610,0
Февраль 2022 г.	964,6	7 606	615,9
Март 2022 г.	816,0	7 927	617,4
Апрель 2022 г.	808,9	8 068	607,0
Май 2022 г.	676,3	8 236	609,0
Июнь 2022 г.	944,5	8 392	612,0
Июль 2022 г.	927,0	8 581	592,1
Август 2022 г.	959,1	7 951	525,1
Сентябрь 2022 г.	1 092,8	8 326	527,5
Октябрь 2022 г.	1 105,8	8 698	522,8
Ноябрь 2022 г.	962,4	9 022	529,0
Декабрь 2022 г.	1 355,7	9 304	542,5
Январь 2023 г.	703,3	9 611	538,0
Февраль 2023 г.	850,0	9 620	547,1
Март 2023 г.	1 248,1	9 858	552,8
Апрель 2023 г.	1 163,2	10 272	545,3
Май 2023 г.	–	10 700	549,1

Составлено авторами по материалам исследования [Свиридова, 2023] / Compiled by the authors on the materials of the source [Sviridova, 2023]

По данным Центрального банка РФ, (данные на 01.05.2023 г.) задолженность по экономическим направлениям распределена следующим образом (табл. 6).

Как видно из табл. 6, ключевым направлением кредитования МСП является профессиональная, научная и техническая деятельность, что в целом соответствует концепции повышения инновационного потенциала страны с опорой на малый и средний

бизнес. Хотя три направления — недвижимость, строительство и торговля — являются наиболее распространенными видами деятельности МСП, при этом они не имеют высокого инновационного потенциала. Следовательно, целесообразно увеличивать поддержку инновационных секторов МСП, не вкладывая средства в менее наукоемкие и высокотехнологичные направления.

Таблица 6

Задолженность по кредитам, предоставленным малым и средним предпринимательством на 01.05.2023 г.

Table 6. Debt on loans provided to small and medium-sized enterprises as of May 1, 2023

Наименование	Объем задолжности, трлн руб.
Деятельность профессиональная, научная и техническая	2 292
Деятельность по операциям с недвижимостью	1 857
Строительство	1 592
Торговля и ремонт автотранспортных средств	1 403
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	865
Обрабатывающие производства	845
Деятельность финансовая и страховая	681
Транспортировка и хранение	380
Прочее	788

Составлено авторами по материалам источника [Фальцман, 2020] / Compiled by the authors on the materials of the source [Faltsman, 2020]

Заключение / Conclusion

В ходе исследования проведен анализ инновационных процессов в малом и среднем бизнесе России в контексте изучения возможности инновационного прорыва с опорой на более гибкие и эффективные с точки зрения подстраивания под требования рынка малые и средние предприятия. В ходе решения поставленной задачи рассмотрены данные о величине расходов на инновационную деятельность, структуре этих затрат, а также об объеме выпуска инновационных товаров, работ и услуг с целью определения результативности инновационных затрат в виде отношения выпуска наукоемкой и высокотехнологичной продукции на 1 руб. затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

Определено, что наиболее целесообразно сосредоточить государственную поддержку инновационных процессов в МСП в секторах производства

химических продуктов, выпуска готовых металлических изделий, транспортировки и складского дела, разработки компьютерного обеспечения, деятельности в области архитектуры и инженерно-технического проектирования. Также малые и средние предприятия вносят значительный вклад в обеспечение технического прогресса в выпуске электроники, прочих машин и оборудования.

Главным инструментом поддержки МСП является предоставление льготных кредитов, лизинга и подобных финансовых мер стимулирования экономической деятельности. В секторе МСП наибольший спрос на кредитные средства наблюдается в направлении профессиональной, научной и технической деятельности, что отвечает задачам инновационного развития малого и среднего бизнеса в России.

Список литературы

- Центральный банк Российской Федерации. Кредитование субъектов малого и среднего предпринимательства. М.: Центральный банк Российской Федерации; 2023. 22 с.
- Боркова Е.А., Подкатилина В.А., Завьялова П.Е. Динамика развития малого и среднего бизнеса: проблемы и перспективы. *Economic Consultant*. 2019;2(26):83–89.
- Быкова О.Н., Шпилёва А.А., Чухлебов А.А. О состоянии малого и среднего бизнеса в России. *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право*. 2021;5(35):750–755. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2021-31-5-750-755>
- Власов М.В. Политика инновационного поведения малых и средних предприятий старопромышленного региона. *Экономика региона*. 2020;4(16):1335–1347. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-22>
- Глухих П.Л. Социокультурные предикторы серийного поведения предпринимателей и их влияние на создание инновационной продукции. *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022;7(15):930–943.
- Егорова Н.Е., Королева Е.А. Кредитование субъектов российского малого бизнеса: трансформация традиционной банковской модели в партнерскую. *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2020;2(24):191–214. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2020-24-2-191-214>
- Кванина В.В., Громова Е.А., Спиридонова А.В. Информационное обеспечение государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в структуре электронного правительства. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2019;1:61–84.
- Козырева Ю.Ю. Изучение динамики и вариации инноваций в промышленности России. В кн.: *Актуальные*

References

- Borkova E.A., Podkatilina V.A., Zavyalova P.E. Dynamics of development of small and medium business: problems and prospects. *Economic Consultant*. 2019;2(26):83–89. (In Russian).
- Bykova O.N., Shpileva A.A., Chukhlebov A.A. On the state of small and medium-sized businesses in Russia. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 2021;5(35):750–755. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2021-31-5-750-755> (In Russian).
- Central Bank of the Russian Federation. Lending to subjects of small and medium-sized enterprises. Moscow: Central Bank of the Russian Federation; 2023. 22 p. (In Russian).
- Egorova N.E., Koroleva E.A. Lending to Russian Small Businesses: From a Traditional to a Partnership-based Banking Model. *Higher School of Economics Economic Journal*. 2020;2(24):191–214. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2020-24-2-191-214> (In Russian).
- Faltsman V.K. Russia: Growth Factors in the Framework of the Global Economy. *Contemporary Europe*. 2020;1(94):5–14. <https://doi.org/10.15211/soveurope120200513> (In Russian).
- Glukhikh P.L. Sociocultural Predictors of Serial Behavior of Entrepreneurs and their Influence on the Creation of Innovative Products. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2022;7(15):930–943. (In Russian).
- Koptjaev E.N. Research on the role of innovation and small business in China's economic development. *The Eurasian Scientific Journal*. 2020;1. (In Russian).
- Korovin G.B. Efficiency of Government Support for the Manufacturing Sector in Russian Industrial Regions. *Economy of Region*. 2021;4(17):1256–1269. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-15> (In Russian).

проблемы и перспективы развития экономики в современных условиях: сборник XII Международной студенческой научно-практической конференции, Оренбург, 12 мая 2020 г. Волгоград: Сфера; 2020. С. 42–46.

Коптяев Е.Н. Исследование роли инноваций и малого предпринимательства в экономическом развитии Китая. Вестник Евразийской науки. 2020;1.

Коровин Г.Б. Результативность государственной поддержки обрабатывающей промышленности в индустриальных регионах РФ. Экономика региона. 2021;4(17):1256–1269. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-15>

Образцова О.И. Политика в отношении МСП в РФ: обновление после пандемии? Вопросы государственного и муниципального управления. 2020;3:71–95.

Поддубная М.Н., Саркисова В.К. Современный уровень развития малого и среднего предпринимательства в России. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021;4-3:70–73. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-4-3-70-73>

Саврадым В.М. Основные направления поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: организационный и финансовый аспекты. Финансовые рынки и банки. 2022;7:18–23.

Свиридова Е.А. Правовые меры поддержки инновационных и высокотехнологичных субъектов малого и среднего предпринимательства. ПРЕД. 2023;2:83–93.

Фальцман В.К. Россия: факторы роста в контексте мировой экономики. Современная Европа. 2020;1(94):5–14. <https://doi.org/10.15211/soveurope120200513>

Kozyreva Yu. Yu. Studying the dynamics and variation of innovation in the Russian industry. In: Actual problems and prospects of economic development in modern conditions: Proceedings of XII International Student Scientific and Practical Conference, Orenburg, May 12, 2020. Volgograd: Sphere; 2020. Pp. 42–46. (In Russian).

Kvanina V.V., Gromova E.A., Spiridonova A.V. Information support of small and medium-sized enterprises in the e-government structure. Public Administration Issues. 2019;1:61–84. (In Russian).

Obraztsova O.I. SME policy in the Russian Federation: Renewal after the pandemic? Public Administration Issues. 2020;3:71–95. (In Russian).

Poddubnaya M.N., Sarkisova V.K. The current level of development of small and medium-sized businesses in Russia. International journal of humanities and natural sciences. 2021;4-3:70–73. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-4-3-70-73> (In Russian).

Savradym V.M. Main areas of support for small and medium-sized businesses in the Russian Federation: Organizational and financial aspects. Finansovye rynki i banki. 2022;7:18–23. (In Russian).

Sviridova E.A. Legal measures to support innovative and high-tech subjects of small and medium-sized businesses. PRED. 2023;2:83–93. (In Russian).

Vlasov M.V. Innovative Behaviour of Small and Medium-Sized Enterprises of an Industrial Region. Economy of Region. 2020;4(16):1335–1347. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-22> (In Russian).

УДК 338.436:631.151
Получено: 11.09.2023

JEL Q16, L2
Статья доработана после рецензирования: 09.10.2023

DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-79-89>
Принято: 16.10.2023

Кластерный подход к развитию механизма экспорта продукции сельскохозяйственного предприятия

Сучкова Наталья Решатовна

Канд. экон. наук, ст. науч. сотр.

ORCID: 0000-0001-5255-808X, e-mail: suchkova.natalja@rambler.ru

Поволжский научно-исследовательский институт экономики и организации агропромышленного комплекса – обособленное структурное подразделение Саратовского научного центра Российской академии наук, 410010, ул. Шехурдина, 12, г. Саратов, Россия

Аннотация

Статья посвящена изучению предприятий зернопродуктового подкомплекса, занимающихся производством и реализацией зерна как для внутреннего потребления, так и на экспорт. Автор исследует кластерный подход как основу развития механизма экспорта зерна, ключевым элементом которого является принцип объединения функций сбыта, хранения и отгрузки продукции в транспортно-логистической части кластера. Достижение синергетического эффекта при этом обусловлено взаимовыгодным сотрудничеством субъектов на инвестиционно-инновационной основе. В работе обобщены основные этапы организации экспорта сельскохозяйственной продукции, по каждому из которых представлен перечень проводимых процедур и состав используемых документов. На основе проведенных исследований представлен современный механизм экспорта продукции (зерновых) сельскохозяйственными предприятиями с выделением субъектов по стадиям жизненного цикла экспорта в зависимости от способа его осуществления (напрямую, через посредника, в качестве участника кластера). На примере экспортно-ориентированного предприятия Саратовской области показана эффективность кластеризации, заключающаяся в минимизации транзакционных издержек за счет сокращения прочих реализационных расходов. Результаты работы могут быть использованы при разработке программ и предложений по укреплению интеграционных связей между субъектами агропромышленного комплекса.

Ключевые слова: региональный кластер, механизм экспорта, зернопродуктовый подкомплекс, сельскохозяйственное предприятие, элеватор, экспортный терминал, кластеризация, отгрузка продукции

Для цитирования: Сучкова Н.Р. Кластерный подход к развитию механизма экспорта продукции сельскохозяйственного предприятия // Управление. 2023. Т. 11. № 4. С. 79–89. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-79-89

Received: 11.09.2023

Revised: 09.10.2023

Accepted: 16.10.2023

Cluster approach to the development of the mechanism of export of agricultural enterprise products

Natalya R. Suchkova

Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher

ORCID: 0000-0001-5255-808X, e-mail: suchkova.natalja@rambler.ru

Povolzhskiy Scientific Research Institute of Economic and Organization of Agroindustrial Complex – Subdivision of the Saratov Federal Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, 12, Shekhurdina ul., Saratov 410010, Russia

Abstract

The article studies enterprises of the grain-product subcomplex engaged in the production and sale of grain for both domestic consumption and export. The author studies the cluster approach as a basis for grain export mechanism development, the key element of which is the principle of combining functions of sales, storage, and shipment of products in the transportation and logistics part of the cluster. Achievement of synergetic effect in this case is conditioned by mutually beneficial cooperation of subjects on the investment and innovation basis. The paper summarizes main stages of organizing agricultural exports, each of which presents a list of procedures and composition of the documents used. Based on the conducted research, modern mechanism of export of products (grain) by agricultural enterprises has been presented with the allocation of subjects by stages of the export life cycle depending on the way of its realization (directly, through an intermediary, or as a cluster participant). The example of an export-oriented enterprise in the Saratov region shows clustering effectiveness, which consists in minimizing transaction costs by reducing other implementation costs. The research results can be used when developing programs and proposals to strengthen integration ties between the subjects of agro-industrial complex.

Keywords: regional cluster, export mechanism, grain product subcomplex, agricultural enterprise, elevator, export terminal, clustering, product shipment

For citation: Suchkova N.R. (2023). Cluster approach to the development of the mechanism of export of agricultural enterprise products. *Upravlenie / Management (Russia)*, 11 (4), pp. 79–89. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-79-89

Введение / Introduction

На сегодняшний день актуальной задачей для исследований является поиск наиболее действенных инструментов повышения эффективности функционирования предприятий, стратегически значимых для продовольственной независимости государства отраслей. Особое внимание в данном вопросе необходимо уделить интеграционным процессам, совершенствованию взаимодействия между элементами интегрированной структуры. Интеграционные процессы, в особенности региональные, развивающиеся с начала XX в., обладают наиболее устойчивой динамикой роста, а стратегия развития имеет выраженный кластерный характер. Кластерная политика ориентирована на развитие устойчивого партнерства экономических субъектов, вступающих во взаимовыгодные хозяйственные связи [Пустынникова, Ускова, 2017].

В ходе развития кластерного образования количество его участников оптимизируется под цели и задачи производственной и сбытовой деятельности, и в результате происходит формирование необходимой критической массы для последующего совершенствования инфраструктуры. Таким образом, кластеры получают дополнительные конкурентные преимущества под воздействием совокупного влияния кооперации, концентрации и специализации, которые обеспечивают наращивание объемов и снижение себестоимости производства [Гусаков, 2021].

В условиях современной экономико-политической ситуации особое место в агропромышленном комплексе страны занимает зернопродуктовый подкомплекс, представляющий собой многофункциональную систему субъектов различных форм собственности, осуществляющих производство, переработку и реализацию зерна, объединенных единой конечной целью формирования продовольственного обеспечения регионов [Сучкова, Крючков, 2017]. Применение кластерного подхода в данной сфере способствует формированию ряда новых возможностей для связанных предприятий по сравнению с условиями их самостоятельного функционирования — взаимовыгодное сотрудничество внутри кластера, имеющее инвестиционно-инновационную основу, обеспечивает выход на новые международные рынки и снижение транзакционных издержек предприятия.

Современные производители зерна активно осваивают внешние рынки. Так, в 2021 г. Российская Федерация (далее — Россия, РФ) стала крупнейшим в мире экспортером пшеницы. Актуализация экспортной деятельности на современном этапе обусловлена создающимися в ее процессе преимуществами, заключающимися, в частности, в увеличении объема продаж за счет новых рынков, уменьшении

себестоимости единицы продукции, возможности регулирования сезонных колебаний на внутреннем рынке, росте прибыли, конкурентоспособности и финансовой устойчивости предприятий.

Следует отметить, что практическая значимость исследования в санкционных условиях определяется необходимостью разработки организационно-экономического механизма, обеспечивающего развитие инфраструктуры экспорта зерна, что наиболее эффективно в рамках создания регионального экспортно-ориентированного кластера зернопродуктового подкомплекса, реализующего функции поиска покупателей за рубежом, выполнения и поддержания договорных отношений, генерирования, хранения, подтверждения качества, оформления сопроводительной документации, отгрузки крупных однородных партий зерна и продуктов его переработки. Гибкая высокоинтегрированная структура позволит минимизировать риски и оптимизировать доходы товаропроизводителей за счет создания преимуществ на основе специализации и кооперации.

Методы исследования / Research methods

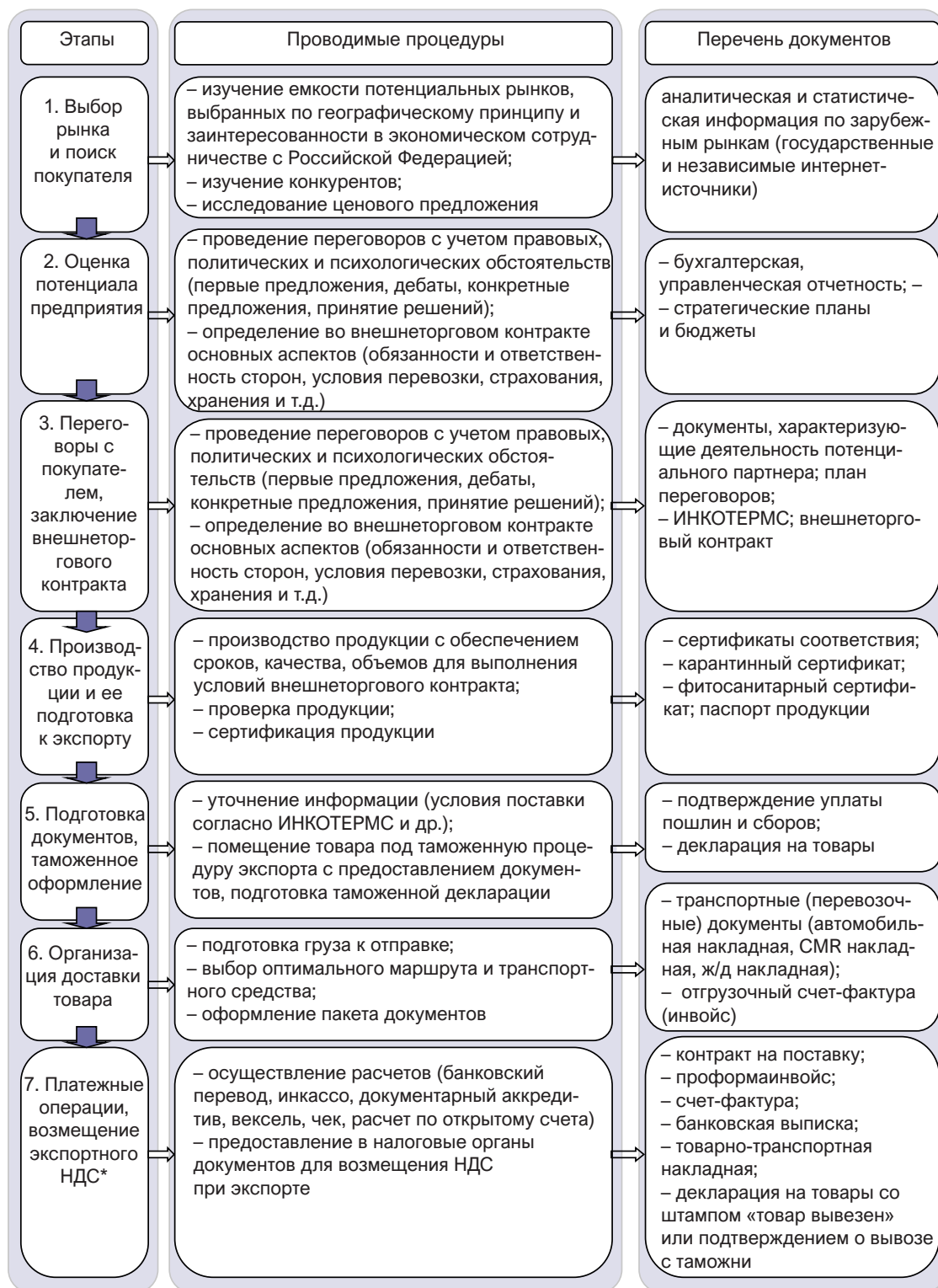
Теоретическую и информационную базу исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых, интернет-ресурсы и другие источники. Использована совокупность общенаучных (системный и процессный подходы, структурный анализ, обобщение, сравнение) и междисциплинарных (функциональный, статистический, нормативный и др. подходы) методов исследования.

Результаты исследования / Research results

В нашем видении механизм экспорта продукции сельскохозяйственного предприятия — это выстроенная на основе процессного подхода система организационных и экономических составляющих, взаимодействие которых в рамках правового поля с учетом действующей государственной политики позволяет осуществлять эффективную, безопасную, бесперебойную внешнеэкономическую деятельность в условиях выбранной экспортной стратегии. К организационной составляющей относится последовательность этапов построения экспорта (анализ зарубежных рынков, оценка производственных и финансовых возможностей производителя, адаптация к зарубежным требованиям, подготовка продукции и документов для экспорта, мониторинг, анализ и оценка результатов экспортной деятельности). К экономической составляющей можно отнести государственную поддержку, состояние и доступность элементов инфраструктуры, состав необходимых документов, транзакционные издержки и т.д.

Эффективная экспортная деятельность предприятий основывается на процессном подходе к ее организации. В результате проведенных исследований выделены основные этапы организации экспорта

сельскохозяйственной продукции, по каждому из которых представлен перечень проводимых процедур и состав используемых документов (рис. 1).

Примечание: НДС – налог на добавленную стоимость

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 1. Алгоритм организации экспорта продукции сельскохозяйственным предприятием

Fig. 1. Algorithm for organizing products export by agricultural enterprise

В настоящее время возможны три основных способа организации зарубежных поставок сельскохозяйственным предприятиям, осуществляющим производство зерна, — самостоятельно, через посредников и как участнику интегрированного образования (кластера) (рис. 2). При самостоятельной реализации продукции отсутствует сбытовое звено, а предприятие несет расходы, связанные с поиском клиента, оформлением необходимой документации и т.д., что требует дополнительных финансовых затрат и наличия квалифицированных специалистов. Задействование посредника в процессе экспорта продукции освобождает предприятие-производителя от ряда сложностей сбыта, но влечет за собой снижение закупочной цены, образование упущенной выгоды.

Являясь участником кластера, производитель зерна реализует продукцию через транспортно-логистическую часть региональной высокоинтегрированной экспортоориентированной структуры, представленной элеваторами хранения на местах, терминалами и транспортной системой. Кластер как форма глубокой интеграции позволяет его участникам налаживать тесные связи на взаимовыгодных

условиях, развивать производственный потенциал его участников в результате увеличения объемов оборотных средств и в то же время оставляет хозяйствующим субъектам организационно-управленческую свободу и право принимать решения и реализовывать независимую производственно-сбытовую политику [Новиков, Сердобинцев, Козлов, 2018].

Примерами успешного функционирования кластеров в зернопродуктовом подкомплексе России являются Первый зерновой кластер Новосибирской области, Агропромышленные кластеры Брянской и Новгородской областей. Деятельность зерновых кластеров поддерживается мерами государственной поддержки в сфере кластерной политики, важная роль при этом отведена формируемым в регионах Центрам кластерного развития.

Саратовская область традиционно является одним из лидеров по производству зерновых и их экспорту. В регионе возделываются различные виды зерновых, а также зернобобовые культуры, что обусловлено благоприятными для производства природно-климатическими условиями (табл. 1).

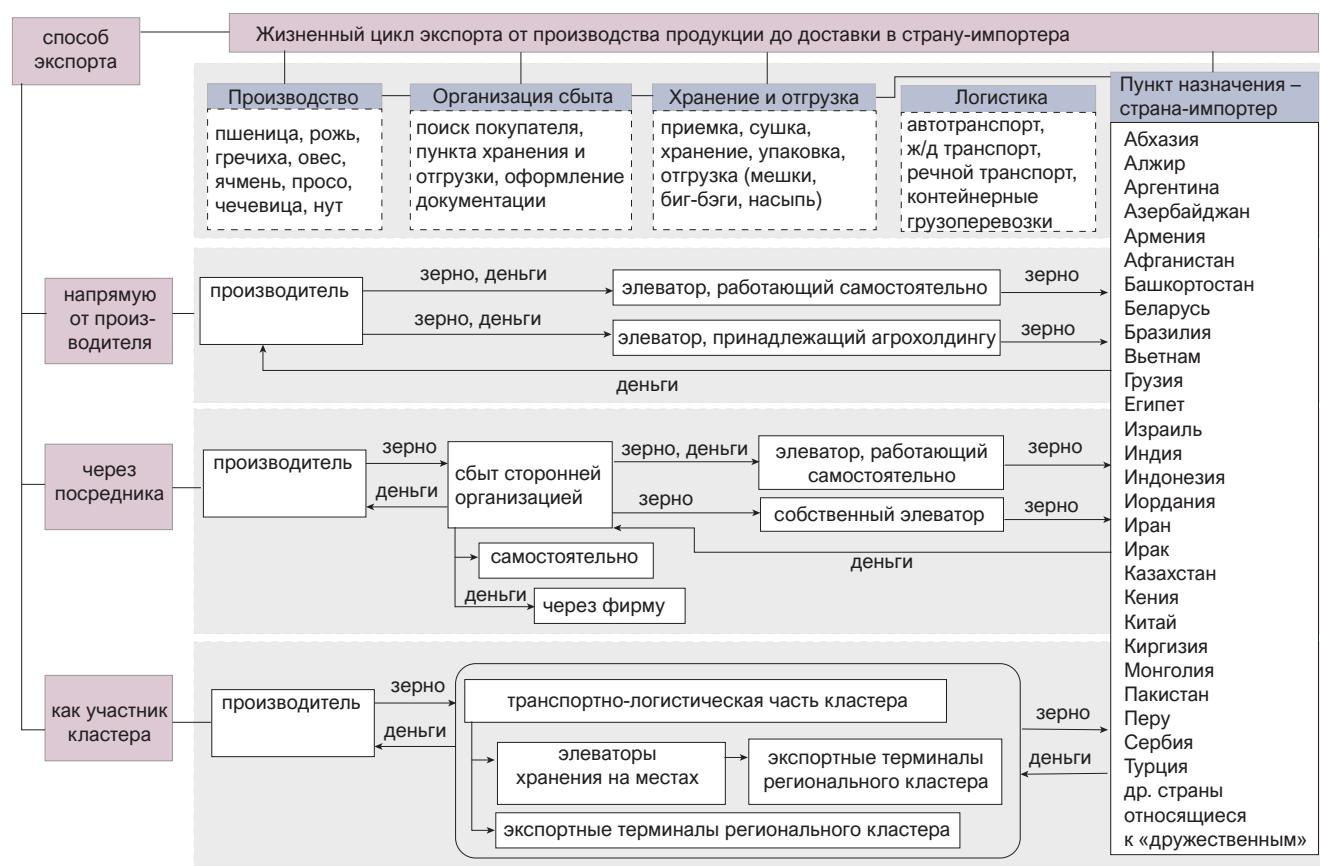

Рис. 2. Механизм экспорта продукции (зерновых) сельскохозяйственного предприятия
Fig. 2. Mechanism for exporting products (cereals) by agricultural enterprise

Таблица 1

Динамика посевных площадей зерновых и зернобобовых культур в Саратовской области за 2018–2021 гг.

Table 1. Dynamics of sown areas of grain and leguminous crops in the Saratov region for 2018–2021

Зерновые и зернобобовые культуры	2018 г., га	2019 г., га	2020 г., га	2021 г., га	Отклонение 2021 г. от 2018 г., %	Удельный вес культуры в среднем за 2018–2021 гг., %
Пшеница	1 273 213	1 279 655	1 380 689	1 302 653	2,31	59,38
Рожь	68 905	64 149	77 765	72 046	4,56	3,28
Ячмень	376 162	368 835	282 920	277 390	26,26	12,64
Овес	54 352	50 327	40 613	36 586	– 32,69	1,67
Кукуруза	79 366	116 073	157 039	193 274	143,52	8,81
Просо	108 734	140 251	147 159	105 109	– 3,33	4,79
Гречиха	19 753	12 120	14 939	16 034	– 18,83	0,73
Сорго	26 376	31 365	32 327	30 569	15,89	1,39
Зернобобовые культуры	378 139	264 985	174 981	157 198	– 58,43	7,17
Зерновые и зернобобовые культуры – всего	2 390 026	2 332 074	2 312 498	2 193 779	– 8,21	100,00

Источник¹ / Source¹

По данным табл. 1 видно, что около 60 % всей посевной площади зерновых приходится на пшеницу. На втором месте в структуре посевных площадей ячмень – в среднем 12,6 % за четырехлетний период. В целом за период 2018–2021 гг. наблюдается незначительное снижение посевной площади (на 8,2%, или 196,2 тыс. га) в основном за счет снижения посевов зернобобовых культур (на 58,4%, или 220,9 тыс. га).

Территория Саратовской области характеризуется большим разнообразием почвенно-климатических условий. В связи с этим в данном регионе с учетом природно-экономических факторов выделено семь микрзон, для которых применяется научно-обоснованная система земледелия, что также позволяет получать устойчивые урожаи зерновых культур (табл. 2).

Таблица 2

Динамика производства зерновых и зернобобовых культур в Саратовской области за 2018–2021 гг.

Table 2. Dynamics of production of grain and leguminous crops in the Saratov region for 2018–2021

Зерновые и зернобобовые культуры	2018 г., т	2019 г., т	2020 г., т	2021 г., т	Отклонение 2021 г. от 2018 г., %	Удельный вес культуры в среднем за 2018–2021 гг., %
Пшеница	2 231 432	1 917 829	3 779 816	2 079 638	– 6,80	56,21
Рожь	117 873	89 837	174 340	126 755	7,54	3,43
Ячмень	264 991	284 489	417 705	365 120	37,79	9,87
Овес	53 509	52 749	68 696	58 521	9,37	1,58
Кукуруза	299 086	456 704	537 864	763 920	155,42	20,65
Просо	102 847	150 885	145 334	120 641	17,30	3,26
Гречиха	11 205	11 720	10 249	8 479	– 24,33	0,23
Сорго	9 045	31 633	11 478	23 761	162,70	0,64
Зернобобовые культуры	215 747	181 026	149 858	148 842	– 31,01	4,02
Зерновые и зернобобовые культуры – всего	3 313 776	3 182 159	5 303 542	3 699 912	11,65	100,00

Источник² / Source²

¹ Федеральная служба государственной статистики по Саратовской области. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство. Режим доступа: <https://64.rosstat.gov.ru/selhoz> (дата обращения: 05.09.2023).

² Там же.

Данные из табл. 2 свидетельствуют о росте валового сбора зерновых и зернобобовых в целом за период 2018–2021 гг. на 11,7 % (или 386,1 тыс. т), что обусловлено существенным повышением в производстве кукурузы – в 2,6 раза (или на 464,8 тыс. т) за исследуемый период. Наибольший удельный вес в структуре производства так же, как и в структуре посевных площадей, приходится на пшеницу – 56,2 %.

Наличие экспортного потенциала зерновых культур в области подтверждается высоким уровнем самообеспеченности зерном – выше 95 %, что, согласно Доктрине продовольственной безопасности РФ, свидетельствует о продовольственной независимости региона (табл. 3). В настоящее время основным направлением использования зерна является его вывоз, включая экспорт, что в среднем составляет 73,6 % от объема производства. Производственное потребление и переработка зерна составляют 18,5 % и 12,9 % соответственно от произведенного количества зерновых. Стоит отметить, что в Саратовской области показатель самообеспеченности за период 2019–2021 гг. превысил 261,3 % и в среднем за три года был равен 309,9 %, следовательно, существует возможность наращивания объемов переработки, а также вывоза в другие регионы страны и за рубеж.

³ Федеральная служба государственной статистики по Саратовской области. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство. Режим доступа: <https://64.rosstat.gov.ru/selhoz> (дата обращения: 07.09.2023).

Возможность наращивания экспорта зерновых подтверждается также положительной динамикой показателей технической оснащенности процесса производства зерновых и зернобобовых культур (табл. 4).

Так, за четырехлетний период в сельскохозяйственных предприятиях области незначительно возросло количество зерноуборочных и кукурузоуборочных комбайнов (на 0,2 % и 10 % соответственно), дождевальных и поливных машин и установок (на 11 %). В более значительной степени увеличилось количество машин для внесения минеральных и органических удобрений, что является важным фактором для дальнейшего роста урожайности зерновых культур.

Несмотря на стабильно высокие урожаи зерновых и перспективы их дальнейшего роста в Саратовской области, на сегодняшний день в агропромышленном комплексе региона кластеры не организованы. Основными странами-импортерами продукции мукомольно-крупяной промышленности выступают Монголия, Чехия, Белоруссия и Польша. Экспорт зерновых культур в зарубежные страны производится преимущественно железнодорожным и автомобильным транспортом, а также речным транспортом через отгрузочные терминалы, расположенные на Волге. Перечень предприятий-экспортеров, пунктов отгрузки, посредников, зарубежных покупателей товаров зернопродуктового комплекса Саратовской области достаточно широк.

Таблица 3

Баланс ресурсов и использования зерна (без продуктов переработки) по Саратовской области за 2019–2021 гг.

Table 3. Balance of grain resources and use (without processed products) in the Saratov region for 2019–2021

Показатели	2019 г., тыс. т	2020 г., тыс. т	2021 г., тыс. т	В среднем за 2019–2021 гг.
Ресурсы				
Запасы на начало года	3 561,3	2 863,0	3 469,4	3 297,9
Производство	3 182,2	5 303,5	3 699,9	4 061,9
Ввоз, включая импорт	95,3	108,2	426,4	210,0
Итого ресурсов	6 838,8	8 274,7	7 595,7	7 569,7
Использование ресурсов				
Производственное потребление	757,5	769,0	724,9	750,5
Переработано на муку, крупу, комбикорма и другие цели	430,7	515,6	622,3	522,9
Потери	26,8	35,6	32,8	31,7
Вывоз, включая экспорт	2 757,9	3 482,2	2 727,5	2 989,2
Личное потребление	2,9	2,9	2,9	2,9
Запасы на конец года	2 863,0	3 469,4	3 485,3	3 272,6
Уровень самообеспеченности, %				
–	261,3	400,8	267,5	309,9

Источник³ / Source³

Таблица 4

Виды сельскохозяйственной техники в сельскохозяйственных организациях Саратовской области за 2018–2021 гг.

Table 4. Types of agricultural machinery in agricultural organizations of the Saratov region for 2018–2021

Виды сельскохозяйственной техники	2018 г., шт.	2019 г., шт.	2020 г., шт.	2021 г., шт.	Отклонение 2021 г. от 2018 г., (+; –)	Отклонение 2021 г. от 2018 г., %
Комбайны зерноуборочные	1 926	1 948	1 846	1 930	4	0,2
Комбайны кукурузоуборочные	10	8	9	11	1	10,0
Дождевальные, поливные машины и установки	464	440	474	515	51	11,0
Разбрасыватели твердых минеральных удобрений	160	169	171	218	58	36,3
Машины для внесения в почву твердых органических удобрений	19	18	25	27	8	42,1
Машины для внесения в почву жидких органических удобрений	24	31	29	41	17	70,8

Источник⁴/ Source⁴

Исследования показали, что в части экспорта зерновых большинство аграрных предприятий зернопродуктового подкомплекса Саратовской области занимаются оказанием услуг по хранению и отгрузке зерна, при этом лишь некоторые из них являются еще и производителями. Функционируют также небольшое количество предприятий, которые занимаются лишь производством зерна на экспорт, реализуя продукцию посредникам, осуществляющим хранение и отгрузку как непосредственно в страны-импортеры, так и более крупным организациям-экспортерам (агрохолдингам, группам компаний и т.д.).

Саратовская область имеет исключительно выгодное географическое положение, обусловленное близким расположением основных рынков сбыта Центральной России и Республики Казахстан. Регион расположен на пересечении крупнейших международных транспортных коридоров «Север-Юг» и «Запад-Восток». Территориальное расположение Саратовской области, а также стабильно высокие объемы производства зерновых дают основание для развития экспорта продукции агропромышленного комплекса как инструмента экономического роста.

Развитие механизма экспорта предполагает включение сельскохозяйственных предприятий-производителей зерна в региональный кластер, что позволит увеличить внешнеэкономический оборот также за счет производителей зерна, относящихся к малому бизнесу, расположенных в отдаленных от товаропроводящей инфраструктуры районах. Реализация кластерной политики будет способствовать росту конкурентоспособности каждого участника

за счет расширения возможностей привлечения инвестиций и выхода на международные рынки, снижения транзакционных издержек, организации эффективного взаимодействия на основе появляющегося доступа к инновациям, технологиям, оборудованию, современным методам управления, специализированным услугам и квалифицированным кадрам.

Расчет эффективности кластеризации для предприятия-производителя зерна / Calculation of clustering efficiency for a grain-producing enterprise

Факторами, обуславливающими экономию транзакционных издержек в кластерной структуре, являются: выработка и усвоение внутрикластерных рутин, конвергенция ментальных моделей участников, информационная открытость и повторяющееся взаимодействие, взаимное доверие участников и наработка социального капитала, инвестиции в специфические активы, особые механизмы инфорсменты контрактных обязательств, формирование локальных норм и правил, эффект экономии на масштабе за счет создания особых внутрикластерных структур — центров транзакционных издержек [Соловьев, Капогузов, Чупин, 2018].

Функционирование производителя зерна внутри регионального кластера ведет к минимизации транзакционных издержек за счет сокращения прочих реализационных расходов (командировочных и представительских, связанных с поиском информации о покупателе, проведением переговоров и заключением контракта, расходов на оформление

⁴ Там же.

экспортной документации, сертификации продукции). Соответствующие мероприятия будут осуществляться сотрудниками специализированной организации агропромышленного кластера.

Предлагаемый механизм развития экспорта продукции сельскохозяйственного предприятия основан на включении предприятия-производителя зерна в региональный кластер на основе принципа реализации продукции через транспортно-логистическую составляющую кластера, объединяющую функции сбыта, хранения и отгрузки продукции, представленную элеваторами хранения на местах и экспортными терминалами, на взаимовыгодных, имеющих инвестиционно-инновационную основу условиях сотрудничества, что способствует выходу на новые международные рынки, а также ведет к сокращению транзакционных издержек и повышению конкурентоспособности предприятия в целом. Проведенные исследования показали, что транзакционные издержки, приходящиеся на продукцию растениеводства в сельскохозяйственных предприятиях Саратовской области, в среднем за 2018–2020 гг. составляют 4,2 % от суммы всех затрат. Расчетным путем выявлено, что при оптимизации документооборота и совершенствовании процессов обмена информацией между всеми задействованными субъектами их сумма снижается в 2,8 раза [Лексина, 2018].

Расчет эффективности кластеризации для предприятия-производителя зерна осуществлен на примере экспортно-ориентированного предприятия Саратовской области — общества с ограниченной ответственностью «Адженда» (далее — ООО «Адженда»), расположенного в Балаковском районе и осуществляющего производство и реализацию зерна на внутреннем и внешнем рынках, персонал которого самостоятельно занимается

документальным сопровождением поставок при экспортных сделках. По итогам полученной в 2021 г. выручки в масштабах Саратовской области данное предприятие занимает 539 место, а в категории «Растениеводство» — 48 место. Хозяйство выращивает зерновые, зернобобовые (70,8 %, или 3 960 га посевных площадей в 2020 г.), масличные (27,5 %, или 1 540 га, в основном подсолнечник) культуры. Удельный вес озимой пшеницы в валовом сборе зерновых составляет 61,1 % (42 700 ц), ячменя — 30,1 %, озимой ржи — 2,7 %. Производство зерна является прибыльным, а осуществление экспортной деятельности — привлекательным направлением из-за высокого по сравнению с внутренней продажей уровнем закупочных цен (табл. 5).

Анализ показателей производственно-хозяйственной деятельности ООО «Адженда» свидетельствует о низком уровне рентабельности и неустойчивом финансовом состоянии данного предприятия, несмотря на регулярно получаемую прибыль от реализации продукции и высокий по сравнению с внутренней продажей уровень закупочных цен на зерно. Деятельность организации как участника регионального кластера с учетом всех возможных преимуществ интеграционного образования будет более эффективной. Так, расчеты показали, что сокращение транзакционных издержек на единицу экспортируемого зерна (с 58,0 до 20,7 руб.) составит 64,3 %. Данное снижение себестоимости позволит увеличить прибыль от реализации продукции на 54,2 % (в денежном выражении при среднем объеме реализации это составит 3 720,5 тыс. руб.), уровень рентабельности деятельности при этом возрастет на 2,9 п.п. — с 5,0 % до 7,9 %.

⁵ List-Org. Отчетность организации ООО «Адженда». Режим доступа: <https://www.list-org.com/company/8942/report> (дата обращения: 10.09.2023).

Таблица 5

Расчет приобретенной (упущенной) выгоды при экспорте зерновых культур общества с ограниченной ответственностью «Адженда» Балаковского района Саратовской области

Table 6. Calculation of gained (lost) profits when exporting grain crops Ajenda LLC, Balakovo district, the Saratov region

Показатели (в среднем по Саратовской области)	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Цена реализации единицы продукции, руб.	802,0	997,9	1 148,7
Расчет приобретенной (упущенной) выгоды при экспорте ООО «Адженда»			
Увеличение (снижение) цены при реализации единицы продукции на экспорт, руб.	105,6	45,6	300,0
Увеличение (снижение) цены при реализации единицы продукции на экспорт, %	13,2	4,6	26,1
Приобретенная (упущенная) выгода при реализации продукции на экспорт, тыс. руб.	9 018,0	3 595,6	40 623,1

Источник⁵ / Source⁵

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что создание на территории регионов страны зернопродуктовых кластеров является очевидной необходимостью в условиях современного развития агропромышленного комплекса. Это позволит повысить эффективность производства продукции и ее реализации как на внутренний рынок, так и на экспорт. Объединение усилий сельскохозяйственных, перерабатывающих, торговых организаций, а также научно-исследовательских учреждений при поддержке государства (льготы, субсидии в рамках государственных программ) позволит получить синергетический эффект для всех субъектов кластера.

С целью дальнейшего укрепления интеграционных связей между участниками кластерных объединений требуется совершенствование взаимоотношений между поставщиками и потребителями, между конечными потребителями и производителями и т.д. Также необходима разработка системы методической, информационно-консультационной и образовательной поддержки развития кластеров. Актуальным направлением является координация деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, объединений предпринимателей по реализации кластерной политики.

Заключение / Conclusion

Любое кластерное объединение предполагает группировку субъектов хозяйствования в кооперативно-интеграционные структуры, что способствует оптимизации производственно-технологических процессов. Укрупнение производства и углубление специализации ведет к росту производительности труда, сокращению определенных статей затрат и, как следствие, снижению себестоимости производимой продукции.

В результате проведенного исследования представлен механизм экспорта продукции (зерновых) сельскохозяйственного предприятия с выделением субъектов по стадиям жизненного цикла экспорта в зависимости от способа его осуществления (напря-

мую, через посредника, в качестве участника кластера). Развитие такого механизма предполагает включение предприятия-производителя зерна в региональный кластер на основе принципа реализации продукции через транспортно-логистическую составляющую кластера, представленную элеваторами хранения на местах и экспортными терминалами регионального кластера, на взаимовыгодных условиях сотрудничества, что ведет к сокращению транзакционных издержек и повышению конкурентоспособности предприятия. Транспортно-логическая инфраструктура при этом необходима для обеспечения перемещения продукции внутри кластера и за его пределы с наименьшими материальными затратами и потерями в натуральном выражении.

Выявлено, что выгодное территориальное расположение Саратовской области, уникальные климатические условия, обилие природных ресурсов создают предпосылки для формирования устойчивого зернопродуктового кластера с вовлечением как мелких, так и крупных производителей зерна.

Исследован механизм экспорта зерновых культур сельскохозяйственным предприятием на примере ООО «Адженда» Балаковского района Саратовской области с выделением процессов и участников по стадиям его жизненного цикла в зависимости от способа осуществления. Результаты демонстрируют повышение эффективности деятельности участника интеграции за счет объединения функций сбыта, хранения и отгрузки продукции в транспортно-логистической части кластера и возможностей сотрудничества на инвестиционно-инновационной основе. Прибыль от реализации зерновых выросла на 54,2 %, общей рентабельности деятельности — с 5 до 7,9 %, транзакционные издержки на единицу экспортируемой продукции снизились с 58 до 20,7 руб.

Считаем, что создание региональных кластеров в зернопродуктовом подкомплексе является актуальным вектором развития сельского хозяйства в стране, поскольку данная деятельность расширяет возможности для роста результативности и финансовой устойчивости для всех его субъектов.

Список литературы

Аварский Н.Д., Федотенкова О.А., Проняева Л.И., Романенко Р.Г. Развитие вертикально-интегрированных маркетинговых систем в структуре зернопродуктового кластера. Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2017;3(32):61–74.

Генералов И.Г., Суслов С.А. Развитие внутрирегионального производственного зернового кластера. Аграрный вестник Урала. 2019;12(191):65–72. <https://doi.org/10.32417/1997-4868-2019-191-12-65-72>

References

Avarskiy N.D., Fedotenkova O.A., Pronyayeva L.I., Romanenko R.G. Vertically integrated marketing systems development in the structure of grain product cluster. Economy, labor, management in agriculture. 2017;3(32):61–74. (In Russian).

Generalov I.G., Suslov S.A. Development of an intra-regional production grain cluster. Agrarian Bulletin of the Urals. 2019;12(191):65–72. <https://doi.org/10.32417/1997-4868-2019-191-12-65-72> (In Russian).

- Гусаков Е.В. Принципы и эффективность организационно-экономического механизма кластерной организации АПК. Наука и инновации. 2021;8(222):55–60. <https://doi.org/10.29235/1818-9857-2021-8-55-60>
- Зайцев А.Г., Полторыхина С.В. Агропромышленные кластеры как источник инновационного развития: стратегия и институты. Вестник аграрной науки. 2021;2(89):113–118. <https://doi.org/10.17238/issn2587-666X.2021.2.113>
- Колмаков В.В., Полякова А.Г., Карпова С.В., Головина А.Н. Развитие кластеров на основе конкурентной специализации регионов. Экономика региона. 2019;1(15):270–284. <https://doi.org/10.17059/2019-1-21>
- Лексина А.А. Метод рационализации хозяйственного взаимодействия на агропроизводственном рынке. Экономика сельского хозяйства России. 2018;7:15–20. <https://doi.org/10.32651/2070-0288-2018-7-15-20>
- Новиков И.С., Сердобинцев Д.В., Козлов О.В. Системное развитие интеграционных и кооперационных процессов агропромышленного комплекса Саратовской области. Известия сельскохозяйственной науки Тавриды. 2018;15(178):189–204.
- Пустынникова Е.В., Ускова Е.О. Формирование конкурентных преимуществ корпоративных структур на основе интеграции кластерного типа. Экономика региона. 2017;2(3):500–510. <https://doi.org/10.17059/2017-2-15>
- Соловьев Ю.В., Капозузов Е.А., Чупин Р.И. Трансакционные издержки в кластерном взаимодействии. Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2018;3(63):68–77. <https://doi.org/10.25513/1812-3988.2018.3.68-77>
- Сучкова Н.Р., Крючков Г.Г. Анализ современного состояния инфраструктуры агропроизводственного рынка зерна. Научное обозрение: теория и практика. 2017;6:44–52.
- Сучкова Н.Р. Механизм формирования организационно-управленческих связей в организациях АПК в условиях системной интеграции. Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2022;6(88):98–105. <https://doi.org/10.33938/226-98>
- Vertakova Yu., Risin I. Clustering of socio-economic space: theoretical approaches and Russian experience. Procedia Econ. and Finance. 2015;27:538–547.
- Gusakov E.V. Principles and effectiveness of the organizational and economic mechanism of the cluster organization of the agroindustrial complex. Science and Innovations. 2021;8(222):55–60. <https://doi.org/10.29235/1818-9857-2021-8-55-60> (In Russian).
- Kolmakov V.V., Polyakova A.G., Karpova S.V., Golovina A.N. Development of clusters based on the competitive specialization of regions. Economy of Regions. 2019;1(15):270–284. <https://doi.org/10.17059/2019-1-21> (In Russian).
- Leksina A.A. Method of rationalization of economic interaction in the agroproduction market. Economics of Agriculture of Russia. 2018;7:15–20. <https://doi.org/10.32651/2070-0288-2018-7-15-20> (In Russian).
- Novikov I.S., Serdobintsev D.V., Kozlov O.V. Systematic development of integration and cooperative processes of agroindustrial complex of Saratov region. Transactions of Taurida Agricultural Science. 2018;15(178):189–204. (In Russian).
- Pustynnikova E.V., Uskova E.O. The formation of competitive advantages for corporate structures based on the cluster integration. Economy of Regions. 2017;2(3):500–510. <https://doi.org/10.17059/2017-2-15> (In Russian).
- Solovyov Yu.V., Kapoguzov E.A., Chupin R.I. Transaction costs in a cluster interaction. Herald of Omsk University. Series “Economics”. 2018;3(63):68–77. <https://doi.org/10.25513/1812-3988.2018.3.68-77> (In Russian).
- Suchkova N.R., Kryuchkov G.G. Analysis of the current state of the infrastructure of the agro-productive grain market. Scientific Review: Theory and Practice. no. 6, pp. 44–52. (In Russian).
- Suchkova N.R. The mechanism of formation of organizational and managerial relations at agricultural enterprises in the context of system integration. Economy, labor, management in agriculture. 2022;6(88):98–105. <https://doi.org/10.33938/226-98> (In Russian).
- Vertakova Yu., Risin I. Clustering of socio-economic space: theoretical approaches and Russian experience. Procedia Econ. and Finance. 2015;27:538–547.
- Zaitsev A.G., Poltorykhina S.V. Agro-industrial clusters as a source of innovative development: Strategy and institutions. Bulletin of Agrarian Science. 2021;2(89):113–118. <https://doi.org/10.17238/issn2587-666X.2021.2.113> (In Russian).

УДК 631.15; 332.3
Получено: 04.10.2023

JEL Q15
Статья доработана после рецензирования: 06.11.2023

DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-90-99>
Принято: 13.11.2023

Экономическое поведение субъектов рынка земель сельскохозяйственного назначения

Трофимова Валентина Ивановна

Канд. с.-х. наук, ст. науч. сотр.
ORCID: 0000-0003-3765-2320, e-mail: nii_apk_sar@mail.ru

Поволжский научно-исследовательский институт экономики и организации агропромышленного комплекса – обособленное структурное подразделение Саратовского научного центра Российской академии наук, 410010, ул. имени А.П. Шехурдина, 12, г. Саратов, Россия

Аннотация

Цель работы – построение моделей экономического поведения субъектов на рынке земель сельскохозяйственного назначения. Формирование в аграрной сфере рационального землепользования свидетельствует о влиянии институциональных факторов – мотивов и интересов собственников земель, которые позволяют обеспечить распределение земель, включенных в рыночный оборот, между наиболее эффективными пользователями. Предложена структурная схема мотивов поведения субъектов рынка земель сельскохозяйственного назначения. Мотивы продавцов на рынке земель заключаются в оптимизации доходов, что достигается повышением привлекательности участка. Покупатели руководствуются мотивами владения, пользования и распоряжения землей путем приобретения земельного участка. Продавцами и покупателями земельных участков являются физические и юридические лица. В продаже земли участвуют сельскохозяйственные организации, индивидуальные предприниматели, крестьянские (фермерские) хозяйства, личные подсобные хозяйства и граждане (сельское население). Покупателями на рынке выступают: собственник, землепользователь, землевладелец и арендатор. Систематизированы функции продавцов и покупателей, которые учитывают цель и действие акторов. Представлены и разработаны деструктивная и рациональная модели экономического поведения субъектов на рынке земель сельскохозяйственного назначения. Применение деструктивной модели связано с негативными последствиями, характеризующимися выводом земель из хозяйственного оборота, изменением целевого назначения и переводом земель в другую категорию. Рациональная модель включает нахождение оптимальной альтернативы в условиях набора ограничений и предусматривает высокий уровень интеллекта и знаний человека для принятия правильных решений. Факторами данной модели служат координация институтов земельной собственности и создание правовой базы. Для нее характерно жесткое административно-правовое регулирование, что способствует искоренению теневизации в земельных отношениях. Область применения разработанной рациональной модели экономического поведения субъектов рынка земель сельскохозяйственного назначения – научные организации, органы управления агропромышленным комплексом на региональном и муниципальном уровнях, сельхозтоваропроизводители.

Ключевые слова: рынок земель, сельское хозяйство, мотив, экономическое поведение, продавец, покупатель, деструктивная модель, рациональная модель

Для цитирования: Трофимова В.И. Экономическое поведение субъектов рынка земель сельскохозяйственного назначения // Управление. 2023. Т. 11. № 4. С. 90–99. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-90-99

Received: 04.10.2023

Revised: 06.11.2023

Accepted: 13.11.2023

Economic behavior of agricultural land market subjects

Valentina I. Trofimova

Cand. Sci. (Agric.), Senior Researcher
ORCID: 0000-0003-3765-2320, e-mail: nii_apk_sar@mail.ru

Povolzhskiy Scientific Research Institute of Economic and Organization of Agroindustrial Complex – Subdivision
of the Saratov Federal Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
12, A.P. Shekhurdin ul., Saratov 410010, Russia

Abstract

The purpose of the study is to build the agricultural land market subjects' economic behavior models. The formation of rational land use in the agrarian sphere indicates influence of institutional factors – motives and interests of land owners that allow to ensure land distribution included in the market turnover between the most efficient users. The structural scheme of the agricultural land market subjects' behavior motives has been proposed. The motives of sellers in the land market are to optimize income that is achieved by increasing a land plot attractiveness. Buyers are guided by the possession motives, use and disposal of land by acquiring a land plot. Sellers and buyers of land plots are individuals and legal entities. Agricultural organizations, individual entrepreneurs, farms, personal subsidiary plots, and citizens (rural population) participate in land sailing. Buyers in the market are owner, land user, landowner, and tenant. The functions of sellers and buyers have been systematized considering the purpose and action of the actors. Destructive and rational models of the agricultural land market actors' economic behavior have been presented and developed. The application of the destructive model is associated with negative consequences characterized by land withdrawal from economic turnover, change of its intended purpose, and land transfer to another category. The rational model includes finding an optimal alternative under a set of constraints and provides for a high level of human intelligence and knowledge to make right decisions. Factors of this model are coordination of land ownership institutions and creation of a legal framework. It is characterized by strict administrative and legal regulation that contributes to eradication of shadowing in land relations. The area of application of the developed rational model of the agricultural land market subjects' economic behavior is scientific organizations, agro-industrial complex management bodies at the regional and municipal levels, and agricultural producers.

Keywords: land market, agriculture, motive, economic behavior, seller, buyer, destructive model, rational model

For citation: Trofimova V.I. (2023). Economic behavior of agricultural land market subjects. *Upravlenie / Management (Russia)*, 11 (4), pp. 90–99. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-90-99

Введение / Introduction

Земельная реформа начала 1990-х гг. характеризуется созданием формальных институтов. С точки зрения институционализма рынок земли определяется как взаимодействие и набор социальных институтов, что обусловлено активным вмешательством органов государственного и муниципального управления во взаимоотношения между субъектами земельных отношений, происходящих при перераспределении, продаже, обмене земельных участков [Oganesyanyan, Fedynina, 2020].

Земельный рынок представляет собой часть земельного оборота с установлением, изменением и прекращением прав на земельный участок в рамках юридически оформленного договора, что может происходить опосредованно путем денежного или натурального платежа и охватывает такие сделки, как купля-продажа [Крылатых, 1997].

Рыночное предложение земель сельскохозяйственного назначения носит сравнительно ограниченный характер, обусловленный действием институциональных норм и правил, а также мотивацией граждан-собственников земли, которая направлена на сохранение ее ценности и получения ренты. В результате проведения земельной реформы создана нормативно-правовая база функционирования рынка земли, который выступает одним из основных элементов земельных отношений. По мнению Д.С. Норта, сам рынок как институт в ходе купли-продажи регулирует интересы экономических агентов [Норт, 1997]. Земля выполняет важную роль в различных отраслях экономики, а для аграрного сектора она является главным средством производства, что в свою очередь позволяет достичь основной цели сельскохозяйственного производства — обеспечения продовольственной безопасности страны.

В Российской Федерации (далее — РФ, Россия) в 2021 г. земельный фонд насчитывал более 1,7 млрд гектар. Из них на долю земель сельскохозяйственного назначения приходилось 22 %. По состоянию на 1 января 2022 г. земельный фонд Саратовской области (зона проведения исследования) составлял 10 124 тыс. гектар. Земли сельскохозяйственного назначения в регионе насчитывают 8 649,4 тыс. гектар, или около 86 % от общей площади¹.

Значительную часть земель в регионе, которые предлагаются к продаже, составляют земли, относящиеся по своему целевому назначению к землям

поселений и землям сельскохозяйственного назначения и предназначены для ведения сельскохозяйственных работ, личного подсобного хозяйства и других видов деятельности. В структуре предложений земельных участков региона на земли сельскохозяйственного назначения приходится 18,6 %, а на земли населенных пунктов — 80,1 % от общего количества.

Вследствие неразвитости земельного рынка и ряда ограничений на всех уровнях административной власти цены на земельные участки не полностью отражают соотношение спроса и предложения. На цену земли влияют такие факторы, как макроэкономическая ситуация в регионе, удаленность от основной инфраструктуры, местоположение, рельеф, экология и др. Цена земельного участка, находящегося в частной собственности, может быть определена путем согласованного решения продавца и покупателя, а также специалистом-оценщиком или посредством торгов (если собственник участка намерен продать его на торгах).

Важной особенностью рынка земли как в стране, так и в регионе, является то, что физические лица, собственники земли, не знают не только рыночную стоимость своей земли, но и кадастровую цену. Эта особенность земельного рынка приводит к недоучтенному количеству земли на рынке.

По данным рынка за 2020 г., стоимость земельных участков варьируется в больших пределах. Цена участков для сельскохозяйственного использования составляет от 1,54 до 5,00 руб. за квадратный метр, а для садоводства, огородничества, малой жилой застройки — от 568,89 до 4183,67 руб. за квадратный метр. Следует отметить, что в некоторых районах области рынок земельных участков практически не развит, не было представлено ни одного предложения для продажи².

Правовое регулирование отношений в области оборота земельных участков осуществляется Конституцией РФ³, Земельным кодексом РФ⁴, Федеральным законом «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»⁵ и другими нормативно-правовыми актами.

² Центр государственной кадастровой оценки. Государственное бюджетное учреждение Саратовской области. Режим доступа: <https://sgko64.ru> (дата обращения: 01.10.2023).

³ Российская Федерация. Конституция Российской Федерации (с изменениями на 14 марта 2020 года). Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/9004937?marker=64U0IK/> (дата обращения: 01.10.2023).

⁴ Российская Федерация. Земельный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 16 февраля 2022 года). Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/74410000> (дата обращения: 01.10.2023).

⁵ Российская Федерация. Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (с изменениями на 30 декабря 2021 года). Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901821169> (дата обращения: 01.10.2023).

¹ Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и географии. Управление Росреестра по Саратовской области. Режим доступа: <https://rosreestr.gov.ru/about/struct/territorialnye-organy/upravlenie-rosreestra-po-saratovskoy-oblasti/> (дата обращения: 01.10.2023).

Обзор методов и методологии исследования / Research, methods and methodology review

Процесс становления полноценного оптимально функционирующего рынка земли как в целом по стране, так и во многих регионах, идет медленно, особенно это касается рынка земель сельскохозяйственного назначения. Этому способствует слабый спрос на земли данной категории, что выражается в резких колебаниях цен на одинаковые земельные участки, а также зависимости рыночной конъюнктуры и ценообразования от ряда факторов и условий. Основными здесь являются отсутствие общепринятой методики расчета рыночной цены земельного участка, а также непринятие законов в ряде регионов, регулирующих оборот земель сельскохозяйственного назначения.

Функционирование рынка земель сельскохозяйственного назначения связано с получением доходов, что является основным условием существования самих рыночных отношений, а также перераспределением земли между ее собственниками и пользователями, что играет важную роль в установлении цены на землю при взаимодействии спроса и предложения на нее. При этом не следует ставить получение наибольших доходов самоцелью, так как при нерациональном использовании земли это может привести ее к истощению и деградации.

В настоящее время перед научным сообществом стоят задачи формирования эффективного рынка земель сельскохозяйственного назначения, для чего необходимо поддержание баланса интересов государства, общества и субъектов рыночных отношений [Zavorotin, Gordopolova, Tiurina, 2021; Urkova, Golubeva, Trofimova, Providonova, 2019].

В рыночном земельном обороте государство выполняет ряд функций: является участником земельного рынка как крупный собственник и может выступать в качестве продавца и покупателя земли; контролирует деятельность институтов земельного рынка; регулирует рынок — как законодатель (регистрации прав и сделок); при распределении земли выступает гарантом социальных условий и т.д. Особая роль государства состоит в охране земель сельскохозяйственного назначения от нерационального их использования, что отражено в Федеральном законе «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения».

Экономическое поведение на рынке земель характеризуется различными выгодами за действия, связанные с использованием и перераспределением экономических ресурсов. Многообразие систем норм

и правил, отражающих рыночные элементы, является обязательным или желательным для экономических субъектов. Комплекс норм и правил экономического поведения может быть очень развит в одних случаях — в специальных законодательных актах, в других — не регламентируется актами государственного регулирования, а только отражается в обыденном естественном праве, социальных привычках или стереотипах [Oganesyan, Fedyunina, Vorobev, 2021].

Экономическое поведение отдельного человека или группы людей на рынке земель сельскохозяйственного назначения определяет спрос. Продавцу необходимо заранее и своевременно предугадать объем спроса, определить основные причины, которые могут повлиять на него.

В работах ряда зарубежных экономистов, социологов и философов рассматривается экономическое поведение [Джевонс, 1905; Смит, 2007; Хикс, 1993]. Среди отечественных ученых данными проблемами занимались А.А. Аузан, Г.Б. Клейнер, В.М. Полтерович и др. [Аузан, 2011; Клейнер, 2004; Полтерович, 2001]. Значительную роль в исследованиях экономического поведения индивида сыграла научная работа А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», где он говорил, что каждый человек лучше других знает свои интересы и вправе свободно им следовать: «... не от благожелательности мясника, повара и булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов» [Смит, 2007]. Автор указывает, что индивидами движут два природных мотива: своекорыстный интерес и стремление к обмену.

Теория ограниченной рациональности нашла отражение в разработках Г.А. Саймона [Саймон, 1999]. Морально-этические нормы поведения людей как фактор, определяющий их экономическое поведение, были проанализированы в работах ряда исследователей [Норт, 1997; Уильямсон, 1993; Хайек, 2020]. Рациональность формируется благодаря не только индивидуальному человеческому разуму, но и возникновению социальных институтов и правил поведения, которые расширяют его возможности. Речь идет об институтах частной собственности и рыночного обмена. Все это в целом составляет рациональное экономическое поведение [Хайек, 2020].

В экономической теории существуют три основные формы рациональности: максимизация, ограниченная рациональность и органическая рациональность. Первая заключается в выборе лучшего варианта из всех имеющихся альтернатив; вторая является полусильной формой рациональности, при которой субъекты стремятся действовать рационально,

но это происходит только в ограниченной степени; третья форма — органическая, или слабая, рациональность действия, процессы которой связаны с институтами денег, рынков, прав собственности и др. Современный экономический человек характеризуется максимизацией своей целевой функции, что можно определить как экономическую рациональность.

По мнению В.С. Автономова, экономический человек находится в такой ситуации, когда количество доступных ему ресурсов ограничено и для реализации своих потребностей он вынужден делать выбор, который обусловлен такими факторами, как предпочтения и ограничения [Автономов, 1998]. Первые характеризуют субъективные потребности и желания человека, а вторые — его объективные возможности. Предпочтения наиболее устойчивы, нежели ограничения, поэтому в экономической науке их определяют как постоянные. Однако предполагается, что предпочтения хозяйственных субъектов могут меняться медленнее, чем ограничения.

Экономическое поведение субъекта в классической и неоклассической экономической теории рассматривается как полностью рациональное, осуществляющееся в условиях полноты информации и нацеленное на максимизацию прибыли. Рациональное экономическое поведение характеризует поведение участников экономических отношений направлен на получение наивысших результатов в условиях имеющихся ограничений [Фахрутдинова, 2019].

При формировании структурной схемы мотивов поведения субъектов рынка земель сельскохозяйственного назначения применялся аналитический подход. В совокупности с монографическим методом для построения моделей экономического поведения был использован абстрактно-логический метод научного познания. В качестве методологической основы исследования использованы научные и практические труды российских и зарубежных ученых в сфере аграрной экономики. Источниками информации послужили нормативно-правовые акты, интернет-ресурсы.

Особенности рынка земли / Features of the land market

Рынок земли является важным сегментом рыночной экономики и обеспечивает реализацию отношений между его субъектами. Прежде всего он понимается как система норм и правил поведения, что делает возможным (или невозможным) эффективный обмен экономическими ресурсами между агентами рынка. В качестве субъектов рассматриваются покупатели и продавцы, арендаторы и арендодатели. В настоящем исследовании для анализа рынка земель

мы воспользовались моделью рационального максимизатора. Данная модель состоит из трех звеньев. Первое — это функция целей: любой труд является целеустремленным, так как постановка целей осуществляется до начала исполнения функции. Каждый человек старается максимизировать свою полезность и наиболее эффективно удовлетворять свои материальные нужды. Второе — качество информации внешней среды и ее полнота. Третье — умственный потенциал человека: качество памяти и расстановка приоритетов по потребностям, умение предугадывать результаты управленческих решений и выбор оптимального варианта. Все три звена в совокупности составляют модель разумного и рационального поведения человека [Автономов, 1998].

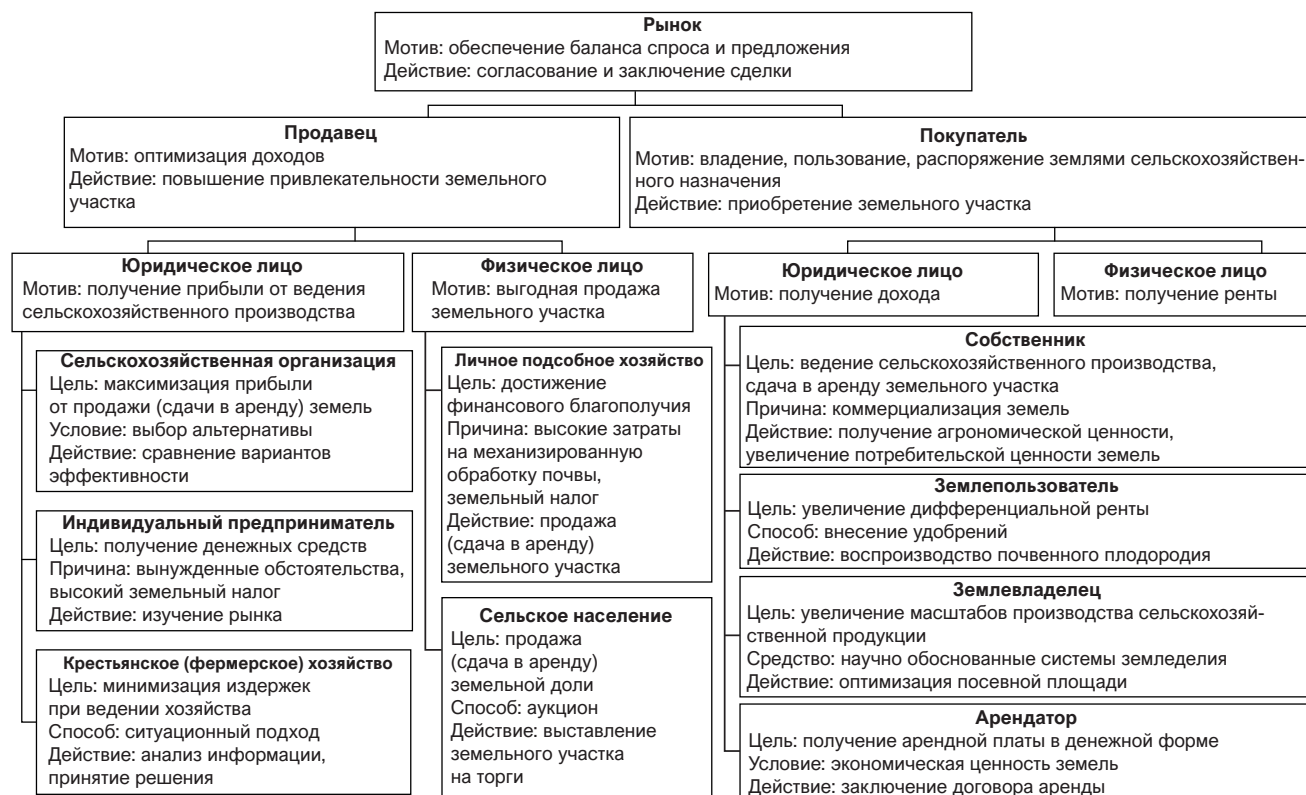
Путем изучения, анализа и сопоставления данных параметров была разработана структурная схема поведения субъектов на рынке земель сельскохозяйственного назначения (рис. 1). Рынок рассматривается с позиции внутренних мотивов и действий самих субъектов. В рыночных отношениях принимают участие продавцы и покупатели, которыми могут быть физические и юридические лица.

Рыночное предложение земельных участков носит относительно ограниченный характер, обусловленный мотивацией граждан-собственников земли, которая направлена на сохранение ценности и получение ренты. Следует указать, что спрос неэластичен по цене ввиду слабых ценовых сигналов, однако эластичен по доходу. Данное явление обусловлено тем, что на рынке земель сельскохозяйственного назначения присутствует большое количество продавцов и ограниченное число покупателей, поэтому рыночная цена исходит со стороны покупателя.

Юридическими лицами в качестве продавцов земельных участков выступают сельскохозяйственные организации, индивидуальные предприниматели и крестьянские (фермерские) хозяйства. К физическим лицам-продавцам относится сельское население и личное подсобное хозяйство. Основной мотив как для одних, так и для других представителей, — это получение прибыли за счет ведения сельскохозяйственного производства и выгодной продажи земли.

Юридическое лицо, являющееся продавцом земельного участка, ставит перед собой цель добиться при минимальных издержках получения максимальной выгоды, что достигается за счет изучения рынка, сбора наиболее полной информации, сравнения и выбора альтернативных вариантов. Физические лица за счет продажи или сдачи в аренду земельной доли планируют получение финансового благополучия.

Договор купли-продажи земельного участка оформляется в письменном виде путем составления

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 1. Структурная схема мотивов поведения субъектов рынка земель сельскохозяйственного назначения

Fig. 1. Structural scheme of agricultural land market subjects' behavioral motives

одного документа, подписанного двумя сторонами. Он не может заключаться через обмен информацией по почте, факсу и другими средствами во избежание его недействительности.

Рынок земельных участков предусматривает не только продажу, но и покупку. Покупателями являются физические и юридические лица, которые руководствуются мотивом владения, распоряжения и пользования землей. У юридических лиц основной мотив — получение дохода, у физических — получение ренты.

Покупателями земельных участков могут быть собственник, землепользователь, землевладелец и арендатор. Приобретая участок, собственник намерен заниматься сельскохозяйственным производством для личных целей и по возможности сдавать его в аренду. Основное действие здесь — увеличение потребительской ценности земли. Производить вложения в земельный участок ему выгодно из-за низкой стоимости.

Для увеличения дифференциальной ренты землепользователь на своем земельном участке применяет органические и минеральные удобрения, способствующие улучшению почвенного плодородия, следовательно, и повышению продуктивности пашни. Землевладелец при покупке участка планирует расшире-

ние производства продукции за счет рациональных севооборотов, включая оптимальное соотношение выращиваемых культур с соблюдением экологических требований при их возделывании. При покупке земельного участка целью арендатора является получение арендной платы в денежной форме. Основное условие — земля должна быть высокого качества, к чему он и стремится при заключении договора.

Представленная структурная схема послужила основанием для разработки моделей экономического поведения субъектов рынка земель сельскохозяйственного назначения.

Модели экономического поведения субъектов рынка земель сельскохозяйственного назначения / Models of agricultural land market subjects' economic behavior

В исследовании были представлены две модели экономического поведения на рынке земель сельскохозяйственного назначения: деструктивная и рациональная (табл. 1). Деструктивная модель поведения вызывает у большинства людей негативную, отрицательную оценку, не соответствует социальным нормам.

Таблица 1

Модели экономического поведения субъектов рынка земель сельскохозяйственного назначения

Table 1. Models of agricultural land market subjects' economic behavior

Детерминант	Модель экономического поведения	
	деструктивная	предлагаемая (рациональная)
Особенности	• применение институционально запрещенных методов, форм, средств; • выполнение преднамеренно безответственных действий; • неравномерное распределение информации; • проведение заведомо ложных торгов и сделок; • причинение экономического и экологического ущерба	• соблюдение нормативно-правовых условий приобретения земель в собственность; • раскрытие преступлений корыстной направленности (манипуляций, фальсификаций с документами); • предоставление своевременной и достоверной информации о рынке земель; • честность, прозрачность сделок и торгов; • поддержание почвенного плодородия (выполнение научно обоснованных агротехнических мероприятий)
Факторы	• институциональные ловушки; • несовершенная система государственных мер и контроля; • индивидуализм субъектов рынка	• координация институтов земельной собственности и процессов на земельном рынке; • создание экономических и правовых основ для эффективного и рационального поведения на рынке земель сельскохозяйственного назначения; • осуществление судебной защиты имущественных интересов юридических и физических лиц
Действия	• незаконное увеличение дохода; • игнорирование интересов другой стороны; • навязывание невыгодных условий; • составление неравноправных договоров; • спекуляция; • риск	• искоренение теневизации земельных отношений; • жесткое административно-правовое регулирование; • наделение региональных управлений дополнительным правом самостоятельного решения вопросов перевода земель из одной категории в другую; • нейтрализация рисков и последствий от нанесения ущерба; • мониторинг эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения
Последствия	• вывод земель из оборота; • ухудшение состояния сельскохозяйственных угодий; • увеличение транзакционных издержек, затрат на защиту от оппортунистического поведения, охрану земель; • изменение рыночной и кадастровой цены земельных участков; • усиление негативных сторон крупных земельных владений	• обеспечение достаточно высокого уровня развития экономики в сфере земельных отношений; • установление институциональных норм и правил на рынке земель; • размещение открытых официальных данных о сделках с земельными долями; • справедливое оценивание земельного участка; • содействие крупным земельным владениям в создании рабочих мест и снижении оттока сельского населения

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Следует отметить, что деструктивное поведение продавцов и покупателей отражает плохую адаптацию к внутренним и внешним условиям.

Данная модель экономического поведения субъектов земельного рынка обладает рядом особенностей:

1) ориентированность на получение (максимизацию) дохода посредством использования запрещенных методов, форм и средств;

2) рассогласованность хозяйственной деятельности с принятыми нормами, правилами и механизмами;

3) безответственность сельскохозяйственного землепользования;

4) преднамеренность действий;

5) ситуативность поведения в нестандартных условиях;

6) асимметричность информации о состоянии рынка;

7) фиктивность проведения аукционов, осуществление сделок купли-продажи по предварительной договоренности;

8) возможность причинения ущерба.

К факторам, провоцирующим деструктивное поведение, относятся: наличие неэффективных институтов, ловушек (бюрократия, коррупция), ситуативная аномалия (спекуляция, махинации), либерализация мер социального воздействия, слабая реализация государственных мер (отсутствие штрафов, системы наказания), низкий уровень контроля, неразвитость информационной подсистемы рынка, индивидуализм и оппортунизм акторов, агентов. Основой деструктивного поведения являются мотивы. К деструктивным действиям акторов, агентов относятся: достижение цели любым путем, удовлетворение потребностей в самореализации и самоутверждении, мошенничество (явные); сокрытие некоторых данных или всей информации, неопределенность условий контракта, несовпадение экономических интересов, рисковые сделки (неявные).

При рассмотрении деструктивного экономического поведения субъектов рынка земель сельскохозяйственного назначения

хозяйственного назначения можно выделить следующие его виды:

- 1) предоставление поддельных документов, дубликатов договора и свидетельств о регистрации собственности (документальный обман, мошенничество при продаже, фальсификация при покупке);
- 2) сознательное искажение информации о границах и расположении земельного участка, результатах топографической или иной съемки;
- 3) рыночное манипулирование ценами, превышение кадастровой стоимости;
- 4) скрытые коммуникации;
- 5) незаконная сдача земель в аренду, обработка не принадлежащих организации сельскохозяйственных угодий;
- 6) злоупотребление доверием собственников земель (продажа собственности до вступления в права наследства, присвоение земельных долей пожилых людей).

Применение деструктивных моделей поведения характеризуется следующими последствиями: вывод земель из хозяйственного оборота, бессистемное использование и деградация земель, изменение целевого назначения и перевод земель в другую категорию, появление брошенных земель, увеличение издержек, стоимости земли, возникновение агрохолдингов, превышение властных полномочий и др.

При решении земельного вопроса в стране одной из значимых проблем является латифундизм, или крупные земельные владения [Новиков, Андрескус, Сабурова, 2012]. Они отмечают, что агрохолдинги расширяют монополию на земли сельскохозяйственного назначения, препятствуют оказанию поддержки, участвуют в незаконном отчуждении земельной собственности.

Также актуальна проблема спекуляции земельными участками. Спекуляция землей в основном связана с рискованными покупками либо с недостатком информации или нестабильной ситуацией. Недобросовестные покупатели приобретают плодородные сельскохозяйственные угодья с целью дальнейшей перепродажи по более высокой цене, выводя землю из хозяйственного оборота. Скупка и оформление земельных паев создают условия для развития коррупции и махинаций, главной причиной которых являются закрытость и непрозрачность сделок.

В сфере земельных отношений наиболее характерными схемами правонарушений являются взяточничество и превышение служебных полномочий при формировании и дальнейшем распоряжении земельными участками. Сюда можно отнести перевод земель из одной категории в другую, их нецелевое использование, предоставление участков в нарушение

норм действующего законодательства (торги без объявления конкурса).

Деструктивное поведение собственников, землепользователей, землевладельцев обнаруживается при сборе сведений об использовании угодий. Некоторые сельскохозяйственные предприятия производят продукцию растениеводства на неоформленных участках, при этом избегают уплаты земельного налога и нарушают соблюдение прав других собственников и землевладельцев.

В противовес деструктивной модели нами разработана рациональная модель экономического поведения на рынке земель сельскохозяйственного назначения, которая имеет свои преимущества (табл. 1). Человеку свойственно то, что он способен принимать верные решения в предложенных ему условиях. В экономических отношениях действия индивидуума обладают рациональностью, что характеризуется высоким уровнем его интеллекта, большими знаниями и осведомленностью о показателях выбора альтернативных вариантов в условиях совершенной конкуренции. Стремление человека к максимальной выгоде для удовлетворения своих потребностей при минимальных затратах в рамках ограниченных ресурсов характеризует рациональное экономическое поведение.

Рациональное экономическое поведение характерно пониманию человека, стремящегося к достижению личной выгоды, где главным мотивом его поведения является собственный интерес. Для рациональной модели экономического поведения необходимы такие факторы, как постановка цели, средства ее достижения и информация о действиях и процессах, благодаря которым средства ведут к достижению намеченной цели.

Модели рационального экономического поведения носят достаточно абстрактный характер и описывают поведение человека или организации с разными ресурсами в различных экономических ситуациях. За основу могут быть взяты мотивация, наличие частной собственности, образование и другие факторы, которые используются для получения выгоды.

Особенностями данной модели применительно к рынку земли являются соблюдение нормативно-правовых условий приобретения земель в собственность; предоставление своевременной информации о земельном рынке; честность и прозрачность сделок и контрактов. Факторами для рациональной модели служат координация институтов земельной собственности и создание экономических и правовых основ для эффективного и рационального поведения на рынке земель сельскохозяйственного назначения.

Предлагаемая модель экономического поведения предусматривает жесткое административно-правовое регулирование, которое будет способствовать искоренению теневизации в земельных отношениях и нейтрализации рисков и последствий от нанесения ущерба, а также позволит осуществлять мониторинг за использованием земель сельскохозяйственного назначения.

Рациональная модель экономического поведения дает основание для установления институциональных норм и правил на рынке земель, что может обеспечить высокий уровень развития экономики в сфере земельных отношений.

Заключение / Conclusion

Экономическое поведение связано с рациональным выбором экономических альтернатив и принятием правильных решений путем достижения максимальной выгоды при минимальных затратах. Предложенная структурная схема поведения субъектов рынка земель сельскохозяйственного назначения рассматривается как результат мотивов, которыми руководствуются юридические и физические лица при покупке или продаже земельных участков. Их мотивы заключаются в получении прибыли, дохода, ренты. При покупке и продаже земли каж-

дый из участников ставит перед собой определенную цель. Для продавцов характерна максимизация прибыли при минимальных издержках, что достигается путем получения и анализа информации и выбора альтернативных вариантов. Покупатели заинтересованы в увеличении потребительской ценности земли и масштабов производства продукции, а также в повышении дифференциальной ренты и получении арендной платы.

Представленные модели экономического поведения на рынке земель сельскохозяйственного назначения позволяют выявить их преимущества и недостатки. В большинстве регионов РФ наблюдается деструктивная модель, которая характеризуется наличием неэффективных институтов, ловушек, ситуативной аномалии, а также неразвитостью информационной подсистемы рынка. В свою очередь, разработанная рациональная модель экономического поведения предусматривает координацию институтов земельной собственности и процессов, происходящих на рынке земель сельскохозяйственного назначения, и характеризуется жестким административным регулированием и установлением институциональных норм и правил.

Список литературы

- Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа; 1998. 230 с.
- Аузан А.А. Институциональная экономика для чайников. М.: Фэшн Пресс; 2011. 127 с.
- Джевонс У.С. Политическая экономия. СПб.: Народная польза; 1905. 121 с.
- Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука; 2004. 240 с.
- Крылатых Э.Н. Становление и развитие системы регулирования земельных отношений. Проблемы прогнозирования. 1997;1.
- Новиков А.И., Андреев Е.А., Сабурова А.А. Актуальные вопросы земельной собственности в России. Теоретическая экономика. 2012;6:80–91.
- Норт Д.С. Институциональные изменения: рамки анализа. Вопросы экономики. 1997;3:6–17.
- Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов. Экономическая наука современной России. 2001;3:24–50.
- Саймон Г.А. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении. Т.1. СПб.: Экономическая школа; 1999. 283 с.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо; 2007. 960 с.

References

- Autonomov V.S. Human model in economic science. St. Petersburg: Economic School; 1998. 230 p. (In Russian).
- Auzan A.A. Institutional Economics for Dummies. Moscow: Fashion Press; 2011. 127 p. (In Russian).
- Fakhrutdinova A.Z. Models of rationality in the bases of the theory of decision-making. Philosophy of Science and Technology. 2019;1(24):131–144. <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2019-24-1-131-144> (In Russian).
- Fedyunina E.N., Oganessian L.O. Concept of minimization of transaction costs of functioning of the dual market of agricultural land. St. Petersburg University Journal of Economic Studies. 2021;4(37):628–655. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2021.405> (In Russian).
- Hayek F. Individualism and economic order. Chelyabinsk: Sotsum; 2020. 424 p. (In Russian).
- Jevons W.S. Political economy. St. Petersburg: Narodnaya polza; 1905. 121 p. (In Russian).
- Kleiner G.B. Evolution of institutional systems. Moscow: Nauka; 2004. 240 p. (In Russian).
- Krylatykh E.N. Becoming and development of the system of land relations regulation. Problemy prognozirovaniya. 1997;1. (In Russian).

Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного анализа. THESIS. 1993;3(1):39–49.

Фахрутдинова А.З. Модели рациональности в основаниях теории принятия решений. *Философия науки и техники*. 2019;1(24):131–144. <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2019-24-1-131-144>

Федюнина Е.Н., Оганесян Л.О. Концепция минимизации трансакционных издержек функционирования дуального рынка сельскохозяйственных земель. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2021;4(37):628–655. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2021.405>

Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум; 2020. 424 с.

Oganesyan L.O., Fedyunina E.N. Institutionalization of Land Property Titles' Market as a Factor of Ensuring Economic Competitiveness. In: *Digital Future Economic Growth, Social Adaptation, and Technological Perspectives*. Switzerland: Springer Nature; 2020. Pp. 193–200.

Oganesyan L.O., Fedyunina E.N., Vorobev A.V. The Stabilization of Local Agricultural Land Markets as a Factor of Sustainable Development of Spatial Economics. *Studies in Systems, Decision and Control*. 2021;283:353–361. https://doi.org/10.1007/978-3-030-58823-6_39

Urkova M.S., Golubeva A.A., Trofimova V.I., Providonova N.V. Institutional rationalization of management for stable progress of rural areas. *Scientific Papers. Series: Management, Economic Engineering and Rural Development*. 2019;3(19).

Zavorotin E.F., Gordopolova A.A., Tiurina N.S. The method ensuring support of demand for agricultural-purpose land. *Scientific Papers. Series E. Land Reclamation, Earth Observation & Surveying, Environmental Engineering*. 2021.

Novikov A.I., Andrekus E.A., Saburova A.A. Actual issues of land property in Russia. *Theoretical Economics*. 2012;6:80–91. (In Russian).

Nort D.S. Institutional change: a framework for analysis. *Voprosy ekonomiki*. 1997;3:6–17. (In Russian).

Oganesyan L.O., Fedyunina E.N. Institutionalization of Land Property Titles' Market as a Factor of Ensuring Economic Competitiveness. In: *Digital Future Economic Growth, Social Adaptation, and Technological Perspectives*. Switzerland: Springer Nature; 2020. Pp. 193–200.

Oganesyan L.O., Fedyunina E.N., Vorobev A.V. The Stabilization of Local Agricultural Land Markets as a Factor of Sustainable Development of Spatial Economics. *Studies in Systems, Decision and Control*. 2021;283:353–361. https://doi.org/10.1007/978-3-030-58823-6_39

Polterovich V.M. Transplantation of economic institutions. *Economics of Contemporary Russia*. 2001;3:24–50. (In Russian).

Simon G.A. Theory of decision making in economic theory and behavioral science. Vol.1. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola; 1999. 283 p. (In Russian).

Smith A. Research on the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Moscow: Eksmo; 2007. 960 p. (In Russian).

Urkova M.S., Golubeva A.A., Trofimova V.I., Providonova N.V. Institutional rationalization of management for stable progress of rural areas. *Scientific Papers. Series: Management, Economic Engineering and Rural Development*. 2019;3(19).

Williamson O. Behavioral prerequisites of modern analysis. THESIS. 1993;3(1):39–49. (In Russian).

Zavorotin E.F., Gordopolova A.A., Tiurina N.S. The method ensuring support of demand for agricultural-purpose land. *Scientific Papers. Series E. Land Reclamation, Earth Observation & Surveying, Environmental Engineering*. 2021.

Стратегическое планирование в наукоемких дочерних обществах вертикально интегрированных нефтегазовых компаний на основе принципов партисипации

Качалкина Кристина Геннадиевна

Соискатель

ORCID: 0000-0002-8280-9764, e-mail: kkachalkina@gmail.com

Котов Дмитрий Валерьевич

Д-р экон. наук, проф. Уфимской высшей школы экономики и управления

ORCID: 0000-0002-3803-1334, e-mail: koroltay@mail.com

Уфимский государственный нефтяной технический университет, 450064, ул. Космановтов, 1, г. Уфа, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются особенности стратегического планирования в наукоемких дочерних обществах вертикально интегрированных нефтегазовых компаний (далее – ВИНК). На основе проведенного анализа предлагается совершенствование подхода к стратегическому планированию за счет включения в него принципов и механизмов партисипации. В современных условиях стратегическое развитие ВИНК тесно связано с получением качественных результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, отвечающих на вызовы, которые стоят на пути успешного развития нефтегазового комплекса. Получение таких результатов возможно при грамотном стратегическом планировании деятельности наукоемких дочерних обществ, производящих основные научные результаты для ВИНК. Использование принципов партисипаторного подхода к управлению промышленным предприятием на этапах стратегического планирования может стать одним из вариантов повышения качества стратегического планирования. Рассмотрен существующий подход к стратегическому планированию в наукоемких дочерних обществах ВИНК, проанализированы его преимущества и недостатки. Рекомендовано устранить выявленные недостатки и тем самым усовершенствовать подход за счет адаптации к особенностям ВИНК интерактивного стратегического планирования и дополнения его механизмами партисипации. Предложены новые принципы и определены направления развития инструментов стратегического планирования в наукоемких дочерних обществах ВИНК.

Ключевые слова: вертикально интегрированные нефтегазовые компании, ВИНК, инструменты стратегического планирования, принципы стратегического планирования, наукоемкие предприятия, партисипация, интерактивный подход, вовлечение работников

Для цитирования: Качалкина К.Г., Котов Д.В. Стратегическое планирование в наукоемких дочерних обществах вертикально интегрированных нефтегазовых компаний на основе принципов партисипации // Управление. 2023. Т. 11. № 4. С. 100–109. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-100-109

Received: 04.09.2023

Revised: 06.11.2023

Accepted: 13.11.2023

Strategic planning based on participation principles in science-intensive subsidiaries of vertically integrated oil and gas companies

Kristina G. Kachalkina

Applicant

ORCID: 0000-0002-8280-9764, e-mail: kkachalkina@gmail.com

Dmitry V. Kotov

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Ufa Higher School of Economics and Management

ORCID: 0000-0002-3803-1334, e-mail: koroltay@mail.com

Ufa State Petroleum Technological University, 1, Kosmonavtov ul., Ufa 450064, Russia

Abstract

The article considers the features of strategic planning in knowledge-intensive subsidiaries of vertically integrated oil and gas companies. Based on the analysis, it has been proposed to improve the approach to strategic planning by incorporating principles and mechanisms of participatory planning. In modern conditions, strategic development of vertically integrated oil and gas companies is closely connected with obtaining high-quality R&D work results that meet the challenges that stand in the way of successful development of the oil and gas complex. Obtaining such results is possible with competent strategic planning of science-intensive subsidiaries activities that produce main scientific results for vertically integrated oil and gas companies. The use of principles of participatory approach to industrial enterprise management at the stages of strategic planning can become one of the options for improving strategic planning quality. The existing approach to strategic planning in science-intensive subsidiaries of vertically integrated oil and gas companies has been considered, its advantages and disadvantages analyzed. It has been recommended to eliminate the identified shortcomings and thus improve the existing approach by adapting interactive strategic planning to peculiarities of vertically integrated oil companies and supplementing it with participatory mechanisms. New principles have been proposed and directions for strategic planning tools development in knowledge-intensive subsidiaries of vertically integrated oil and gas companies defined.

Keywords: vertically integrated oil and gas companies, strategic planning tools, strategic planning principles, science-intensive enterprises, participation, interactive approach, employee participation

For citation: Kachalkina K.G., Kotov D.V. (2023). Strategic planning based on participation principles in science-intensive subsidiaries of vertically integrated oil and gas companies. *Upravlenie / Management (Russia)*, 11 (4), pp. 100–109. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-100-109

Введение / Introduction

Реализация процессов стратегического планирования является первейшей задачей руководителей вертикально интегрированных нефтегазовых компаний (далее — ВИНК) и их дочерних обществ. Современные условия функционирования нефтегазового комплекса характеризуются сложными геополитическими обстоятельствами, ограничениями на добычу и сбыт углеводородных ресурсов, санкционными ограничениями на ввоз импортных технологий и оборудования, геологическими характеристиками российских месторождений нефти и газа. В такой среде владение инструментами планирования результативной стратегии развития, соответствующей вызовам и запросам внешней и внутренней среды, гарантирует обеспечение конкурентоспособности для предприятий нефтегазового комплекса.

Особое значение вопрос стратегического планирования имеет для наукоемких предприятий, входящих в ВИНК. Это обусловлено тем, что ответить на большинство вызовов, стоящих перед российскими ВИНК в средне- и долгосрочном периоде, невозможно, не задействовав научные ресурсы. Под научными ресурсами в данном случае понимаем человеческий и интеллектуальный капитал тех дочерних обществ, что занимаются научными изысканиями и разработками, инжинирингом и проектированием, работают в сфере информационно-коммуникационных технологий и оказывают образовательные услуги. Результативное планирование, отвечающее задачам и особенностям функционирования ВИНК, реализуемое с набором инструментов и позволяющее учесть особенности наукоемких дочерних обществ (далее — ДО), становятся залогом устойчивого развития всех подобных компаний.

Возникает потребность в изучении особенностей стратегического планирования в наукоемких ДО ВИНК и разработке предложений по актуализации принципов и инструментов (подходов, методов и моделей) такого планирования. Для достижения этой цели необходимо:

- 1) рассмотреть особенности стратегического планирования в наукоемких ДО ВИНК;
- 2) охарактеризовать используемый подход и проанализировать его преимущества и недостатки;
- 3) проанализировать существующие подходы к стратегическому планированию в нефтегазовом комплексе на предмет их возможности устранения выявленных недостатков стратегического планирования в наукоемких ДО ВИНК;
- 4) предложить усовершенствовать существующий подход за счет введения новых принципов, основанных на партисипации;

5) обозначить возможные направления уточнения методов стратегического планирования в рамках предлагаемого подхода.

Особенности стратегического планирования в наукоемких ДО ВИНК / Features of strategic planning in science intensive subsidiaries of vertically integrated oil and gas companies

Учитывая многозначность терминов, используемых при описании процессов стратегического менеджмента, прежде всего необходимо уточнить терминологию. Опираясь на результаты исследований, систематизировавших труды многих классиков стратегического менеджмента, под стратегическим планированием в настоящей статье предлагаем понимать процесс постановки долгосрочных целей предприятия и разработки способов их достижения [Абдрахманова, 2016; Рогачева, 2013; Брыкалов, 2014]. Под инструментами стратегического планирования, соответственно, понимается совокупность подходов, методов и моделей, используемых для разработки, оценки, принятия и реализации проектов и программ долгосрочного развития промышленных предприятий, направленных на достижение его целей.

Несмотря на значимость грамотного стратегического планирования в наукоемких ДО для достижения целей технологического развития всей ВИНК, этому аспекту уделяется не так много внимания в современных исследованиях. Это подтверждается скромным освещением данного вопроса в профильных изданиях. Среди основных авторов можно отметить Ю.Н. и В.Ю. Линник [Линник, Линник, 2018], а также ряд авторов, изучающих активность нефтесервисных, нефтеперерабатывающих компаний [Макулова и др., 2020; Тасмуханова и др., 2019; Тонышева и др., 2020].

Можно выдвинуть гипотезу, что такая ситуация связана с реализацией процессов планирования по схеме, единой для всех ДО ВИНК вне зависимости от их вида деятельности. При изучении особенностей стратегического планирования на современных ВИНК выявлено, что оно осложняется следующими аспектами.

1. Большое внутреннее разнообразие структур ВИНК в связи с широким спектром горизонтальных и вертикальных связей приводит к сочетанию разных видов бизнеса под одной головной компанией. Это требует, с одной стороны, учета в стратегии уникальных характеристик, задач и направлений развития ДО, а с другой — создания согласованной общей стратегии.

2. Наличие кооперационно-конкурентных отношений как внутри ВИНК между ДО, так и во внешней

среде с другими предприятиями и организациями при создании совместных проектов. Это позволяет добиться более устойчивого развития через механизмы согласования интересов и ресурсов стейкхолдеров, но при этом требует более осознанного управления ресурсами, рисками и связями.

3. Потребность в навыках и инструментах для предсказания изменений на энергетическом рынке с целью создания результативной и конкурентоспособной стратегии в любом из сценариев развития национальной и глобальной экономики, будь то переход к «зеленой» энергетике или концентрация на добыче трудноизвлекаемых ресурсов. Такой подход требует высокой экспертности, управленческой гибкости и высокой скорости принятия решений, что осложняется крупной бюрократичной структурой.

4. Значительное обоюдное влияние между ВИНК и предприятиями других отраслей, прежде всего наукоемких (робототехника, современное машиностроение, информационные технологии, химия и др.), а также влияние нефтегазовой отрасли на развитие национальной экономики.

Перечисленные особенности с учетом привычки к централизации нередко приводят к чрезмерному разрастанию структур ВИНК. Как следствие, формируются противоречивые ценностные, институциональные, организационные и технологические установки у ДО, которые приводят к возникновению организационных патологий, что следует учитывать при стратегическом планировании. В противном случае возможно подавление головной компанией стратегических инициатив и/или навязывание стратегических планов, не свойственных или не актуальных для отдельных ДО, что особенно ярко может проявиться в наукоемком бизнес-сегменте, где в силу особенностей деятельности часто формируется менее бюрократичная и более творческая культура управления.

Помимо этого, стратегическое планирование в наукоемких ДО имеет ряд особенностей:

1) политические: взаимосвязанность документов стратегического развития теплоэнергетического комплекса федерального уровня и программ долгосрочного развития отдельных ВИНК в силу их высокого взаимовлияния;

2) экономические:

- при проведении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР) фундаментального характера нужно учитывать их высокую стоимость при неопределенности возможности получения запланированных результатов, поскольку высока цена ошибки и нерентабельности вложенных средств;

- необходимость поиска и отбора таких приоритетов развития, которые закрывают потребности ВИНК, и при этом экономически целесообразны;

3) социальные:

- наукоемкий характер человеческого капитала и его высокое значение для планирования;
- двойственная роль человека и как ресурса (знания, способности, ноу-хау), и как актора (разработчик стратегии, ее исполнитель) при влиянии «человеческого фактора» (ошибки, поведенческие особенности и искажения);
- зависимость управленческой деятельности и стратегических решений от решений и целей материнской компании, а также общей бюрократизации управления в ВИНК, что может ограничивать потенциал развития наукоемкого ДО;

4) технологические:

- в актуальных условиях российской экономики необходимость учета импортозависимости при ограничении доступа к высоким технологиям, их компонентам, а также знаниям и компетенциям в силу санкционных ограничений, что ослабляет эффективность проведения НИОКР и внедрения инноваций;
- сложность планирования в связи с высокой неопределенностью инновационной деятельности;

5) экологические: высокая значимость экологической повестки в рамках ESG-политики, в результате которой все разрабатываемые технологии и все производственные процессы должны учитывать экологические требования;

6) юридические: необходимость защиты объектов интеллектуальной собственности в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации (далее – РФ, Россия).

Эти особенности влияют на результат планирования – содержание стратегии. Однако их также важно учитывать при выборе и применении инструментов планирования, особенно учитывая, что в теории большинство инструментов являются универсальными, то есть их адаптация к отраслевым особенностям осуществляется уже непосредственно практиками и под конкретные предприятия. В связи с этим стоит отметить, что адаптация инструментов к наукоемким предприятиям также почти не осуществляется. Среди авторов, занимающихся данным аспектом, но в других отраслях, можно отметить А.С. Царькова и К.А. Аленину [Царьков, 2009; Аленина, 2018].

Помимо недостаточно развитой теоретической базы, следует отметить и ограничения, возникающие на практике. Анализ показал, что существующий подход к стратегическому планированию в наукоемких ДО в ВИНК имеет ряд недостатков (табл. 1).

Выявленные недостатки снижают результативность стратегического планирования, поскольку существующий подход не в полной мере учитывает особенности наукоемких ДО. Так, он не соответствует социальным особенностям — более адхократичной (творческой) по сравнению со всей ВИНК организационной культуре — и потому частично ограничивает развитие индивидуального трудового потенциала работников. Перераспределение ресурсов в пользу других ДО приведет к явному игнорированию экономических особенностей стратегического планирования в наукоемких ДО, что может еще сильнее ухудшить как стратегическую, так и операционную деятельность по получению научного результата.

На первый взгляд, некоторые представленные недостатки, напротив, должны способствовать повышению конкурентоспособности стратегии. Например, ограничение свободы сотрудничества для получения более качественных научных результатов при необходимости защиты объектов интеллектуальной собственности в общем и целом способствует получению конкурентного преимущества в виде уникальных технологий. В то же время сотрудничество с другими предприятиями необходимо для проведения фундаментальных исследований и решения более масштабных задач технологического развития нефтегазовой отрасли. Таким образом, учитывая высокое влияние развития наукоемких ДО на обеспечение устойчивого развития ВИНК, целесообразно предложить способы устранения этих недостатков.

Существующие подходы к стратегическому планированию и их ограничения / Existing strategic planning approaches and their limitations

Теоретический обзор показал, что в нефтегазовом комплексе при разработке стратегии применяются подходы, которые могут быть применены в любой отрасли (табл. 2).

Подходы в таблице расположены «по мере накопления предприятиями потенциала, развития элементов рыночной инфраструктуры и повышения профессионализма предпринимателей» [Томова, 2011, с. 37].

Интерактивный подход должен обеспечивать наилучшие результаты. Подход, предложенный Р. Акоффом, позволяет выработать оптимальные пути достижения целей предприятия, поскольку подразумевает вовлечение коллектива и постановку общих целей [Акофф, 1985].

О необходимости опираться на человеческий потенциал при разработке стратегии говорят и российские ученые, например, О.С. Виханский [Виханский, 1998]. В целом интерактивный подход подразумевает наличие высокой управленческой зрелости, а также соответствует современным трендам в управлении, подразумевающим демократизацию принятия решения, вовлечение стейкхолдеров и внимание к целям сотрудников. При этом, если вернуться к существующему подходу, описанному в табл. 1, видно, что он схож, скорее, с корпоративным или интерактивным подходом.

Таблица 1

Характеристика существующего подхода к стратегическому планированию на наукоемких дочерних обществах в вертикально интегрированных нефтегазовых компаниях

Table 1. Characteristics of the existing approach to strategic planning at science-intensive subsidiaries in vertically integrated oil and gas companies

Элемент	Описание	Преимущества/недостатки, влияющие на процесс и результат стратегического планирования
Организационный механизм принятия решений и постановки целей	Авторитарный, сверху вниз	Обеспечивает единство с корпоративными целями / ограничивает гибкость и динамичность постановки целей и выбора направления научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ
Учитываемые интересы при принятии решений	Собственники и руководители, органы власти	Способствует повышению эффективности вертикально интегрированных нефтегазовых компаний / ограничивает развитие индивидуального потенциала научных работников
Наличие ресурсов	Значительное, могут быть задействованы ресурсы других дочерних обществ	Способствует инновационной активности / ресурсы могут быть направлены в пользу других дочерних обществ
Корпоративная культура	Чаще бюрократическая	Способствует унификации решений, защите результатов интеллектуальной деятельности / ограничивает гибкость и свободу сотрудничества для получения более качественных научных результатов

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Таблица 2

Подходы к процессу разработки стратегии предприятия
 Table 2. Approaches to the process of developing an enterprise strategy

Подход	Суть подхода	Основной актор разработки
Хаотический	Отсутствие стратегического управления, действия как реакция на проблемы	Отсутствует
Интуитивный	Направленность на небольшие шаги по достижению глобальной цели	Высшее руководство устанавливает цели
Корпоративный	Логическое линейно-последовательное принятие стратегических решений	Прерогатива высшего руководства, жесткая централизация принятия решений
Итеративный	Выработка частных стратегий структурных подразделений, их объединение в целое руководством	Высшее руководство как организатор процесса, «архитектор» стратегии, задающий базовые ориентиры и условия
Интерактивный	Высшее руководство задает глобальные цели, стратегии вырабатываются во взаимодействии	Высшее руководство во взаимодействии с плановым отделом и его оперативными подразделениями

Составлено авторами по материалам источника [Томова и др., 2011] / Compiled by the authors on the materials of the source [Tomova et al, 2011]

Интерактивный подход в теории подходит для наукоемких ДО по следующим причинам:

1) работники таких ДО имеют высокую квалификацию, их навыки и опыт позволят внести продуктивный вклад в разрабатываемую стратегию;

2) корпоративная культура наукоемких ДО, как правило, носит черты адхократической, что значит, что мотивация работников к участию в задачах, помимо описанных в должной инструкции, может быть выше;

3) сотрудники наукоемких ДО изначально привлекаются к планированию стратегии всей ВИНК, то есть проще будет сохранить целостность с обще-корпоративными целями;

4) такие социальные и экономические особенности в наукоемких ДО могут быть учтены при организации стратегического планирования в рамках интерактивного подхода.

Однако применение данного подхода в существующем виде для решения выявленных в табл. 1 недостатков также невозможно хотя бы в силу того, что он не предлагает конкретных методов и моделей вовлечения работников и последовательных шагов совместного проектирования. Следовательно, можно опираться на интерактивный подход к стратегическому планированию, но его целесообразно усовершенствовать.

Стратегическое планирование на основе партисипации / Participatory strategic planning

Одним из основополагающих принципов интерактивного подхода является принцип партисипации (соучастия, коллективности). Термин «партисипация» (англ. «participation» — «соучастие») пришел в теорию и практику управления из архитектуры, подразумевая вовлечение пользователя (жителя) в процессы проектирования будущей городской инфраструктуры. В настоящее время механизмы партисипации широко

применяются в городском планировании, муниципальном управлении, развитии местных сообществ, а также в маркетинге, управлении кадрами при совершенствовании корпоративной культуры, построении организационных структур [Чевтаева, Окунева, 2023.]. Преимущества механизмов партисипации при их применении на промышленных предприятиях включают повышение эффективности предприятия, лояльности и удовлетворенности работников, что подтверждается исследованиями [Потуданская, Алифер, 2016; Garson, Smith, 1976; Gallie et al, 2016; Lawler, 1990].

Представляется логичным, что механизмы партисипации могут качественно развить интерактивный подход к стратегическому планированию за счет схожести их основных положений о вовлечении работников и использовании их потенциала, опыта и компетенций на пользу развития предприятия. Поскольку механизмы партисипации, заимствованные из городского планирования, адаптировали для других сфер деятельности, можно выдвинуть гипотезу о том, что их возможно подстроить и под задачи стратегического планирования. Предполагается, что это позволит повысить качество планирования за счет вовлечения работников в определение целей и проектов развития, формирования сотрудничества и оптимизации использования ресурсов для повышения качества НИОКР. Схожие идеи прослеживаются в работах коллектива зарубежных исследователей, но для малого и среднего бизнеса [Karbasi, Bahram, Rahmanseresht, Hossein, 2020].

С учетом вышеизложенного в рамках настоящего исследования под партисипацией следует понимать вовлечение работников в процессы стратегического планирования в наукоемких ДО. Под инструментами партисипаторного стратегического планирования, соответственно, будут пониматься подходы, методы и модели разработки эффективных стратегий при

обеспечении комфортного уровня вовлечения работников и содействию устойчивому развитию наукоемких ДО ВИНК. Эти инструменты должны отвечать ряду принципов, которые и охарактеризуют предлагаемый новый подход к стратегическому планированию (табл. 3).

Принципы партисипации обобщены на основе материала, опубликованного Социально-экономическим советом Нидерландов², принципы интерактивного подхода заимствованы из материалов Р. Акоффа [Акофф, 1985], а принципы стратегического планирования на наукоемких ДО ВИНК «как есть» описаны авторами на основе имеющегося опыта и понимания отраслевой специфики. Посредством анализа и синтеза сформулированы пять принципов, которые характеризуют предлагаемый подход к стратегическому планированию в наукоемких ДО ВИНК.

1. Принцип производственной направленности — поставленные перед наукоемкими ДО цели и задачи должны гарантировать закрытие потребностей ВИНК в технологиях по приоритетным направлениям, среди которых добыча трудноизвлекаемых углеводородов

¹ The Social and Economic Council of the Netherlands. Basic principles of constructive employee participation. Режим доступа: <https://www.ser.nl/-/media/ser/downloads/engels/2019/constructive-employee-participation.pdf?la=nl&hash=BCDEC0AA5EEF30A3535E101DA0408808> (дата обращения: 02.09.2023).

² Там же.

и высоковязкой нефти, энергоэффективность производства и пр.

2. Принцип высокотехнологичной направленности целей и содействия цифровизации — два принципа объединены. Несмотря на то что ДО, развивающие деятельность в сферах цифровизации и информационных технологий, заняты отдельной программой цифровой трансформации, они являются наукоемкими, а развитие цифровых технологий способствует совершенствованию деятельности других наукоемких обществ, поэтому объединение принципов целесообразно.

3. Принцип обеспечения устойчивого развития — результаты стратегического планирования наукоемкого ДО должны способствовать достижению показателей, направленных на выполнение целей устойчивого развития, и быть согласованы с ними.

4. Принцип партисипаторного планирования представляет собой слияние принципов прогрессивного управления, кооперации (выделен из принципа кооперации и корпоративного единства) и партисипации Р. Акоффа, а также возможности участия. Он подразумевает, что работники наукоемких обществ должны в большей степени вовлекаться в процесс стратегического планирования, но при этом должны соблюдаться конструктивность, целесообразность такого участия и учитываться готовность работников быть вовлеченными.

5. Принцип корпоративного единства и непрерывности планирования представляет собой слия-

Таблица 3

Принципы партисипаторного стратегического планирования на наукоемких дочерних обществах вертикально интегрированных нефтегазовых компаний

Table 3. Principle of participatory strategic planning for science-intensive subsidiaries in vertically integrated oil and gas companies

Учитываемые принципы			Предлагаемые принципы партисипаторного стратегического планирования
1. Партисипаторного управления	2. Интерактивного подхода к стратегическому планированию	3. Стратегического планирования на наукоемких дочерних обществах вертикально интегрированных нефтегазовых компаний «как есть»	
1. Делегирование полномочий на уровень, достаточный для принятия решений	1. Непрерывность планирования	1. Принцип производственной направленности	1. Принцип производственной направленности
		2. Принцип высокотехнологичной направленности целей	2. Принцип высокотехнологичной направленности целей и содействия цифровизации
2. Конструктивный диалог руководства и работников	2. Холистичный (целостный) характер планирования	3. Принцип обеспечения устойчивого развития	3. Принцип обеспечения устойчивого развития
		4. Принцип содействия цифровой трансформации	4. Принцип партисипаторного планирования в комфортной степени
3. Возможность работников участвовать в управлении в комфортной для себя степени	3. Партисипация (соучастие, коллективность)	5. Принцип прогрессивного управления	5. Принцип корпоративного единства и непрерывности планирования
		6. Принцип кооперации и корпоративного единства	

Столбцы 1-3 составлены авторами по материалам источника [Акофф, 1985] и источник¹, столбец 4 составлен авторами по материалам исследования / Table columns 1-3 were compiled by the authors on the materials of the source [Akoff, 1985] and the source¹, table column 4 was compiled by the authors on the materials of the study

ние принципов непрерывности и холистичности планирования по Р. Акоффу с принципом корпоративного единства. Он подразумевает, что должна обеспечиваться единая логика стратегического планирования на всей ВИНК с учетом периодичности актуализации планов.

Предложенные принципы позволяют устранить выявленные недостатки существующего подхода. Их можно считать достаточными, поскольку они:

- 1) позволяют планировать деятельность в интересах ВИНК;
- 2) обеспечивают преемственность принципов интерактивного подхода к стратегическому планированию;
- 3) учитывают особенности и принципы стратегического планирования в наукоемких ДО ВИНК;
- 4) развивают традиционные принципы стратегического планирования за счет включения принципов партисипаторного управления.

Результаты исследования / Research results

Предложенные принципы формируют основу подхода к стратегическому планированию в наукоемких ДО ВИНК на основе партисипации. Согласно авторской гипотезе, повышение качества планирования стратегий в наукоемких ДО будет достигаться посредством вовлечения работников. Человеческий и интеллектуальный капитал, который формируют научные работники, станет экспертным дополнением к компетенциям руководителей и повысит качество стратегического анализа. Вовлечение в целеполагание и разработку проектов поможет более точно ставить цели и показатели эффективности. Косвенным эффектом станет рост лояльности сотрудников и их вклада в достижение поставленных целей. Тем самым эффективность будет повышаться сразу на трех уровнях: уровне индивидуального работника — через вовлеченность, уровне общества — через повышение качества разрабатываемой стратегии, уровне ВИНК — через вклад ДО в виде лучших результатов НИОКР.

Подход, характеризующийся предложенными принципами, целесообразно дополнить другими инструментами стратегического планирования. Возможные направления разработки таких инструментов следующие:

- 1) предложить метод определения уровня готовности работников участвовать в стратегическом планировании, чтобы не допустить обратного эффекта и снижения эффективности из-за низкого уровня экспертности или сопротивления вовлечению;
- 2) уточнить применимость существующих методов стратегического планирования на разных его

этапах, определяемых уровнем готовности в зависимости от степени вовлечения работников;

- 3) разработать модель стратегического планирования с участием работников при обеспечении комфортного уровня вовлечения работников и содействии устойчивому развитию наукоемких ДО ВИНК.

Заключение / Conclusion

В современных геополитических условиях с учетом особенностей сырьевой базы стратегическое развитие предприятий нефтегазового комплекса невозможно без развития наукоемких ДО, осуществляющих НИОКР и генерирующих новые технологии, продукты и решения. В связи с этим повысить уровень развития ВИНК и обеспечить достижение ее целей возможно, если улучшить качество стратегического планирования в наукоемких ДО. Из этого вытекает потребность в грамотном планировании стратегического развития самих обществ, поскольку важно обеспечить их необходимыми ресурсами, развить таланты работников и выбрать направления научных исследований, соответствующие отраслевым запросам.

Рассмотренные особенности стратегического планирования в наукоемких ДО ВИНК показали, что существующий подход не позволяет в полной мере обеспечить качественное планирование. Иными словами, он накладывает ограничения для более свободной и творческой реализации этапов стратегического планирования. Кроме того, научные сотрудники обладают экспертностью, которая в теории может повысить качество реализации данных этапов.

Проанализировав существующие подходы к стратегическому планированию в нефтегазовом комплексе на предмет их возможности устранить выявленные недостатки планирования в наукоемких ДО ВИНК, авторы выявили, что интерактивное планирование может стать основой для нового подхода. Однако оно не предлагает конкретных механизмов и методов, адаптированных к отраслевой специфике нефтегазовых предприятий. В связи с этим предложено усовершенствовать подход за счет опоры на существующие партисипаторные механизмы, которые подразумевают вовлечение работников в процессы управления предприятием. Таким образом, сочетание партисипаторных механизмов и интерактивного подхода даст новый подход к вовлечению работников в стратегическое планирование.

С этой целью были предложены пять принципов стратегического планирования. Они обеспечивают преемственность принципов интерактивного подхода к стратегическому планированию, учитывают

его особенности на наукоемких ДО ВИНК и развивают традиционные принципы стратегического планирования за счет включения принципов партисипаторного управления. Тем самым формируется основа нового подхода к стратегическому планированию с вовлечением работников. Предложенные в статье принципы стратегического планирования на основе партисипации не могут быть перенесены целиком на всю ВИНК, но такие особенности наукоемких ДО, как более адхокративная корпоративная культура и более высокий уровень компетентности работников, позволяют внедрить их на этой группе обществ.

При этом возникает потребность будущей адаптации механизмов партисипации к этапам и задачам стратегического планирования. Дальнейшее развитие нового подхода требует совершенствования инструментов стратегического планирования, в особенности метода определения уровня готовности работников участвовать в планировании, чтобы не допустить обратного негативного эффекта от навязанного вовлечения и обязанностей, кроме установленных должностными инструкциями. Также необходимо разработать метод определения целесообразности применения партисипаторного подхода к стратегическому планированию.

Библиографический список

Абдрахманова Д.Р. Эволюция представлений о системе стратегического планирования. Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2016;2(4):136–140.

Акофф Р. Планирование будущего корпорации. М.: Прогресс; 1985. 327 с.

Аленина К.А., Грибанов Ю.И. Концепция научно-образовательного дивизиона в составе корпоративной структуры в целях формирования исследовательских компетенций и технических заделов для поддержания системного развития цифровой инфраструктуры и внедрения цифровых технологий. Бизнес. Образование. Право. 2018;2(43):113–120. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2018.43.213>

Брыкалов С.М. Особенности развития стратегического планирования на предприятиях России. В кн.: Инновационная экономика: материалы I Международной научной конференции, Казань, октябрь 2014 г. Казань: Бук; 2014. С. 128–130.

Виханский О.С. Стратегическое управление. 2^е изд., пер. и доп. М.: Гардарики; 1998. 296 с.

Линник В.Ю., Линник Ю.Н. Барьеры на пути инновационного развития научно-исследовательских организаций нефтегазодобывающей отрасли. Вестник университета. 2018;12:37–42. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-12-37-42>

Макулова А.О., Тасмуханова, А.Е., Габбасова, Л.Д. Стратегический анализ нефтесервисной отрасли. Вестник экономики и менеджмента. 2019;1:13–19.

Потуданская В.Ф., Алифер Е.О. Развитие партисипативного управления на промышленных предприятиях. Креативная экономика. 2016;2(10):197–210. <https://doi.org/10.18334/ce.10.2.35001>

Рогачева Ж.С., Крымов С.М. Современные подходы к стратегическому планированию на предприятиях промышленности и сферы услуг. Экономика и предпринимательство. 2013;12.

Тасмуханова А.Е., Ханило Д.А., Туманова А.Ю., Мусина Д.Р. Алгоритм стратегического анализа деятельности предприятий нефтепереработки и нефтехимии. Евразийский юридический журнал. 2020;3(142):397–399.

References

Abdrakhmanova D.R. Evolution of ideas about the strategic planning system. Modern problems of social sciences and humanities. 2016;2(4):136–140. (In Russian).

Akoff R. Creating the corporate future. Plan or be planned for. Moscow: Progress; 1985. 327 p. (In Russian).

Alenina K.A. Gribanov Y.I. The concept of a scientific and educational division as part of a corporate structure in order to form research competencies and technical groundwork for maintaining the system development of digital infrastructure and the introduction of digital technologies. Business. Education. Law. 2018;2(43):113–120. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2018.43.213> (In Russian).

Brykalov S.M. Peculiarities of strategic planning development at Russian enterprises. In: Innovative economics: Proceedings of the I International Scientific Conference, Kazan, October 2014. Kazan: Buk; 2014. Pp. 128–130. (In Russian).

Chevtayeva N.G., Okuneva T.V. Staff involvement as a factor of improving work satisfaction. Bulletin of the South Ural State University. Series “Social Sciences and the Humanities”. 2023;1(23):81–88. <https://doi.org/10.14529/ssh230110> (In Russian).

Gallie D., Zhou Y., Felstead A., Green F., Henseke G. Participation, Organisational Commitment and Employee Well-Being: A Longitudinal Analysis. Academy of Management Proceedings. 2016(1):11245. <https://doi.org/10.5465/AMBP.2016.11245abstract>

Garson D.G., Smith M.P. Organizational democracy: Participation and Self-management. Beverly Hills: Sage; 1976. 151 p.

Karbasi B., Rahmanseresht H. Participative strategic planning and innovation capability: moderating role of ideation strategy. International Journal of Innovation Management. 2020;7(24):2050066. <https://doi.org/10.1142/S1363919620500668>

Lawler E.E. High-Involvement Management: Participative Strategies for Improving Organizational Performance. San Francisco: Jossey-Bass Publishers; 1990. 252 p.

Linnik V., Linnik Y. Barriers to innovative development of research organizations oil and gas industry. Vestnik universiteta. 2018;(12):37–42. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-12-37-42> (In Russian).

Томова А.Б. Стратегическое планирование на предприятии нефтегазового комплекса: учебное пособие. М.: Издательский центр РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина; 2011. 144 с.

Тоньшева Л.Л., Якунина О.Г., Кузнецова Н.Л. Стратегирование развития нефтесервисных предприятий: предпосылки и методический инструментарий. Экономика, предпринимательство и право. 2020;7(10):2085–2104.

Царьков А.С. Повышение конкурентоспособности и разработка стратегий крупных российских компаний. В кн.: Ясин Е.Г. (отв. ред.). Модернизация экономики и глобализация. М.: ГУ-ВШЭ; 2009. С. 70–78.

Чевтаева Н.Г., Окунева Т.В. Вовлеченность сотрудников в управление как фактор повышения удовлетворенности работой. Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2023;1(23):81–88. <https://doi.org/10.14529/ssh230110>

Gallie D., Zhou Y., Felstead A., Green F., Henseke G. Participation, Organisational Commitment and Employee Well-Being: A Longitudinal Analysis. Academy of Management Proceedings. 2016(1):11245. <https://doi.org/10.5465/AMBPP.2016.11245abstract>

Garson D.G., Smith M.P. Organizational democracy: Participation and Self-management. Beverly Hills: Sage; 1976. 151 p.

Karbasi B., Rahmanseresht H. Participative strategic planning and innovation capability: moderating role of ideation strategy. International Journal of Innovation Management. 2020;7(24):2050066. <https://doi.org/10.1142/S1363919620500668>

Lawler E.E. High-Involvement Management: Participative Strategies for Improving Organizational Performance. San Francisco: Jossey-Bass Publishers; 1990. 252 p.

Makulova A.O., Tasmukhanova A.E., Gabbasova L.D. Strategic analysis of the petroleum service industry. Vestnik of economics and management. 2019;1:13–19. (In Russian).

Potudanskaya V.F., Alifer E.O. The participative management development at the industrial enterprises. Creative economy. 2016;2(10):197–210. <https://doi.org/10.18334/ce.10.2.35001> (In Russian).

Rogacheva Zh.S., Krymov S.M. Modern approaches to strategic planning at enterprises of industry and services. Ekonomika i predprinimatelstvo. 2013;12. (In Russian).

Tasmukhanova A.E., Khanilo D.A., Tumanova A.Yu., Musina D.R. Algorithm of the strategic analysis of the activities of oil refining and petrochemical enterprises. Eurasian law journal. 2020;3(142):397–399. (In Russian).

Tomova A.B. Strategic planning for oil and gas enterprises. Moscow: National University of Oil and Gas “Gubkin University” Publ. House; 2011. 144 p. (In Russian).

Tonysheva, L.L., Yakunina, O.G., Kuznetsova N.L. Strategizing the development of oilfield service enterprises: prerequisites and methodological tools. Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo. 2020;7(10):2085–2104. (In Russian).

Tsarkov A.S. Raising competitiveness and development of strategies of large Russian companies. In: Yasin E.G. (ed.). Modernization of Economy and Globalization. Moscow: Higher School of Economics Publ. House; 2009. Pp. 70–78. (In Russian).

Vikhansky O.S. Strategic management. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Gardarika; 1998. 296 p. (In Russian).

Затраты и выгоды информационной безопасности бизнеса

Козырь Наталья Сергеевна

Канд. экон. наук, доц. каф. кибербезопасности и защиты информации

ORCID: 0000-0002-8323-0957, e-mail: n_k_@mail.ru

Кубанский государственный технологический университет, 350072, Московская ул., 2, г. Краснодар, Россия

Аннотация

В статье рассмотрен процесс обеспечения информационной безопасности с позиции оценки затрат и выгод, что позволяет понять экономические аспекты технико-экономического обоснования мероприятий в области защиты информации бизнеса. В практике российского бизнеса вопросы обеспечения информационной безопасности сфокусированы на соблюдении нормативных требований законодательства. Это приводит к тому, что хозяйствующие субъекты пренебрегают процедурой комплексной оценки эффективности мероприятий, которые должны учитывать затраты и выгоды реализации правового, организационного и технического обеспечения защиты информации. Вместе с этим для соответствия новым условиям технологического развития общества требуются пересмотр концепции защиты информации хозяйствующих субъектов и закрепление в политике информационной безопасности деятельности подходов к оценке риска на основе стоимости активов. Исследование содержит описание подхода «затраты/выгоды» по составным компонентам процесса обеспечения информационной безопасности бизнеса. Для понимания экономических аспектов обеспечения защиты информации представленное исследование фокусирует свое внимание на хозяйствующих субъектах рыночного типа хозяйствования (предприятие в своей деятельности получает прибыль). Определен состав компонентов процесса обеспечения информационной безопасности. На примере риск-менеджмента подробно рассмотрены затраты и выгоды информационной безопасности.

Ключевые слова: информационная безопасность, экономика защиты информации, экономика информационной безопасности, затраты ИБ, выгоды ИБ, экономическая безопасность, бюджет информационной безопасности, экономика кибербезопасности

Для цитирования: Козырь Н.С. Затраты и выгоды информационной безопасности бизнеса//Управление. 2023. Т. 11. № 4. С. 110–118. DOI: [10.26425/2309-3633-2023-11-4-110-118](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-110-118)

Costs and benefits of business information security

Natalia S. Kozyr

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Cybersecurity and Information Protection Department

ORCID: 0000-0002-8323-0957, e-mail: n_k_@mail.ru

Kuban State Technological University, 2, Moskovskaya ul., Krasnodar 350072, Russia

Abstract

The article considers the process of information security from the position of cost-benefit assessment that allows to understand economic aspects of feasibility study of measures in the field of business information protection. In the practice of Russian business, the issues of information security are focused on compliance with regulatory requirements of the legislation. This leads to the fact that business entities neglect the procedure of comprehensive assessment of measures effectiveness that should consider the costs and benefits of legal, organizational, and technical information protection implementation. At the same time, in order to meet the new conditions of technological development of society, it is necessary to revise the concept of information protection of business entities and to fix in the policy of information security of activities the approaches to risk assessment based on assets value. The study contains a description of the cost/benefit approach to the constituent components of ensuring information security of business process. To understand the economic aspects of information security, the research focuses on business entities of the market type of economic activity (the enterprise makes profit in its activity). The composition of components of the ensuring information security process has been defined. On the example of risk management costs and benefits of information security have been considered in detail.

Keywords: information security, information security economics, information security costs, information security benefits, economic security, information security budget, cybersecurity economics

For citation: Kozyr N.S. (2023) Costs and benefits of business information security. *Upravlenie / Management (Russia)*, 11 (4), pp. 110–118. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-110-118

Введение / Introduction

Экономика информационной безопасности является важным аспектом в деятельности любой организации и сопровождается высокими расходами и затраты на защиту информации в структуре бюджета компаний каждый год увеличиваются¹. Вместе с этим в средствах массовой информации не публикуется структура бюджета — организации называют лишь число кратного увеличения расходов в отношении бюджета информационной безопасности предыдущего года².

В практике российского бизнеса сформировался подход, основанный на соблюдении нормативных требований законодательства в сфере защиты информации без расчета экономической эффективности расходов на организационное и техническое обеспечение информационной безопасности хозяйствующего субъекта. В связи с этим наблюдается парадокс: с одной стороны, экономика и информационная безопасность неразрывно связаны (о чем свидетельствуют ежегодные сводки убытков бизнеса от хищения данных злоумышленниками), а с другой — отсутствует методическое обеспечение по расчету экономического обоснования и оценки эффективности мероприятий по защите информации. Такая ситуация обусловлена тем, что экономика защиты информации является междисциплинарной областью исследования, поэтому тема выпала из предмета исследования российских экономистов по причине необходимости глубокого понимания организационных и технических средств защиты информации.

Наряду с этим ученые в сфере технических наук изучают методы организационной и технической защиты информации, а специалисты информационной безопасности сосредоточены на обеспечении защиты данных на основе общего бюджета без углубления в вопросы эффективности процесса. Тема методического обеспечения экономики защиты информации охватывает большой масштаб вопросов, так как ежегодно на законодательном уровне увеличиваются требования к критически значимым субъектам бизнеса, для выполнения которых необходимы ресурсы, в том числе денежные. Таким образом, экономика информационной безопасности — актуальная тема для изучения как для эконо-

мистов, так и для специалистов информационной безопасности. В представленном исследовании рассмотрены аспекты защиты информации на основе затрат и выгод в разрезе ключевых компонентов информационной безопасности бизнеса.

Теория и методы исследования / Theory and research methods

В зарубежных публикациях экономика защиты информации рассматривается с различных аспектов на протяжении долгого периода времени:

1) изучается экономический анализ решений информационной безопасности в связи с необходимостью выполнения обязательных стандартов безопасности [Gao и др., 2022];

2) ведется поиск решений в вопросе инвестиций в экономическую безопасность с учетом бюджетных ограничений [Huang, Behara, 2013];

3) исследуется необходимость выделения бюджета на обучение сотрудников организации мерам информационной безопасности [Beautement, Sasse, 2009].

Российские научные статьи лишь в единичном случае содержат информацию о структуре затрат на информационную безопасность и вопросах проектного управления защиты информации [Петренко, 2006; Оганесян, Козырь, 2023]. Имеется определенный научный задел в сфере информационной безопасности бизнеса: рассмотрены вопросы обеспечения развития цифровой экономики, что опосредованно влияет на информационную безопасность бизнеса, сформирован состав факторов, представляющих собой угрозу информационной безопасности российской экономики [Барейко, Кожухина, 2019; Леднева, 2022]. В публикации С.М. Бычковой и Н.Н. Макаровой обоснована необходимость комплексного взгляда на экономическую безопасность бизнеса с учетом факторов информационной безопасности сетевого взаимодействия субъектов [Бычкова, Макарова, 2022]. На уровне микроэкономики затронуты аспекты угроз информационной безопасности с позиции обеспечения экономической безопасности бизнеса, описан механизм выявления угроз экономической безопасности цифрового предприятия [Барейко, Кожухина, 2019; Кулагина и др., 2020].

В исследованиях также присутствуют методы риск-менеджмента информационной безопасности бизнеса в реализации системы закупок предприятия, и рассмотрена цифровая трансформация как новый вызов в части обеспечения защиты информации хозяйствующего субъекта, где дается описание составных компонентов модели информационной

¹ Интерфакс. Опрос показал, что российский бизнес увеличит на 14 % расходы на кибербезопасность. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/885667> (дата обращения: 10.09.2023).

² ТАСС. Вице-президент VK: бюджет на информационную безопасность в 2023 году увеличится в 2,5 раза. Режим доступа: <https://tass.ru/interviews/16690609> (дата обращения: 10.09.2023).

безопасности бизнеса [Созаева, 2021; Королев, Гаврилов, 2019].

Тема экономических исследований в обеспечении информационной безопасности бизнеса имеет большой потенциал на стыке междисциплинарных исследований с применением методов искусственного интеллекта [Седых, Фоканов, 2022; Частикова, Шелудько, 2022]. Вопросы обеспечения информационной безопасности должны рассматриваться комплексно на всех уровнях киберпространства с учетом особенностей региональных рынков Российской Федерации (далее – РФ, Россия) и соответствующим ресурсным обеспечением и эффективностью мероприятий [Путято, Макарян, 2020; Суслов и др., 2015; Третьякова, 2022; Кривошлыков и др., 2016].

В работе используются следующие общенаучные методы: формулирование исследовательского вопроса, обзор литературы, изучение предмета исследования, сбор данных, научный анализ, синтез и представление результата. Частные методы: использование принципов стоимостного анализа «затраты/выгоды».

Обеспечение информационной безопасности бизнеса: общее понимание процесса / Ensuring business information security: a common understanding of the process

Обеспечение информационной безопасности бизнеса в общем смысле сосредоточено на устранении рисков и уязвимостей, связанных с хранением, передачей и обработкой цифровых и физических информационных активов. Эти активы могут включать данные клиентов, финансовые отчеты, интеллектуальную собственность, персональные данные, конфиденциальную информацию, служебную или коммерческую тайну. Концептуально процесс обеспечения защиты информации состоит из семи блоков:

- 1) оценка, анализ, управление рисками;
- 2) стандарты, политики и процедуры безопасности;
- 3) контроль доступа и аутентификация;
- 4) защита данных и шифрование (криптография);
- 5) мониторинг информационной безопасности и реагирование на инциденты;
- 6) соблюдение требований законодательства;
- 7) осведомленность сотрудников и обучение.

Оценка рисков включает выявление и анализ потенциальных угроз информационным активам, таких как несанкционированный доступ к информации со стороны хакеров, утечка данных, инсайдерские угрозы, физическое хищение информации

источников или чрезвычайные обстоятельства, включая форс-мажоры и стихийные бедствия.

Разработка и внедрение политик, руководящих принципов и процедур относится к формированию локальных нормативных актов в области информационной безопасности организации. Уровень, количество и детализация локальных нормативных актов зависит от масштаба бизнеса, вместе с этим политика информационной безопасности является базовым документом для любой организации.

Контроль доступа и аутентификация включают внедрение механизмов, гарантирующих, что только авторизованные лица могут получить доступ к конфиденциальной информации. Это может включать такие технологии, как надежные пароли, многофакторная аутентификация, списки контроля доступа и его средства на основе ролей. В любом случае контроль доступа и аутентификация – неотъемлемая часть системы обеспечения информационной безопасности любого бизнеса.

Защита данных и шифрование (криптография) помогают предотвратить несанкционированный доступ или перехват информации, гарантируя, что даже в случае компрометации данных они останутся защищенными от злоумышленников. Независимо от масштаба бизнеса любая организация в своей деятельности имеет дело с персональными данными, которые должны быть надежно защищены.

Мониторинг информационной безопасности и реагирование на инциденты – постоянно осуществляемые действия в рамках комплексного обеспечения защиты информации хозяйствующего субъекта. Успешность реализации этого блока одновременно включает в себя использование технических средств защиты и обеспеченность организации квалифицированными кадрами.

Соблюдение требований законодательства – обязательные для исполнения нормативно-правовые требования, которые контролируются соответствующими регуляторами в сфере информационной безопасности. Объем организационных мероприятий коррелирует с блоком «стандарты, политики и процедуры безопасности» и зависит от масштаба бизнеса и отраслевой принадлежности.

Осведомленность сотрудников и обучение – неотъемлемый блок, решающий в том числе задачу соответствия нормам законодательства, которое за последние пять лет существенно повысило требования к информационной безопасности бизнеса. Повышение осведомленности и обучение сотрудников являются неотъемлемым и процессами для всех блоков обеспечения информационной безопасности.

В настоящем исследовании не делается акцент на детализации нормативно-правовой среды и структуре контролирующих органов, проверяющих соблюдение обязательных мероприятий по обеспечению информационной безопасности бизнеса. Описание составных блоков процесса защиты информации приведено с целью формирования общей модели организации, которая включает экономические аспекты обеспечения информационной безопасности бизнеса. Эта компонентная структура далее рассмотрена с точки зрения «затраты/выгоды» реализации мероприятий по обеспечению информационной безопасности бизнеса.

В практике бизнеса информационная безопасность не содержит в своем понимании экономического эффекта, несмотря на существующие формулы эффективности, где полученную выгоду следует разделить на понесенные затраты. Вместе с этим при обосновании бюджета информационной безопасности ведется калькуляция расходов и указывается сумма потенциальных выгод, которая носит условный характер. Обоснование экономической выгоды от мероприятий по обеспечению информационной безопасности является непростой задачей, так как информационная безопасность не приносит прибыли бизнесу, но обеспечивает непрерывность его существования. В связи с этим потенциальная выгода — это перспектива сохранения непрерывности деятельности хозяйствующего субъекта. В организациях рыночного принципа хозяйствования, деятельность которых сопровождается получением прибыли, расходы на обеспечение информационной безопасности не должны превышать потенциальные выгоды. Другими словами, бюджет на информационную безопасность лимитирован экономическими возможностями организации. Для понимания экономических аспектов обеспечения информационной безопасности бизнеса представленное исследование фокусирует свое внимание на хозяйствующих субъектах рыночного типа хозяйствования.

Затраты и выгоды риск-менеджмента информационной безопасности / Costs and benefits of information security risk management

Обзор прямых и косвенных затрат на обеспечение информационной безопасности сделан на примере первого компонента (блока) информационной безопасности — «оценка, анализ, управление рисками». С экономической точки зрения в процессе оценки, анализа и управления рисками возникают как прямые, так и косвенные затраты (табл. 1). Оценка выгод содержит прямые и потенциальные

(косвенные) преимущества, которые может получить хозяйствующий субъект в результате реализации мероприятий по обеспечению информационной безопасности в сфере управления рисками.

Таблица 1

Затраты и выгоды процесса «оценка, анализ, управление рисками»

Table 1. Costs/benefits of the Information Security Risk Analysis process

	Перечень затрат	Перечень выгод
Прямые	• расходы на персонал; • инструменты и программное обеспечение; • сбор и анализ данных; • внешняя экспертиза; • обучение и сертификация	• идентификация рисков и определение приоритетов; • принятие обоснованных решений; • снижение финансовых потерь; • соблюдение нормативно-правовых требований; • диверсификация ресурсов
Косвенные	• время и усилия на осмысление задач; • простои и сбои в работе; • альтернативные издержки; • затраты на устранение; • риск деловой репутации	• улучшенная система безопасности; • доверие заинтересованных сторон; • непрерывность бизнеса; • защита репутации; • непрерывное совершенствование

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

При рассмотрении последующих компонентов будет использован другой принцип, который лучше описывает «затраты/выгоды»: при анализе затрат и выгод будут учитываться только прямые издержки и выгоды. Такой подход обусловлен тем, что перечень косвенных расходов в большей степени совпадает для всех компонентов и может быть бесконечно расширен, а характер выгод несет в себе лишь потенциальные перспективы независимо от их категории и также имеет высокий уровень схожести.

Безусловные прямые затраты включают расходы на персонал, что является постоянной статьей расходов в процессе обеспечения информационной безопасности бизнеса. Сюда относятся заработная плата как сотрудников организации, в чьи должностные обязанности входит оценка рисков, так и привлеченных специалистов (если процесс передан на аутсорсинг). Для оценки рисков часто требуются специализированные программные продукты для сбора и анализа данных, оценки уязвимостей и составления отчетов. Расходы могут включать лицензионные сборы, подписку или расходы на техническое обслуживание.

Сбор соответствующих данных, проведение интервью или опросов, анализ информации для выявления потенциальных рисков — все это связано с прямыми расходами в виде оплаты труда специалистов. В состав затрат по сбору и анализу данных могут входить расходы, связанные с командировочными расходами для полевых исследований или

закупкой программного обеспечения для анализа данных. В некоторых случаях организациям может потребоваться привлечь внешних экспертов или консультантов, обладающих специализированными знаниями или сертификатами, для проведения оценки рисков.

Обучение и сертификация — это неотъемлемая статья расходов, так как сотрудники службы информационной безопасности должны иметь соответствующий уровень образования и квалификации, а при необходимости должны быть отправлены на программы повышения квалификации или профессиональной переподготовки кадров. Затраты включают стоимость обучения, учебных материалов и сопутствующих платежей (регистрационные или экзаменационные сборы).

Косвенные затраты одинаково относятся ко всем блокам информационной безопасности. Так, время и усилия подразумевают временной лаг, который является важной частью процесса осмысления и подготовки к выполнению поставленных задач. Это включает планирование и подготовку, сбор данных, анализ и составление отчетов, что влечет за собой снижение производительности или потребность в дополнительных ресурсах для решения вопросов, которые связаны с отвлечением кадрового потенциала от основных обязанностей.

Следующий аспект затрат — возможные простои или сбои в производственном процессе. При проведении оценки рисков может возникнуть необходимость временно приостановить определенные бизнес-процессы или услуги для облегчения сбора или анализа данных.

Инвестирование ресурсов в мероприятия по оценке рисков означает отвлечение этих ресурсов от других потенциальных проектов или инициатив. Это может привести к альтернативным издержкам, когда организация отказывается от потенциальных выгод или приносящих доход видов деятельности, чтобы расставить приоритеты в усилиях по оценке рисков. Затраты на устранение возникают в случаях выявления недостатков в средствах контроля рисков системы. В этом случае появляются дополнительные расходы, связанные с внедрением необходимых мер по снижению рисков.

Риск деловой репутации возникает в случаях выявления значительных уязвимостей в системе информационной безопасности организации, которые могут привести к потере доверия клиентов и потенциальным юридическим последствиям (штрафы, возмещение убытков). Возникает уже совсем другой аспект информационной безопасности — этика ведения бизнеса, так как в мировой практике

нередко возникают случаи сокрытия информации о выявленных рисках, а впоследствии случившиеся инциденты становятся достоянием средств массовой информации.

Следует отметить, что конкретные затраты, связанные с оценкой рисков, могут варьироваться в зависимости от таких факторов, как размер и сложность организации, отраслевая принадлежность, объем оценки, требуемый уровень контроля и нормативно-правовые требования регуляторов. Например, исполнение Федерального Закона «О защите персональных данных» одинаково распространяется на все хозяйствующие субъекты и требует обеспечения соответствующего уровня защиты, и в этом случае не может возникать вопрос «затраты/выгоды». При этом, выполняя требования Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (далее — ФСТЭК) в части обеспечения защиты информации, многие организации минимизируют оценку рисков до перечня угроз, определенных в соответствии с методикой органа. Однако это уже другие вопросы, которые не входят в состав задач представленного исследования.

В целом описание прямых и косвенных затрат позволяет сделать денежную оценку (например, по факту калькуляции издержек). Напротив, любая финансовая оценка потенциальных выгод является субъективной, так как денежная премия исключена в контексте обеспечения информационной безопасности бизнеса. Так, идентификация рисков и определение приоритетов позволяют аккумулировать ресурсы на решение целевых задач. Здесь и далее под выгодами понимается возможность экономии ресурсов без денежных поступлений от внедрения мероприятий по устранению риска. Оценка потенциальной выгоды должна производиться экспертным методом, который подразумевает наличие квалифицированных кадров в составе комиссии, оценочные критерии и протоколирование коэффициентов значимости.

В принятии обоснованных решений следует понимать, что риск-менеджмент является составным компонентом общей системы внутреннего контроля и не могут риски информационной безопасности рассматриваться самостоятельно. В принятии обоснованных решений речь идет о том, что следует учитывать влияние угроз информационной безопасности на бизнес, делать осознанный выбор и расставлять приоритеты в ресурсах на основе уровня риска информационной безопасности.

Выявляя и оценивая риски, организации могут внедрять меры по минимизации рисков, которые снижают вероятность и потенциальное воздействие неблагоприятных событий. Потенциальная выгода может измеряться в виде сохранения существующих

функций бизнес-процессов организации. Выявление и устранение потенциальных рисков помогает избежать штрафных санкций или последствий, возникающих в результате несоблюдения требований законодательства.

Диверсификация ресурсов — это потенциальная выгода от высвобождения расходов на информационную безопасность из тех сфер, в которых уровень обеспечения защиты информации уже высокий. Понимая риски и их потенциальное воздействие, организации могут расставлять приоритеты при распределении ресурсов в областях, требующих наибольшего внимания, гарантируя, что они используются там, где наиболее необходимы.

Косвенные выгоды от внедрения риск-менеджмента организации одинаковы для всех блоков обеспечения информационной безопасности бизнеса:

- 1) общее улучшение системы безопасности;
- 2) доверие заинтересованных сторон;
- 3) обеспечение непрерывности бизнеса;
- 4) защита репутации;
- 5) непрерывное совершенствование.

Финансовая оценка выгод от внедрения мероприятий по информационной безопасности всегда является актуальной темой для организаций. Реализация мероприятий по обеспечению информационной безопасности бизнеса включает оценку экономической целесообразности проекта. Вместе с этим расчет потенциальных выгод в денежном эквиваленте будет субъективным, и он будет зависеть от особенностей функционирования хозяйствующего субъекта.

Систематизация «затраты/выгоды» обеспечения информационной безопасности / Systematization of information security costs/benefits

На примере риск-менеджмента описан принцип затрат и потенциальных выгод. Управление рисками является постоянным процессом системы менеджмента информационной безопасности и подразумевает наличие сотрудников, отвечающих за этот процесс. В табл. 2 представлен свод «затраты/выгоды» по всем блокам информационной безопасности бизнеса.

Таблица 2

Затраты/выгоды процесса обеспечения информационной безопасности

Table 2. Costs/benefits of the information security protection process

Блоки ИБ	Перечень затрат	Перечень выгод
Оценка, анализ, управление рисками	– расходы на инструменты и технологии оценки рисков; – выделение ресурсов для проведения регулярных оценок рисков; – время и усилия, необходимые для выявления и анализа потенциальных рисков	– улучшенное понимание структуры рисков организации; – выявление уязвимостей и областей, требующих улучшения; – обоснованное принятие решений по обеспечению информационной безопасности
Стандарты, политики и процедуры безопасности	– разработка и документирование политик и процедур безопасности; – ресурсы, необходимые для распространения информации и обеспечения соблюдения политик; – регулярное обновление политик в соответствии с нормативными требованиями	– четкие рекомендации для сотрудников по приемлемому использованию информационных ресурсов; – последовательные методы обеспечения безопасности во всей организации; – соблюдение отраслевых норм и требований законодательства
Контроль доступа и аутентификация	– внедрение и техническое обслуживание механизмов контроля доступа; – инвестиции в технологии аутентификации (например, биометрические данные, токены); – обучение сотрудников правильному использованию систем контроля доступа	– снижается риск несанкционированного доступа к конфиденциальной информации; – защита от инсайдерских угроз и несанкционированного доступа к данным; – подотчетность и отслеживаемость доступа к критически важным системам и данным
Защита данных и шифрование (криптография)	– внедрение технологий шифрования и управление ими; – ресурсы для управления ключами шифрования; – дополнительные ресурсы на аппаратное и программное обеспечение (процессы шифрования снижают производительность автоматизированных систем)	– защита конфиденциальных данных от несанкционированного доступа или перехвата; – соблюдение правил защиты данных и отраслевых стандартов; – повышение доверия со стороны клиентов и деловых партнеров
Соблюдение требований законодательства	– ресурсы, посвященные мониторингу нормативных актов; – внедрение средств контроля и мер по соблюдению требований комплаенса; – возможные штрафы за несоблюдение требований	– снижение юридических и финансовых рисков, связанных с несоблюдением требований; – повышение доверия и репутации среди клиентов и заинтересованных сторон; – улучшенные методы защиты данных и конфиденциальности

Блоки ИБ	Перечень затрат	Перечень выгод
Осведомленность сотрудников и обучение	– разработка и предоставление учебных материалов, курсов и семинаров; – выделение ресурсов для организации тренингов и программ повышения осведомленности; – время и усилия для постоянного обучения и укрепления сотрудников	– формирование корпоративной культуры информационной безопасности; – улучшенная способность выявлять угрозы безопасности и реагировать на них; – снижение вероятности инцидентов, связанных с социальной инженерией

Примечание: ИБ – информационная безопасность

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Следует отметить, что экономическая эффективность – неотъемлемая часть любого проекта и мероприятия по обеспечению информационной безопасности не являются исключением. В представленном исследовании показано, что оценка потенциальной выгоды от мероприятий по информационной безопасности является субъективной, так как включает ряд нематериальных компонентов (увеличение доверия клиентов, уменьшение риска потери данных, сокращение времени простоя системы). Вместе с этим составление детализированного перечня затрат и выгод является необходимой процедурой в планировании бюджета организации и подразумевает обоснование затрат, связанных с внедрением средств контроля информационной безопасности. Обоснование бюджета основывается на сравнении затрат по обеспечению защиты информации с потенциальными выгодами от мероприятий, что позволяет оценить эффективность системы информационной безопасности.

Заключение / Conclusion

Затраты на информационную безопасность могут включать расходы на приобретение и обновление программного обеспечения, обеспечение безопасных

сетевых соединений, криптографические средства обеспечения безопасности, обучение персонала и аудит безопасности информационных систем. Оценка выгод информационной безопасности может включать защиту от потери конкурентных преимуществ, увеличение уровня доверия и уважения со стороны клиентов, улучшение репутации компании, снижение рисков в случае нарушения безопасности и снижение потерь при инцидентах информационной безопасности.

Следует отметить потенциал для дальнейших исследований в сфере экономики защиты информации, так как современная действительность бизнеса чаще обусловлена выполнением нормативных требований регуляторов рынка без учета потенциальных выгод от инвестиций в информационную безопасность. В связи с этим выгоды от обеспечения информационной безопасности бизнеса – это дальнейший ориентир для формирования культуры информационной безопасности и повышения уровня организационного развития.

Список литературы

Барейко С. Н., Кожухина К. А. Экономическая и информационная безопасность России в условиях цифровой экономики. Наука Красноярск. 2019;5(8):7–18. <https://doi.org/10.12731/2070-7568-2019-5-7-18>

Бычкова С. М., Макарова Н. Н. Анализ информационной безопасности в контексте системы экономической безопасности сетевого взаимодействия субъектов. ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2022;4:86–98. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-4-86-98>

Королев В. И., Гаврилов В. Е. Информационные системы цифровой экономики и подходы к обеспечению их информационной безопасности. Системы высокой доступности. 2019;1(15):38–46. DOI <https://doi.org/10.18127/j20729472-201901-05>

References

Bareiko S. N., Kozhukhina K. A. Economic and information security of Russia in the digital economy. Science of Krasnoyarsk. 2019;5(8):7–18. <https://doi.org/10.12731/2070-7568-2019-5-7-18> (In Russian).

Beautement A., Sasse A. The economics of user effort in information security. Computer Fraud & Security. 2009;10:8–12.

Bychkova S. M., Makarova N. N. Analysis of information security in the context of the economic security system of network interaction of subjects. ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice. 2022;4:86–98. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-4-86-98> (In Russian).

Chastikova V. A., Sheludko M. A. Implementation of an expert system to identify current threats to the security of enterprise

Кривошлыков В.С., Жахов Н.В., Фомичева Л.М. Управление угрозами экономической безопасности: обзор теоретических концепций. Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2016;9:69–74.

Кулагина Н.А., Чепикова Е.М., Мугутдинов Р.М. Механизм выявления угроз экономической безопасности цифрового предприятия в инновационных условиях ведения бизнеса. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022;1(12):115–126. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-115-126>

Леднева О.В. Развитие цифровой экономической трансформации в аспекте кибербезопасности и конфиденциальности пользователей России. Вопросы инновационной экономики. 2022;1(12):81–94. <https://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114255>

Оганесян Л.Л., Козырь Н.С. Проектное управление в информационной безопасности. Вестник Академии знаний. 2023;4(57):207–209.

Петренко С.А. Оценка затрат на кибербезопасность. Труды Института системного анализа Российской академии наук. 2006;27:234–265.

Пуятто М.М., Макарян А.С. Кибербезопасность как неотъемлемый атрибут многоуровневого защищенного киберпространства. Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. 2020;3(51):94–102. <https://doi.org/10.21672/2074-1707.2020.51.1.094-102>

Седых Н.В., Фоканов И.П. Проблемы и перспективы развития технологии искусственного интеллекта. Естественно-гуманитарные исследования. 2022;44(6):266–267.

Созаева Д.А. Внедрение риск ориентированного управления регулируемые закупками. Проблемы теории и практики управления. 2021;9:33–47. <https://doi.org/DOI 10.46486/0234-4505-2021-9-33-47>

Суслов С.А. Роль информационных технологий в повышении конкурентоспособности региональных рынков. Дискуссия. 2015;8(60):45–49.

Третьякова С.Н. ESG-повестка устойчивого развития в условиях новых российских реалий. Экономика: теория и практика. 2022;2(66):36–41. https://doi.org/10.31429/2224042X_2022_66_36

Частикова В.А., Шелудько М.А. Реализация экспертной системы для определения актуальных угроз безопасности информации предприятий. Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2022;3:80–89.

Gao X., Gong S., Wang, Y., Wang X., Qiu M. An economic analysis of information security decisions with mandatory security standards in resource sharing environments. Expert Systems with Applications. 2022;206:117894.

Beauteument A., Sasse A. The economics of user effort in information security. Computer Fraud & Security. 2009;10:8–12.

Huang C.D., Behara R.S. Economics of information security investment in the case of concurrent heterogeneous attacks with budget constraints. International Journal of Production Economics. 2012;1(141):255–268.

information. Scientific works of KubSTU. 2022;3:80–89. (In Russian).

Gao X., Gong S., Wang, Y., Wang X., Qiu M. An economic analysis of information security decisions with mandatory security standards in resource sharing environments. Expert Systems with Applications. 2022;206:117894.

Huang C.D., Behara R.S. Economics of information security investment in the case of concurrent heterogeneous attacks with budget constraints. International Journal of Production Economics. 2012;1(141):255–268.

Korolev V.I., Gavrilov V.E. Information systems of the digital economy and approaches to ensuring their information security. High Availability Systems. 2019;1(15):38–46. DOI <https://doi.org/10.18127/j20729472-201901-05>

Krivoslykov V.S., Zhakhov N.V., Fomicheva L.M. Managing threats to economic security: a review of theoretical concepts. Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. 2016;9:69–74. (In Russian).

Kulagina N.A., Chepikova E.M., Mugutdinov R.M. Mechanism for identifying threats to the economic security of a digital enterprise in an innovative business environment. Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management, 2022;1(12):115–126. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-115-126> (In Russian).

Ledneva O.V. Development of digital economic transformation in the aspect of cybersecurity and privacy of Russian users. Issues of innovative economy. 2022;1(12):81–94. <https://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114255> (In Russian).

Oganessian L.L., Kozyr N.S. Project management in information security. Bulletin of the Academy of Knowledge. 2023;4(57):207–209. (In Russian).

Petrenko S.A. Assessment of cybersecurity costs. Proceedings of the Institute of System Analysis of the Russian Academy of Sciences. 2006;27:234–265. (In Russian).

Putyato M.M., Makaryan A.S. Cybersecurity as an integral attribute of multilevel protected cyberspace. Caspian Journal: Management and High Technologies. 2020;3(51):94–102. <https://doi.org/10.21672/2074-1707.2020.51.1.094-102> (In Russian).

Sedykh N.V., Focanov I.P. Problems and prospects of artificial intelligence technology development. Natural sciences and humanities research. 2022;44(6):266–267. (In Russian).

Sozaeva D.A. Introduction of risk-oriented management of regulated purchases. Problems of theory and practice of management. 2021;9:33–47. <https://doi.org/DOI 10.46486/0234-4505-2021-9-33-47> (In Russian).

Suslov S.A. The role of information technologies in increasing the competitiveness of regional markets. Discussion. 2015;8(60):45–49. (In Russian).

Tretyakova S.N. ESG-agenda of sustainable development in the conditions of new Russian realities. Economics: Theory and Practice. 2022;2(66):36–41. https://doi.org/10.31429/2224042X_2022_66_36 (In Russian).

УДК 001.895: 332.14
Получено: 15.09.2023

JEL R11
Статья доработана после рецензирования: 23.11.2023

DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-119-128>
Принято: 30.11.2023

Региональные экономические диспропорции и устойчивость региональных экономических систем в условиях санкций 2022 г.

Афонин Сергей Евгеньевич¹

Соискатель

ORCID: 0000-0002-9928-2153, e-mail: afonins1307@rambler.ru

Осипов Владимир Сергеевич²

Д-р экон. наук, проф. каф. управления активами

ORCID: 0000-0003-3109-4786, e-mail: vs.ossipov@gmail.com

¹Национальный исследовательский технологический университет МИСИС,
119049, Ленинский пр-т, 4, стр. 1, г. Москва, Россия

²Московский государственный институт международных отношений Министерства
иностраннх дел Российской Федерации, 119454, пр-т Вернадского, 76, г. Москва, Россия

Аннотация

В современных экономических и политических условиях первостепенной задачей является стремление к технологической независимости и самодостаточности экономики с максимальной опорой в развитии на собственные ресурсы, при этом не исключая экономической экспансии за счет повышения конкурентоспособности экономики на мировом рынке. Ключевым конкурентным фактором является инновационность продукции и услуг, а также степень внедрения наиболее передовых производственных технологий, которые в сумме оказывают решающее влияние на эффективность экономики как на внешнем, так и на внутреннем рынках. Повсеместное развитие тенденций глобализации, цифровизации, современных средств связи и коммуникации, важность территориального фактора замещаются факторами технологического, научного и инновационного развития. В связи с этим является актуальной задача исследования данных процессов и поиска факторов, влияющих на качественный рост эффективности процессов и произведенной продукции. В настоящем исследовании с использованием математико-статистических методов установлено, что решающее значение для эффективности экономики в национальном масштабе является величина расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Данный показатель оказывает прямое воздействие на инновационные процессы как в стране в целом, так и в отдельных регионах. Однако одним из существенных препятствий в развитии и обеспечении устойчивости региональных экономик является гиперконцентрация научных расходов в нескольких регионах страны, что оказывает негативное влияние на эффективность регионального развития.

Ключевые слова: дифференциация регионов, инновации, инновационное управление, конкурентоспособность, НИОКР, региональные диспропорции, санкции, управление регионом, эффективность

Для цитирования: Афонин С.Е., Осипов В.С. Региональные экономические диспропорции и устойчивость региональных экономических систем в условиях санкций 2022 г. // Управление. 2023. Т. 11. № 4. С. 119–128. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-119-128

Regional economic disproportions and sustainability of regional economic systems under the 2022 sanctions

Sergey Ye. Afonin¹

Applicant

ORCID: 0000-0002-9928-2153, e-mail: afonins1307@rambler.ru

Vladimir S. Osipov²

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Asset Management Department

ORCID: 0000-0003-3109-4786, e-mail: vs.ossipov@gmail.com

¹National University of Science and Technology "MISIS", 4, bld. 1, Leninskiy prospect, Moscow 119049, Russia

²Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76, prospect Vernadskogo, Moscow 119454, Russia

Abstract

In the current economic and political environment, the primary task is to strive for technological independence and self-sufficiency of the economy with maximum reliance on its own resources in development, while not excluding economic expansion by increasing competitiveness of the economy in global market. The key competitive factor is innovativeness of products and services, as well as the degree of the most advanced production technologies implementation, which together have a decisive impact on the economy efficiency in both external and domestic markets. The widespread development of globalization trends, digitalization, modern means of communication, the territorial factor importance are replaced by the factors of technological, scientific, and innovative development. In this regard, it is an urgent task to study these processes and search for factors affecting the qualitative growth of processes and manufactured products efficiency. In the present study, using mathematical and statistical methods, it has been established that the decisive value for the economy efficiency on a national scale is the value of expenditures on research and development and experimental-construction works. This indicator has a direct impact on innovation processes both in the country as a whole and in individual regions. However, one of the significant obstacles in development and sustainability of regional economies is hyperconcentration of scientific expenditures in a few regions that has a negative impact on regional development efficiency.

Keywords: differentiation of regions, innovations, innovation management, competitiveness, R&D, regional imbalances, sanctions, regional management, efficiency

For citation: Afonin S.Ye., Osipov V.S. (2023). Regional economic disproportions and sustainability of regional economic systems under the 2022 sanctions. *Upravlenie / Management (Russia)*, 11 (4), pp. 119–128. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-119-128

Введение / Introduction

Как свидетельствует Д.М. Журавлев, в условиях складывающихся на сегодняшний день глобализационных процессов и усложнения экономических взаимоотношений территориальный фактор как основной признак и определяющая детерминанта в развитии региона утрачивает свое первоначальное значение. На первое место выходит способность минимизации издержек производства и повышение конкурентоспособности за счет расширения использования инновационных процессов и наращивания выпуска наиболее востребованной наукоемкой и высокотехнологичной продукции [Журавлев, 2018].

По мнению исследователя, одним из ключевых показателей качества экономического пространства региона является уровень развития технологий, управленческих решений, оборудования, процессов и методов производства, результатом которых является получение инновационной продукции и товаров. С такой оценкой нельзя не согласиться, и, следовательно, можно считать, что региональные диспропорции в степени устойчивости региональных экономических систем заключаются прежде всего в различном уровне инновационного развития отдельных территорий. Особое значение экономическая дифференциация регионов принимает в условиях санкций, когда становятся недоступными привычные зарубежные технологические и процессинговые решения в промышленном, сельскохозяйственном, транспортном, социально-бытовом и других направлениях. Влияние санкционных рисков может быть нивелировано только с опорой на собственные новаторские решения в разных областях региональной экономики.

В настоящее время Российская Федерация (далее – РФ, Россия) значительно отстает в рейтингах инновационной активности от развитых стран мира, что связано в первую очередь с экспортно-сырьевой направленностью экономики и низким уровнем инноваций в сфере [Адбулова, 2022; Дорошенко и др., 2020]. Инновационное развитие является важнейшим определяющим фактором конкурентоспособности на мировых рынках и повышения эффективности экономики [Акбердина и др., 2020; Дорошенко и др., 2022]. Особую важность оно приобрело после ужесточения санкционного режима против России в 2022 г., когда первоочередными задачами стали ускорение движения к достижению технологической независимости страны от зарубежных технических решений и стремление к укреплению экономической безопасности национальной экономики [Голова, 2022; Кузнецова, 2021].

Обзор источников и методологии исследования / Research resources and methodology review

Поступательное экономическое развитие России, по мнению В.В. Акбердиной, определяется степенью пространственного развития и находится в прямой зависимости от степени региональных диспропорций [Акбердина и др., 2020]. В теоретическом аспекте национальная экономика складывается из ряда малых региональных экономических систем, поэтому равномерное развитие отдельных регионов является ключевой государственной задачей. Степень конкурентоспособности региональной экономики определяется набором индивидуальных социально-экономических параметров, и одними из важнейших являются эффективность и инновационный потенциал. В настоящем исследовании будет предпринята попытка оценить эти факторы в разрезе отдельных регионов страны.

Текущее состояние инновационного прогресса в стране характеризуется многолетней недофинансированностью научно-технического сектора. Л.В. Силакова указывает, что стратегические задачи развития российской экономики далеки от оптимальных показателей: например, уровень расходов на исследования и разработки находится на уровне 1 % валового внутреннего продукта при оптимальной величине в 3 % [Силакова, 2021]. Между тем ряд авторов, в частности, В.Н. Минат и В.А. Цукерман, отмечают, что развитие наукоемких и высокотехнологичных производств невозможно без соответствующего увеличения расходов на науку, так как государства-лидеры по объему высокотехнологичной продукции демонстрируют одновременно с этим и наивысший уровень расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (далее – НИОКР) [Минат, 2021; Цукерман, 2021].

Резонно сделать предположение, что точно так же, как и при межгосударственных сравнениях, дифференциация регионов по уровню инновационного развития является прямым следствием региональных диспропорций в величине финансирования научных разработок. Однако данный параметр – далеко не единственная характеристика, позволяющая оценить разницу в инновационном потенциале регионов, и ряд авторов предлагают достаточно широкий список подобных характеристик [Голова, 2019; Гусельникова, 2020; Голова, Суховой, 2019]. Судя по расчетам В.Н. Мината и В.А. Цукермана, влияние финансового фактора в данном случае является определяющим. В настоящем исследовании с использованием математико-статистических методов

будет проведен анализ данных Федеральной службы государственной статистики (далее — Росстат) с целью проверки данной гипотезы.

Мы согласны с мнением Э.М. Оганян о том, что региональные инновационные программы являются основой государственной инновационной стратегии [Оганян, 2021]. В связи с этим одной из задач, преследуемых в настоящем исследовании, является определение эффективности региональной научно-исследовательской и конструкторской деятельности. При этом под эффективностью в контексте текущей работы следует понимать соотношение между расходами на НИОКР и стоимостью произведенной инновационной продукции для каждого региона в отдельности. В таком случае мы выявим характеристику результативности научной деятельности в виде получения инновационных продуктов. Однако было бы ошибочно ограничиться лишь оценкой эффективности продуктовых инноваций.

Ю.И. Селиверстов называл количество используемых передовых производственных технологий необходимым условием поддержания конкурентоспособности региона [Селиверстов, 2020]. Следовательно, одним из показателей эффективности инноваций уже в смысле использования передовых технических процессов, а не получения новых продуктов с более высокими качественными характеристиками может быть также соотношение затрат на научную деятельность с количеством используемых производственных технологий. Проще говоря, первый показатель эффективности НИОКР отражает продуктовые инновации, а второй — процессные инновации в каждом регионе страны.

Ключевым источником информации исследования являются статистические индикаторы, представленные Росстатом в разделах «Наука, инновации и технологии» и «Технологическое развитие отраслей экономики». Для обработки представленных данных использованы математико-статистический и табличный методы.

Общие показатели эффективности НИОКР в России / General indicators of R&D efficiency in Russia

Для удобства восприятия информации основная часть работы разбита на 3 раздела. Вначале приведены общие показатели эффективности научно-исследовательской деятельности в России без разбивки по регионам. В двух последующих разделах последовательно оценивается результативность НИОКР в плане выпуска инновационной продукции и использования передовых производственных технологий. Отмечаются особенности распределения показателей по регионам, анализируются причины региональной дифференциации и степень ее влияния на устойчивость региональных экономических систем.

В начале исследования стоит сделать ретроспективный экскурс в разрезе обсуждаемых индикаторов результативности научно-исследовательских работ в масштабах всей страны. С точки зрения наиболее полного и объективного представления целесообразнее всего отобразить анализируемые и расчетные показатели в табличном виде (табл. 1).

Таблица 1

Общие показатели эффективности научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в России за 2005–2021 гг.

Table 1. General R&D performance indicators in Russia for 2005–2021

Показатель	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Общая величина затрат на НИОКР, млрд руб. (в фактических ценах)	231	523	700	915	944	1 019	1 028	1 135	1 175	1 301
то же, в % к валовому внутреннему продукту	1,1	1,1	1,0	1,1	1,1	1,1	1,0	1,0	1,1	1,0
Объем инновационных товаров, работ, услуг, млрд руб.	–	1 244	2 873	3 843	4 364	4 167	4 516	4 863	5 189	6 003
Эффективность продуктовых инноваций (выработка инновационных товаров на 1 руб. НИОКР), руб.	–	2,4	4,1	4,2	4,6	4,1	4,4	4,3	4,4	4,6
Используемые передовые производственные технологии, тыс. ед.	141	203	191	218	232	240	255	263	243	257
Эффективность процессинговых инноваций (применение передовых технологий на 1 млн руб. НИОКР), ед.	0,61	0,39	0,27	0,24	0,25	0,24	0,25	0,23	0,21	0,20

Примечание: НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы

Составлено авторами по материалам источника [Адбулова, 2022; Дорошенко, 2020] / Compiled by the authors on the materials of the source [Adbulova, 2022; Doroshenko, 2020]

Как видно из табл. 1, с 2012 г. результативность продуктовых инноваций представляет собой примерно одинаковую величину, что полностью согласуется с предположением таких авторов, как В.Н. Минат и В.А. Цукерман, о прямой взаимосвязанности развития наукоемких и высокотехнологичных производств с расходами на научные исследования [Минат, 2021; Цукерман, 2021]. Этот тезис полностью подтверждается тем фактом, что индикатор эффективности представляет собой постоянную величину и любое повышение или понижение расходов на науку влечет за собой однотипное изменение объема инновационных товаров, работ или услуг.

Отклонение показателя, наблюдаемое в 2010 г., связано с последствиями мирового кризиса 2008–2009 гг. и общим падением промышленного производства при продолжавшемся росте научного финансирования. Другими словами, стабильный показатель эффективности 1 руб. НИОКР равен 4–5 руб. выпуска инновационной продукции и может иногда изменяться в связи с негативными явлениями в экономике. Тем не менее ни санкции 2014–2015 гг., ни значительное падение экономики в ходе коронавирусной пандемии 2020 г. не смогли нарушить это соотношение. Это характеризует данные периоды как менее негативно повлиявшие на уровень производства инновационной продукции.

Что касается второго показателя, эффективность процессных инноваций логичным образом с годами должна уменьшаться в силу естественных инфляционных процессов. Одна и та же технология с точки зрения ее технологической сложности и ресурсного наполнения будет постепенно дорожать, исходя из того, что стоимость составляющих ее компонентов увеличивается по причине инфляции материалов и услуг. Мы не находим противоречий в сокращении эффективности процессинговых инноваций, отраженных в последней строке табл. 1. Существенным было бы значительное падение показателя, но, напротив, наблюдается медленное понижение стоимости одной технологии до величины около 200 тыс. руб. в настоящее время.

Несмотря на рост затрат на НИОКР в фактическом исчислении, следует отметить, что на протяжении ряда лет они составляют примерно одну и ту же долю валового внутреннего продукта. Это свидетельствует об отсутствии позитивных изменений в стратегии инновационного развития страны и ошибочном предположении, что повышения эффективности и конкурентоспособности экономики можно достичь без существенного наращивания расходов на научно-исследовательскую деятельность. Отрицательным моментом также является многолетняя недофинансированность научного сектора, поскольку

при существующем уровне расходов в 1 % оптимальная величина, характерная для развитых экономик, составляет не менее 3 % от валового внутреннего продукта. Между тем, судя по динамике показателя, нет никаких оснований предполагать, что оптимальная величина расходов на науку будет достигнута хотя бы в отдаленном будущем.

В целом данные табл. 1 можно интерпретировать как подтверждение гипотезы о возможности и верности расчета эффективности продуктовых и процессных инноваций через соотношение расходов на НИОКР с выпуском инновационной продукции и использованием передовых производственных технологий как наиболее простого и наглядного метода. После удостоверения в доказанности нашего предположения можно перейти непосредственно к межрегиональным оценкам.

Показатели региональной эффективности НИОКР по выработке инновационной продукции / Indicators of regional efficiency of R&D to produce innovative products

Рассмотрим показатели эффективности НИОКР в России и ее регионах в 2021 г. (табл. 2).

Как видно из табл. 2, в показателях эффективности НИОКР наблюдается значительный разброс показателей по регионам от 0,49 руб. в Республике Крым до 100 руб. в Брянской области. Столь значительное расхождение связано с рядом факторов, среди которых разница в экономическом развитии регионов, в величине человеческого потенциала и в различной производственной специфике.

Главной причиной является концентрация научно-исследовательской деятельности (и, соответственно, расходов на НИОКР) в нескольких регионах-лидерах. Среди них стоит назвать Москву, Московскую область, Санкт-Петербург, Нижний Новгород (табл. 3).

Как видно из табл. 3, на топ-4 регионов по величине научных расходов приходится около 2/3, а на Москву – 35,4 %. Еще 14 регионов продуцируют примерно 24 % расходов на научные исследования и разработки в стране. Лишь немногим более 10 % финансирования НИОКР осуществляется в остальных 71 регионах. Надо понимать, что результаты научной деятельности, производимой в четырех регионах-лидерах, находят использование на всей территории страны и в каждом отдельном регионе. В связи с этим значительный разброс показателей эффективности НИОКР из табл. 2 связан прежде всего с неравномерностью размещения научных учреждений, расходов на НИОКР и преимущественным их сосредоточением всего в четыре регионах, в первую очередь в Москве и Московской области.

Таблица 2

**Показатели эффективности научно-исследовательские
и опытно-конструкторские работы в России и ее регионах в 2021 г.**

Table 2. R&D performance indicators in Russia and its regions in 2021

Регион	X1, руб.	Регион	X1, руб.	Регион	X1, руб.
Россия в целом	4,61	Южный федеральный округ	6,20	Курганская обл.	12,20
Центральный федеральный округ	2,95	Адыгея	10,45	Свердловская обл.	6,80
Белгородская обл.	48,14	Калмыкия	1,23	Тюменская обл.	10,46
Брянская обл.	100,39	Крым	0,49	в т.ч.:	
Владимирская обл.	6,21	Краснодарский край	3,95	Ханты-Мансийский автономный округ	10,05
Воронежская обл.	3,43	Астраханская обл.	1,02	Ямало-Ненецкий автономный округ	13,24
Ивановская обл.	14,83	Волгоградская обл.	4,43	Тюменская обл. без автономного округа	10,47
Калужская обл.	5,08	Ростовская обл.	9,84	Челябинская обл.	0,72
Костромская обл.	21,62	Севастополь	1,51	Сибирский федеральный округ	3,28
Курская обл.	4,48	Северо-Кавказский федеральный округ	11,85	Алтай	12,27
Липецкая обл.	63,25	Дагестан	2,27	Тыва	0,73
Московская обл.	3,33	Ингушетия	1,65	Хакасия	3,77
Орловская обл.	7,57	Кабардино-Балкария	...	Алтайский край	6,25
Рязанская обл.	19,23	Карачаево-Черкессия	0,58	Красноярский край	3,13
Смоленская обл.	4,40	Северная Осетия	0,98	Иркутская обл.	0,69
Тамбовская обл.	20,11	Чечня	...	Кемеровская обл.	12,15
Тверская обл.	10,31	Ставропольский край	27,11	Новосибирская обл.	1,10
Тульская обл.	15,91	Приволжский федеральный округ	8,65	Омская обл.	16,39
Ярославская обл.	3,26	Башкортостан	15,28	Томская обл.	1,12
Москва	1,73	Марий Эл	48,56	Дальневосточный федеральный округ	6,48
Северо-Западный федеральный округ	5,46	Мордовия	83,83	Бурятия	8,42
Карелия	10,31	Татарстан	35,15	Саха (Якутия)	0,86
Коми	2,09	Удмуртия	24,98	Забайкальский край	–
Архангельская обл.	16,43	Чувашия	12,59	Камчатский край	1,98
в т.ч.		Пермский край	4,16	Приморский край	2,04
Ненецкий автономный округ	–	Кировская обл.	7,26	Хабаровский край	38,88
Архангельская обл. без автономного округа	–				
Вологодская обл.	15,93	Нижегородская обл.	2,06	Амурская обл.	2,55
Калининградская обл.	2,76	Оренбургская обл.	76,85	Магаданская обл.	2,19
Ленинградская обл.	8,41	Пензенская обл.	5,81	Сахалинская обл.	2,24
Мурманская обл.	44,76	Самарская обл.	7,66	Еврейская автономная область	–
Новгородская обл.	10,36	Саратовская обл.	2,23	Чукотский автономный округ	–
Псковская обл.	5,85	Ульяновская обл.	2,78		
Санкт-Петербург	4,18	Уральский федеральный округ	5,68		

Примечание: X1 – Эффективность продуктовых инноваций (выработка инновационных товаров на 1 руб. научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы), руб.

Составлено авторами по материалам источника [Голова, 2022; Кузнецова, 2021] / Compiled by the authors on the materials of the source [Golova, 2022; Kuznetsova, 2021]

Таблица 3

**Расходы на научно-исследовательские
и опытно-конструкторские работы в России
и ее регионах в 2021 г.**

Table 3. R&D spending in Russia and its regions in 2021

Регион	Расходы, млн руб.	Доля, %
Российская Федерация	1 301 491	100
Москва	460 696	35,4
Московская обл.	151 201	11,6
Санкт-Петербург	149 127	11,5
Нижегородская обл.	90 491	7,0
Свердловская обл.	33 422	2,6
Новосибирская обл.	30 996	2,4
Красноярский край	29 558	2,3
Челябинская обл.	29 459	2,3
Самарская обл.	26 009	2,0
Республика Татарстан	22 453	1,7
Тюменская обл.	22 062	1,7
Пермский край	21 689	1,7
Тюменская обл. без автономного округа	19 433	1,5
Ульяновская обл.	18 547	1,4
Томская обл.	16 438	1,3
Ростовская обл.	14 300	1,1
Республика Башкортостан	13 250	1,0
Воронежская обл.	11 108	0,9
Краснодарский край	10 346	0,8
Остальные регионы	33 422	10,1

Примечание: показаны регионы с величиной расходов на НИОКР выше 10 млрд руб.

Составлено авторами по материалам источника [Минат, 2021; Цукерман, 2021] / Compiled by the authors on the materials of the source [Minat, 2021; Tsukerman, 2021]

Наблюдаемые региональные диспропорции в величине расходов на научные исследования и разработки негативно влияют на устойчивость региональных экономических систем, поскольку слишком неравномерное распределение научно-исследовательских заведений несет в себе риски военно-политического характера, что сейчас имеет значение в сложившихся в 2022 г. внешнеполитических обстоятельствах. Кроме того, это ставит большинство регионов в зависимое положение от регионов-лидеров, поскольку наибольший эффект от НИОКР будет достигаться в регионе территориального нахождения научно-исследовательских заведений.

Следовательно, данные табл. 2 следует интерпретировать не только как характеристику диффе-

ренциации регионов по эффективности продуктовых инноваций, но и как показатель значительного расхождения в уровнях финансирования науки. Именно по этой причине Костромская область Ингушетия демонстрируют высокие показатели эффективности продуктовых инноваций, но это объясняется практически полным отсутствием расходов на научные разработки в данных регионах. Таким образом, данные из табл. 3 являются иллюстрацией непропорционального научного развития регионов, что имеет прямое влияние и на их экономическую устойчивость как единой хозяйственной системы. Стоит также отметить, что показатели эффективности продуктовых инноваций при таком подходе и разновидности расчета – это наиболее подходящие и объективные для оценки общегосударственной динамики индикатора или для международных сравнений.

Ю.И. Селиверстов, отмечая низкий вклад регионов страны в инноватику считает, что развитие региональной инновационной деятельности является перспективной точкой роста для повышения уровня конкурентоспособности как отдельных регионов, так и всей экономической системы в целом [Селиверстов, 2020].

**Показатели региональной эффективности
НИОКР по использованию передовых
производственных технологий / Indicators
of R&D regional efficiency on the use
of advanced production technologies**

Рассмотрим показатели эффективности процессинговых инноваций в России и ее регионах за 2021 г.

Данные табл. 4 в целом подтверждают выводы предыдущего раздела о значительном региональном расслоении в области финансирования научного сектора, что ведет к наблюдаемому разбросу показателей эффективности процессинговых инноваций в регионах России. В лидерах снова находятся регионы с практически отсутствующими в масштабах страны расходами на науку – Костромская область, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа, Псковская область. При этом лидеры финансирования НИОКР – Москва и Санкт-Петербург – демонстрируют кажущееся отставание в эффективности расходов, сравнимое с Республикой Крым. Необходимо сделать замечание, что наблюдаемые в табл. 4 индикаторы следует расценивать как подтверждение региональных экономических диспропорций в таком ключевом факторе инновационного развития, как расходы на научные исследования.

Таблица 4

Показатели эффективности процессинговых инноваций в России и ее регионах за 2021 г.

Table 4. Performance indicators of processing innovations in Russia and its regions for 2021

Регион	X2, ед.	Регион	X2, ед.	Регион	X2, ед.
Россия в целом	0,20	Южный федеральный округ	0,41	Курганская обл.	2,70
Центральный федеральный округ	0,11	Адыгея	1,11	Свердловская обл.	0,49
Белгородская обл.	0,85	Калмыкия	0,95	Тюменская обл.	0,41
Брянская обл.	5,06	Крым	0,08	в т.ч.:	
Владимирская обл.	1,51	Краснодарский край	0,48	Ханты-Мансийский автономный округ	0,95
Воронежская обл.	0,28	Астраханская обл.	1,00	Ямало-Ненецкий автономный округ	17,18
Ивановская обл.	1,03	Волгоградская обл.	0,54	Тюменская обл. без автономного округа	0,12
Калужская обл.	0,50	Ростовская обл.	0,31	Челябинская обл.	0,22
Костромская обл.	20,71	Севастополь	0,40	Сибирский федеральный округ	0,25
Курская обл.	0,47	Северо-Кавказский федеральный округ	0,49	Алтай	2,56
Липецкая обл.	4,19	Дагестан	0,45	Тыва	0,38
Московская обл.	0,11	Ингушетия	0,98	Хакасия	4,69
Орловская обл.	1,96	Кабардино-Балкария	0,52	Алтайский край	1,14
Рязанская обл.	1,20	Карачаево-Черкессия	0,21	Красноярский край	0,14
Смоленская обл.	1,13	Северная Осетия	0,45	Иркутская обл.	0,46
Тамбовская обл.	1,98	Чечня	0,71	Кемеровская обл.	2,13
Тверская обл.	0,68	Ставропольский край	0,50	Новосибирская обл.	0,11
Тульская обл.	0,53	Приволжский федеральный округ	0,34	Омская обл.	0,46
Ярославская обл.	0,38	Башкортостан	0,49	Томская обл.	0,11
Москва	0,03	Марий Эл	5,60	Дальневосточный федеральный округ	0,44
Северо-Западный федеральный округ	0,15	Мордовия	2,20	Бурятия	0,67
Карелия	0,79	Татарстан	0,30	Саха (Якутия)	0,26
Коми	0,63	Удмуртия	2,86	Забайкальский край	2,61
Архангельская обл.	0,73	Чувашия	1,25	Камчатский край	0,32
в т.ч.		Пермский край	0,75	Приморский край	0,15
Ненецкий автономный округ	6,62	Кировская обл.	0,87	Хабаровский край	0,86
Архангельская обл. без автономного округа	0,63				
Вологодская обл.	2,95	Нижегородская обл.	0,10	Амурская обл.	1,31
Калининградская обл.	0,76	Оренбургская обл.	1,58	Магаданская обл.	0,48
Ленинградская обл.	0,30	Пензенская обл.	0,41	Сахалинская обл.	0,44
Мурманская обл.	0,45	Самарская обл.	0,28	Еврейская автономная область	–
Новгородская обл.	0,99	Саратовская обл.	0,81		
Псковская обл.	8,05	Ульяновская обл.	0,10	Чукотский автономный округ	–
Санкт-Петербург	0,07	Уральский федеральный округ	0,39		

Примечание: X2 – Эффективность процессных инноваций (применение передовых технологий на 1 млн руб. научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы), ед.

Составлено авторами по материалам источника [Минат, 2021; Цукерман, 2021] / Compiled by the authors on the materials of the source [Minat, 2021; Tsukerman, 2021]

Заключение / Conclusion

В ходе проведенного исследования подтвердился ряд выводов отечественных экспертов о значительном отставании России в инновационности и конкурентоспособности национальной экономики, первопричиной чего является стабильно низкий уровень расходов на научную деятельность. Именно первопричина недофинансированности сектора разработок новых продуктов, технических процессов и оборудования влечет за собой отставание в конкурентоспособности отечественных товаров и услуг на внешнем и внутреннем рынках.

Из динамики многих показателей с применением математико-статистических методов установлено, что величина финансирования НИОКР оказывает прямое влияние на ход инновационных процессов в стране. Например, увеличение расходов на науку на 1 руб. приносит примерно 4–5 руб. выручки от реализации инновационных товаров и услуг. Причем на протяжении последних лет это соотношение неизменно.

Также в прямой связи находится степень распространенности и применения передовых технологических процессов в национальном экономическом поле. Исходя из полученных в ходе настоящего

исследования промежуточных выводов, необходимо отметить, что отсутствие положительной динамики расходов на НИОКР является главным препятствием инновационного прорыва в отечественной экономике. Продолжающаяся уже не одно десятилетие стагнация в финансировании науки находится в противоречии с декларируемыми планами об инновационном развитии и стремлении к технологическому суверенитету с целью нивелирования отрицательного воздействия санкций государств коллективного Запада против России. Любое нацеленное на положительный результат решение в данном направлении в обязательном порядке должно содержать увеличение общей величины затрат на научно-исследовательскую деятельность как в абсолютном выражении, так и в отношении к валовому внутреннему продукту.

Что касается анализа инновационных процессов в регионах, можно заключить, что наблюдаемые региональные диспропорции в величине научного финансирования ведут к снижению устойчивости региональных экономических систем, так как только прорыв в науке может привести к желаемому результату в виде инновационного прогресса в отдельных регионах и национальной экономике в целом.

Список литературы

- Абдулова С.Ю. Мировые рейтинги как инструмент оценки эффективности инвестиций в инновации и выбора стратегии развития. Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2022;2:76–88. <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2022-2-76-88>
- Акбердина В.В. и др. Влияние кросс-индустриальных информационных инноваций космической отрасли на экономический рост в регионах России. Экономика региона. 2020;1(16):228–241. <https://doi.org/10.17059/2020-1-17>
- Голова И.М. Научно-технический потенциал регионов как основа технологической независимости РФ. Экономика региона. 2022;4(18):1062–1074. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-7>
- Голова И.М., Суховой А.Ф. Дифференциация стратегий инновационного развития с учетом специфики российских регионов. Экономика региона. 2019;4(15):1294–1308. <https://doi.org/10.17059/2019-4-25>
- Гусельникова Л.Н. Факторы, влияющие на динамику инновационного потенциала региона. Вестник Академии знаний. 2020;41(6):99–105. <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2020-10768>
- Дорошенко Ю.А., Мальных И.О., Сомина И.В. Инновационное развитие региона в условиях современных трендов неоиндустриализации. Экономика региона. 2020;4(16):1318–1334. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-21>
- Дорошенко Ю.А., Старикова М.С., Ряпухина В.Н. Выявление моделей индустриально-инновационного развития

References

- Abdulova S.Yu. World rankings as tool of evaluating performance investment in innovations and development strategy selection. Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics. 2022;2:76–88. <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2022-2-76-88> (In Russian).
- Akberdina V.V. et al. Influence of Cross-Industry Information Innovations of the Space Industry on the Economic Growth of the Russian Regions. Economy of Region. 2020;1(16):228–241. <https://doi.org/10.17059/2020-1-17> (In Russian).
- Doroshenko Yu.A., Malykhina I.O., Somina I.V. Regional Innovative Development in the Context of Current Trends of Neo-Industrialisation. Economy of Region. 2020;4(16):1318–1334. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-21> (In Russian).
- Doroshenko Yu.A., Starikova M.S., Ryapukhina V.N. Identification of Industrial and Innovative Development Models of Regional Economic Systems. Economy of Region. 2022;1(18):78–91. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-6> (In Russian).
- Golova I.M. Scientific and Technological Capacity of Regions as the Foundation for Technological Independence of the Russian Federation. Economy of Region. 2022;4(18):1062–1074. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-7> (In Russian).
- Golova I.M., Sukhovey A.F. Differentiation of Innovative Development Strategies Considering Specific Characteristics of the Russian Regions. Economy of Region. 2019;4(15):1294–1308. <https://doi.org/10.17059/2019-4-25> (In Russian).
- Guselnikova L.N. Factors influencing the dynamics of the region's innovative potential. Bulletin of the Academy

региональных экономических систем. Экономика региона. 2022;1(18):78–91. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-6>

Журавлев Д.М. Региональная социально-экономическая система: устойчивость и конкурентоспособность. Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2018;10(116):13.

Кузнецова М.В. Влияние инновационной деятельности предприятий на состояние экономической безопасности национальной экономики. Экономическая безопасность. 2021;2(4):433–446. <https://doi.org/10.18334/ecsec.4.2.111898>

Минат В.Н. Инновационное развитие промышленности США: пространственный подход. Развитие территорий. 2021;2(24):26–35. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2021-2-26-35>

Оганян Э.М. Роль инновационного управления в развитии социально-экономической системы регионов России. В кн.: Экономика и управление: современные достижения и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Омск, 3 сентября 2021 г. Омск: Омский государственный технический университет; 2021. С. 350–355.

Селиверстов Ю.И. Модели инновационного развития регионов РФ. В кн.: Актуальные проблемы экономического развития: сборник докладов XI Международной заочной научно-практической конференции, Белгород, 1 сентября – 1 ноября 2020 г. Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова; 2020. С. 322–327.

Силакова Л.В., Григорьев Е.А. Анализ инновационного развития России: состояние, проблемы, перспективы. Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2021;2:86–96. <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2021-14-2-86-96>

Суховой А.Ф., Голова И.М. Дифференциация стратегий инновационного развития регионов как условие повышения эффективности социально-экономической политики в РФ. Экономика региона. 2020;4(16):1302–1317. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-20>

Цукерман В.А. Опыт инновационного развития промышленности европейских приарктических стран. Друкеровский вестник. 2021;4(42):210–218. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2021-4-210-218>

of Knowledge. 2020;41(6):99–105. <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2020-10768> (In Russian).

Kuznetsova M.V. The impact of enterprises' innovative activity on economic security of the national economy. Economic Security. 2021;2(4):433–446. <https://doi.org/10.18334/ecsec.4.2.111898> (In Russian).

Minat V.N. Innovative development of the USA industry: A spatial approach. Territory Development. 2021;2(24):26–35. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2021-2-26-35> (In Russian).

Oganyan E.M. Role of innovation management in the development of socio-economic system of Russian regions. In: Economics and management: Modern achievements and prospects of development: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Omsk, September 3, 2021. Omsk: Omsk State Technical University; 2021. Pp. 350–355. (In Russian).

Seliverstov Yu.I. Models of innovative development of Russian regions. In: Actual problems of economic development: Proceedings of the XI International Extramural Scientific Practical Conference, Belgorod, September 1 – November 1, 2020. Belgorod: Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov; 2020. Pp. 322–327. (In Russian).

Silakova L.V., Grigoriev E.A. Innovative development analysis of Russia: Position, problems, prospects. Scientific journal NRU ITMO. Series “Economics and Environmental Management”. 2021;2:86–96. <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2021-14-2-86-96> (In Russian).

Sukhovei A.F., Golova I.M. Differentiation of Innovative Development Strategies of Regions for Improving the Effectiveness of Socio-Economic Policy in the Russian Federation. Economy of Region. 2020;4(16):1302–1317. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-20> (In Russian).

Tsukerman V.A. Experience in innovative development of the industry of the European subarctic countries. Drukerovskij Vestnik. 2021;4(42):210–218. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2021-4-210-218> (In Russian).

Zhuravlev D.M. Regional socio-economic system: sustainability and competitiveness. Economic Systems Management. 2018;10(116):13. (In Russian).

УДК 330.341

JEL J28

DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-129-137>

Получено: 28.08.2023

Статья доработана после рецензирования: 23.10.2023

Принято: 31.10.2023

Изменения на рынке человеческих ресурсов как ключевой фактор политических решений

Рязанова Галина НиколаевнаКанд. экон. наук, доц. каф. институциональной экономики¹, доц. Департамента экономической теории²ORCID: 0000-0001-9742-3437, e-mail: ryazanovagn63@gmail.com¹Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 125167, Ленинградский пр-т, 49/2, Москва, Россия

Аннотация

Рынок человеческих ресурсов является производным от ключевого рынка товаров и услуг, рост которого обеспечивает экономическое развитие страны. Однако именно эффективные человеческие ресурсы позволяют рационально использовать природный потенциал, обеспечивать воспроизводство капитала и создание новых технологий. Изменения на рынке труда способны коренным образом трансформировать социально-экономическую экосистему и повлиять на уровень политической стабильности в стране. Так, в 2010-е гг. дисбаланс на рынке человеческих ресурсов Великобритании спровоцировал политическую нестабильность, что вынудило правительство выйти из Европейского союза. Цель исследовательской работы – выявить влияние рынка труда на политические решения на примере Соединенного Королевства, определить причины неравновесия на рынке человеческих ресурсов, выделить этапы создания Европейского союза и стадии выхода из него Великобритании, представить результаты брексита на уровне экономики и рынка труда. Статья опирается на историко-логический и сравнительный методы исследования, сопоставление динамики макроэкономических индикаторов на основе системного подхода. Статистические данные Всемирного банка и Национальной статистической службы Великобритании позволяют подтвердить взаимное влияние рынка труда и политики правительства страны.

Ключевые слова: социально-экономические экосистемы, человеческие ресурсы, рынок труда, экономический рост, Европейский союз, Великобритания, политические решения, брексит

Для цитирования: Рязанова Г.Н. Изменения на рынке человеческих ресурсов как ключевой фактор политических решений // Управление. 2023. Т. 11. № 4. С. 129–137. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-129-137

Received: 28.08.2023

Revised: 23.10.2023

Accepted: 31.10.2023

Changes in the human resources market as a key factor of political decisions

Galina N. Ryazanova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Institutional Economics Department¹, Assoc. Prof. at the Economic Theory Department²

ORCID: 0000-0001-9742-3437, e-mail: ryazanovagn63@gmail.com

¹State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

²Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2, Leningradsky prospekt, Moscow 125167, Russia

Abstract

The human resources market is a derivative of the key market for goods and services, the growth of which ensures economic growth in the country. However, it is efficient human resources that enable rational use of natural potential, ensure capital reproduction and new technologies creation. Changes in the labor market can fundamentally transform socio-economic ecosystem and affect the level of political stability in the country. For example, in the 2010s, imbalance in the United Kingdom human resources market provoked political instability that forced the government to withdraw from the European Union. The purpose of the research is to identify impact of the labor market on political decisions on the example of the United Kingdom, to determine causes of disequilibrium in the human resources market, to highlight stages of the European Union and stages of Great Britain's exit from it, and to present the results of Brexit at the level of the economy and the labor market. The article relies on historical-logical and comparative methods of research, comparison of macroeconomic indicators dynamics on the basis of a systematic approach. Statistical data of the World Bank and the Office for National Statistics allow us to confirm mutual influence of the labor market and the policy of the country's government.

Keywords: socio-economic ecosystems, human resources, labor market, economic growth, European Union, Great Britain, political decisions, Brexit

For citation: Ryazanova G.N. (2023). Changes in the human resources market as a key factor of political decisions. *Upravlenie / Management (Russia)*, 11 (4), pp. 129–137. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-129-137

Введение / Introduction

Устойчивый экономический рост обеспечивается за счет географических, природных особенностей страны, а также прорывных инновационных технологий и эффективных ресурсов. Человеческие ресурсы играют в этом синергетическом сплаве факторов ключевую роль, поскольку они способны максимально использовать природные возможности, сформировать условия для воспроизводства капитала, разработать и внедрить новые технологии, обеспечивающие прирост выпуска при снижении затрат на имеющиеся блага и появление новых продуктов, повышающих уровень жизни людей и выводящих человеческую цивилизацию на новый эволюционный виток. В связи с этим органичное развитие рынка труда приводит к расширению (в количественном и денежном эквивалентах) рынка благ и финансового рынка, а также к стабильности социальной и политической жизни.

Неравновесный рынок человеческих ресурсов несет не только социально-экономические, но и политические риски, что можно наблюдать на примере Соединенного Королевства. Создание Европейского Союза (далее — ЕС, Евросоюз) более полувека обеспечивало мирное существование стран континента и островных государств. Однако членство Великобритании в Евросоюзе имело и свои минусы: свободная миграция, свободный товарооборот подрывали собственное производство и ломали рынок труда. Ситуация усугубилась в начале 2000-х гг., особенно в кризисные годы, когда на каждые 100 мигрантов 23 британца теряли работу. Эта вызвало негодование у коренного населения. К неравновесному состоянию рынка человеческих ресурсов добавились факторы снижения влияния институтов Евросоюза, что усиливало нестабильность социально-экономической экосистемы. Опасаясь политических переворотов, правительство провело референдум, на котором жители страны определили дальнейший самостоятельный, автономный от ЕС путь развития. Настоящее исследование выявляет причинно-следственные связи изменений на рынке человеческих ресурсов Великобритании и последствия политического выбора британцев.

Создание Евросоюза: причины, цели, состав / Creation of the European Union: reasons, goals, composition

Процесс интеграции шести европейских стран (Бельгии, Германии, Франции, Италии, Люксембурга и Нидерландов) после Второй мировой войны явился уникальным партнерством в части гармонизации

экономических и политических проблем европейского континента и совместного противостояния естественным кризисным явлениям капитализма. Ключевым посылом объединения была необходимость восстановления стран и недопущения новых кровопролитных конфликтов, имевших место в войне 1940-х гг. В связи с этим страны решили контролировать производство и реализацию стали и угля как наиболее важных ресурсов для создания военно-промышленных товаров, без которых невозможно осуществить форсированное развитие военно-промышленного комплекса, и наращивания производства военной техники, которая является ключевым фактором военного превосходства. Эта мера дала действенные результаты: за 5 лет до момента подписания официальных документов оборот стали в шести странах увеличился на 129 %.

Официально Европейский союз появился в 1957 г. с подписанием Римского договора о мире на демократических принципах. Соединенное Королевство присоединилось к нему в 1973 г. вместе с Ирландией и Данией. В 1980-е гг. членами ЕС стали Греция, Испания и Португалия. В 1985 г. шенгенское соглашение ликвидировало границы для въезда и выезда граждан, в 1992 г. был подписан Маастрихтский договор о едином пространстве движения населения, товаров, услуг и капитала, а в 1999 г. была принята единая валюта (за некоторым исключением, в частности, валюты Соединенного Королевства — фунта стерлингов) [Wasson, 2015].

В 2000-е гг. Евросоюз принял новых членов — Словакию, Чехию, Польшу, Венгрию, Словению, Латвию, Литву, Эстонию, Мальту, Кипр, а следующее расширение характеризовалось присоединением Румынии и Болгарии. Последним государством, вошедшим в ЕС в 2013 г., стала Хорватия. Таким образом, к концу 2013 г. союз насчитывал 28 государств-членов. Объединение стран способствовало расширению экономических свобод их резидентов, связанных с оформлением прав собственности, свободой торговли и перемещения, регулятивной политикой государств-членов ЕС [Loyen, Hidde, Ploeg, Bauman, Brug, Lakerveld, 2016].

Большинство ученых сходятся во мнениях о том, что в целом это благоприятно отразилось на экономическом росте стран и снизило энергоемкость их экономик [Mothana, Korček, 2015]. В то же время сложившиеся институты управления имели двойственность, ведь они должны были соответствовать и интересам всех стран, и национальным интересам каждого члена в отдельности. Самой значимой силой являлся (и является в настоящее время) Европейский совет, в который входили руководители

всех стран. Возглавили орган Председатель Европейского совета и Президент Европейской Комиссии. Значительная роль в управлении принадлежала (и принадлежит в настоящее время) кабинету министров, где свои страны представляют министры национальных Министерств. Европарламент избирается в странах на пятилетний срок и включает 751 члена. Решения во внешней политике требуют одобрения всех государств.

Вызовы начала XXI в. и их отражение на Европейском союзе / Challenges of the early 21st century and their reflection on the European Union

XXI в. был ознаменован переходом в новую эру метамодерна (приставка «мета» означает колебания между системной парадигмой модерна и релятивистской концепцией метамодерна). Мир модерна, декларирующий механистическую основу на всем общественном и научном пространстве, обладал системностью, жесткой структурой с ясной системой координат и координатами объектов в системе, а постмодерн характеризовался относительностью самих систем, отрицанием структуры как таковой, глубокой иррациональностью. Метамодерн впитал элементы обеих эпох, усиливаясь фактором цифровизации экономического ландшафта, с одной стороны, систематизирующим экономические подсистемы, а с другой — усиливающим эмоциональную нестабильность и острую тревожность. Новое экономическое пространство с новыми ценностными ориентациями требовало новых подходов к управлению экономическими процессами [Ваврош, Валенчик, Рубаль, Сазанова, 2019].

Вступление в новую эпоху породило глобальные экономические проблемы 2010-х гг., которые потрясли весь мир. Мировые процессы глобализации, дополненные всеобщим проникновением цифровизации в социальные, политические и экономические процессы, еще больше расширили процессы взаимной интеграции стран. Взаимное проникновение бизнес-процессов сократило расстояние и размыло границы, что отразилось специфическим отношением предпринимателей к понятиям патриотизма и уважения к правительству собственной страны. Стало стираться и понимание резидента, поскольку состоятельные граждане, помимо принадлежности к стране по рождению, как правило, становились гражданами других стран, в которых вели бизнес или проводили свободное время. Товарные рынки росли, потребители стали чувствовать большую экономическую свободу, поскольку глобальная конкуренция позволила снизить цены

на большинство благ обыденного потребления при высоком качестве.

Однако страны-пионеры стали диктовать свою экономическую волю еще более агрессивно, крупные транснациональные компании сметали с рынка средний и мелкий бизнес. На политической арене тоже все было неоднозначно: позиции развитых стран снижали суверенность развивающихся государств, чему также способствовали международные организации, такие как Международный валютный фонд, Всемирный банк, Всемирная торговая организация и др.

Тем не менее пределы экономического роста не безграничны, поскольку экономические ресурсы имеют ограничение на определенном этапе экономического цикла. Безмерная глобализация социально-экономической экосистемы породила кризисы разного уровня: психологические, социальные, политические, экономические. Устойчивый экономический рост «забуксовал», что спровоцировало изменение всего экономико-политического ландшафта. Смена позитивного тренда развития пошатнула устойчивость структуры Евросоюза. Некоторые правительства вынуждены были ввести меры экономии бюджета, некоторые страны, такие как Греция, Ирландия, Португалия и Кипр, просили о финансовых вливаниях для восстановления экономики и выхода из кризиса.

Возникло напряжение между экономически развитыми странами, часть которых выступала за предоставление помощи нуждающимся, а часть была категорически против. Во многих государствах стали развиваться антивластные политические движения, критиковавшие собственные правительства, принимавшие политику Евросоюза [Archick, 2015]. Уровень евроскептицизма варьировался в зависимости от градуса проблем внутри стран от незначительной критики до призывов ликвидации Евросоюза. Некоторые наблюдатели декларировали отсутствие стратегического видения у лидеров ЕС, преследование национальных целей в ущерб общеевропейским, снижая уровень солидарности и повышая степень враждебности внутри союза.

Дифференциация между странами стала углубляться как в экономическом и политическом ракурсах, так и в экологическом [Mazur-Wierzbicka, 2021]. Наиболее агрессивной в этом вопросе стала Великобритания, поскольку свободная миграция переросла в неконтролируемую и жители страны приняли решение развиваться автономно и выйти за пределы Еврозоны. Бескомпромиссные силы противодействия и консервативная партия, возглавляемая Д. Кэмероном (на тот момент премьер-

министром Великобритании), подняли вопрос о выходе Великобритании из ЕС.

Соединенное Королевство: изменения на рынке человеческих ресурсов и их связь с политическими решениями / United Kingdom: changes in the human resources market and their relationship to political decisions

В начале XXI в. в Соединенном Королевстве все острее стали ощущаться проблемы, связанные с пребыванием в Евросоюзе. В основном они коснулись рынка человеческих ресурсов. За два предшествующих десятилетия (1990-е гг. и 2010-е гг.) в стране оказалось более 4 млн мигрантов.

Великобритания всегда привлекала (и продолжает привлекать в настоящий момент) потенциальных соискателей комфортными условиями для жизни, высокими вознаграждениями за труд, которые даже с учетом паритета покупательской способности превышают уровень оплаты труда в развивающихся странах в 2–3 раза. Приток рабочей силы обуславливался стабильным ростом экономики, начиная с года падения внутреннего валового продукта (1993 г.).

Экономика 2000-х гг. требовала вовлечения новых работников, и лейбористское правительство, несмотря на предостережения ученых и экспертов рынка труда, заявило о свободе рынка человеческих ресурсов, предполагая лишь 10–15-тысячную ежегодную миграцию. В этот период наблюдался очередной рост безработицы в странах Прибалтики и Польше, где официальная безработица достигла 20 %. Поток мигрантов из этих и других европейских стран, а в дальнейшем и с Востока оказались в десятки раз выше прогнозируемых. Прибывающая рабочая сила не претендовала на высокие социальные гарантии, высокие ставки оплаты труда, нормированный рабочий день, но соглашалась на любые условия работодателя. Мигранты готовы были жить в нереальных для британцев условиях, перерабатывать и работать без выходных, получать вознаграждение ниже уровня своей квалификации.

Этим обстоятельством воспользовалась консервативная партия, основной риторикой которой было обещание снизить потоки внешних претендентов на рабочие места до 100 тыс. чел. в год. После победы в выборах новому правительству действительно удалось несколько снизить напряжение на рынке человеческих ресурсов, сократив количество мигрантов в 2011–2013 гг., однако, несмотря на все усилия, цифра достигала 150–200 тыс. чел. ежегод-

но, что Д. Грин (министр труда) объяснял последствием действий лейбористов.

К 2013 году г. число по прибывшим из-за рубежа работников достигло 4,5 млн чел. Необходимо заметить, что исследователи рынка трудовых ресурсов К. Дастманн, С. Лемос, Дж. Портес и С. Никелл утверждали, что такая цифра не является критичной, поскольку большая часть мигрантов занимают низкооплачиваемые рабочие места, на которые не претендуют местные соискатели, и на заработные платы это не оказывает влияние. Кроме того, высокооплачиваемые профессии за последнее десятилетия стали приносить еще больший доход [Dustmann, Frattini, Preston, 2013]. Однако статистические показатели по занятости свидетельствуют о ее снижении от 0,3 до 0,7 пунктов, что противоречит результатам исследований британских ученых. Каждые 20–23 британца теряли работу с появлением 100 представителей иностранной рабочей силы [Dustmann, Frattini, Preston, 2013]. Кроме того, каждые 14 коренных жителей на сотню мигрантов были вынуждены осуществлять поиск работы в других регионах страны [Akguç, Liu, Tani, Zimmermann, 2016].

В 2008 г., в период экономического кризиса, 27 британцев были вытеснены 100 прибывшими иностранцами, что вынудило консультационный центр по миграционным процессам призвать правительство к решительным мерам по сдерживанию неконтролируемой миграции. К 2015 г. миграционные потоки достигли по разным данным от 336 тыс. до 650 тыс. чел. в год, несмотря на попытку снизить показатели [Bennett, 2019]. Увеличение количества жителей за счет нерезидентов спровоцировало серьезный рост цен на жилье и смежные блага. Стоимость аренды самой маленькой комнаты в четырехкомнатной квартире Лондона для одного человека достигла 800 фунтов стерлингов, когда заработная плата могла составлять только 1 тыс. фунтов. Для граждан ЕС и резидентов Соединенного Королевства государство компенсировало низкие доходы, доплачивая социальные выплаты до прожиточного минимума, однако высокая стоимость аренды и приобретения недвижимости вызывали негодование у британцев.

Стоит заметить, что наплыв новых потребителей также позволил обеспечить рост совокупного спроса на товары и услуги, в то же время негатив со стороны местных жителей акцентировал внимание только на отрицательных моментах. Эти проблемы подорвали доверие жителей страны действующему правительству. Британцам не нравилась не только миграционная политика, но и усиление влияния Брюсселя. Этому же мнения придерживался истеблишмент, который тем не менее проявлял определенную

амбивалентность по отношению к ЕС. Это привело к росту популизма и снижению популярности действующего правительства, особенно в регионах с «левыми» взглядами, такими как Вестминстер. На этом сыграла Партия независимости, широко пропагандировав необходимость гармонизации рынка человеческих ресурсов и выхода из ЕС и положив данную стратегию в основу своей предвыборной кампании, что позволило ей стать третьей по популярности в Великобритании. После выборов в парламент премьер-министр пообещал, что будет проведен референдум по вопросу членства в ЕС, который состоялся в июне 2016 г.

Процессы усилило снижение легитимности и структуры ЕС и его институтов. Эта тенденция наблюдалась во всем Евросоюзе. Ярким свидетельством являются долгосрочное снижение явки на выборы в Европарламент с 63 % в 1980-е гг. до 43,3 % в 2020-е гг., а также провалы части референдумов [Beetham, Lord, 1998]. Социологические опросы последних лет показывали отрицательный настрой жителей стран Евросоюза по отношению к организационному объединению. Из них лишь 39 % полагают, что членство в ЕС положительно сказывается на развитии их государства. 59 % респондентов обозначили неэффективность союза и его дифференцированность по отношению к его членам. Смена поколений на более молодое, не видевшего войну, еще больше усилило негатив к союзу, главной целью которого было недопущение новой войны в Европе. Недостаточный контроль политики Брюсселя также возмущал британцев. Проведение денежно-кредитной, таможенной политики, по их мнению, происходило без надлежащего согласования с членами. Амстердамский и Ниццкий договоры также не содержали вопросы участия жителей-стран Евросоюза в принятии ключевых экономико-политических решений. В Конституции и Лиссабонском договоре наметились тенденции к рассмотрению этого вопроса, однако функции гаранта прав людей так и не были восприняты гражданами — только 28 % из них полагали, что их голос может как-то отстоять интересы страны.

Трансформация рынка труда, недовольство политикой ЕС усугубляли противоречия внутри Великобритании. Жители перестали чувствовать достойную защиту от правительства, усилилась общественная тревожность. Подогревали социальную нестабильность оппозиционные средства массовой информации, усиливая миграционные проблемы и проблемы поиска работы соискателями. При этом идентификация британцев исторически была обособленной, и, учитывая, что даже внутри страны жители ее сегментов причисляют себя к уэльсцам,

шотландцам и англичанам, с европейцами они себя не идентифицируют совсем. Кроме того, исследователи данной проблемы выявили усиление неприязни европейцев вплоть до отвращения [Abrams, Travaglino, 2018]. Кроме этого, добавлялась угроза влияния иммигрантов на образ жизни британцев, их культуру и обычаи, что усиливало эмоциональную турбулентность и недоверие политикам [Abrams, Eller, 2016].

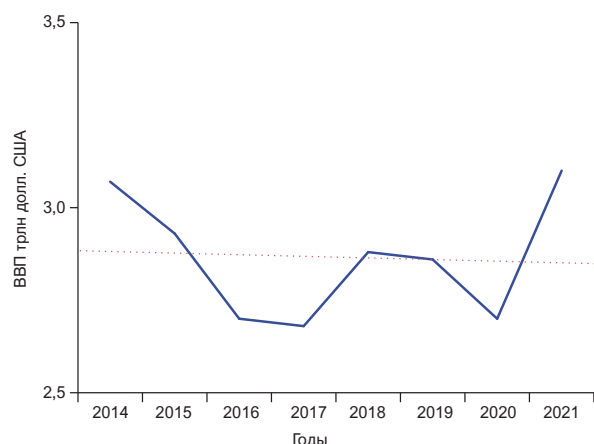
Поддержка выхода из ЕС была более активной в регионах, где британцы ощущали наибольшее воздействие глобализации не только в части потоков мигрантов, которые захватывали рынки факторов производства, но и в поставках дешевых товаров из Китая, вытесняющих местных производителей на рынке благ [Colantone, P. Stanig, 2018]. Кроме того, кампания за выход акцентировала внимание на необходимости вернуть контроль и на возможности перенаправления расходов на членство в ЕС на национальные нужды, в частности, на потребности внутреннего бизнеса, создающего новые рабочие места [Clarke, Goodwin, Whiteley, 2017].

Непрекращающиеся противоречия на рынке человеческих ресурсов, дополненные другими факторами, накопленными за последние десятилетия, приняли необратимый характер. Брексит представлял возможность сократить давление в сложившейся ситуации, и потому большинство отдали свой голос за автономию страны [Clarke, Goodwin, Whiteley, 2017]. Принятие решения о выходе из ЕС было неоднородным. Особенно остро ратовали за брексит на юге Англии, в частности, в графстве Кент, поскольку именно там находился лагерь беженцев и желающих получить убежище. Шотландия, напротив, проголосовала против выхода из Союза и продолжала поддерживать своих избранников в парламент (то есть в этой части страны доверие истеблишменту было на высоком уровне).

Однако 23 июня 2016 г. 51,89 % британцев отдали голоса за выход Великобритании из ЕС. 17 января 2018 г. палата общин приняла, а 20 июня палата лордов утвердила законопроект о брексите. Статус закона документ получил 29 марта 2019 г. после одобрения правительственного законопроекта королевой Елизаветой II [Kumarasingham, 2020]. Перевес голосов был незначительным, и после объявления результатов референдума в Соединенном Королевстве на 41 % увеличилось количество так называемых «расовых» преступлений между резидентами, что говорит о глубоких внутренних противоречиях и расовых предрассудках, в том числе спровоцированных ужесточением конкуренции на рынке труда [Bond, Tejeiro, 2019].

Последствия брексита для экономики и рынка человеческих ресурсов Великобритании / Consequences of Brexit for the United Kingdom economy and human resources market

Чтобы не разрывать экономические отношения с европейскими странами, правительство Великобритании вело переговоры в течение 10 месяцев, и только в декабре 2020 г. торговая сделка, ясно регламентированная, призванная смягчить экономический удар, была утверждена председателем Еврокомиссии Урсулой фон дер Ляйен, была согласована и подписана. Несмотря на принятые меры, от разрыва существующих экономико-производственных связей все макроэкономическое пространство страны претерпело турбулентность. Экономические агенты оказались в состоянии неопределенности, что представлялось опасным в части сдерживания экономического роста, который упал с 2015 г. с 2,4 % до 1,5 % в 2018 г., и его падение приостановилось только после пандемии (рис. 1).

Примечание: ВВП – валовой внутренний продукт

Источник¹ / Source¹

Рис. 1. Валовой внутренний продукт Соединенного Королевства в 2015–2021 гг.

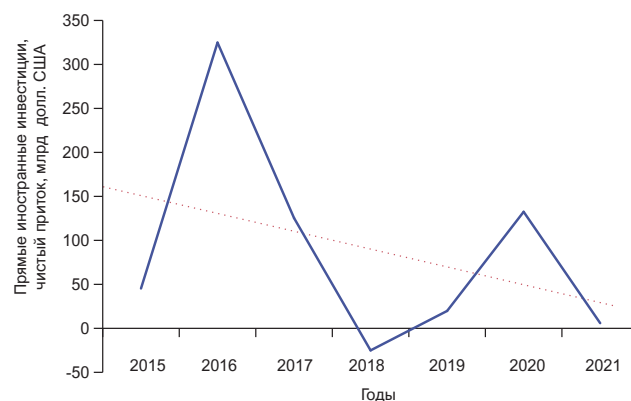
Fig. 1. The United Kingdom gross domestic product in 2015–2021

Открытые данные постковидного периода пока не опубликованы, но, учитывая геополитическую турбулентность, падение внутреннего валового продукта и снижение темпов его роста продолжают сопровождать Великобританию, и данная тенденция продолжится в ближайшие годы. Сразу после референдума британский фунт упал с 1,48 до 1,36 долл. США за фунт. Снижение стоимости фунта в долл. США с некоторой волатильностью продолжилось и в по-

следующие годы [Bashir, Zebende, Yu, Hussain, Ali, Abbas, 2019].

Инфляционные процессы после брексита изменились незначительно. Исключением стал ковидный год, за которым последовало снижение темпов инфляции почти до дефляции. Впоследствии Британия пережила самый страшный инфляционный шок за 40 лет. По официальным данным, инфляция составила 10,5 %, однако цены на продукты питания, по свидетельствам жителей, выросли в 1,2–2 раза.

Многие британские предприятия приняли решение перевести свой бизнес в страны ЕС, локальные британские организации лишились дешевой рабочей силы не только из близлежащих стран, но и стран бывшего советского лагеря, что увеличило производственные затраты. Иностранные инвесторы, длительное время наращивая объем инвестиций в реальный сектор экономики, стали выводить капиталы в страны с более привлекательными институциональными условиями. Так, в 2018 г. в стране даже наблюдался отток чистых инвестиций (рис. 2).

Источник² / Source²

Рис. 2. Прямые иностранные инвестиции Соединенного Королевства в 2015–2021 гг.

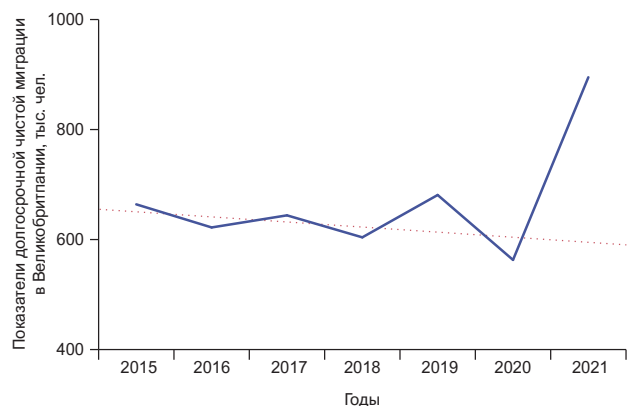
Fig. 2. The United Kingdom foreign direct investment in 2015–2021

Рассмотрим, как отреагировал рынок человеческих ресурсов на брексит. Поскольку усложнились вопросы, связанные с перемещением людей в рамках Еврозоны после выхода из ЕС, миграционные потоки были остановлены. На сегодняшний день пребывание в Британии более 90 дней требует оформления визы, что связано с временными и бюрократическими барьерами. Эти меры способствовали снижению миграции, что являлось одной из декларируемых целей, поставленных правительством, о чем свидетельствует линия тренда. В то же время

¹ The World Bank. Indicators | Data. Режим доступа: <https://www.worldbank.org> (дата обращения: 25.08.2023).

² The World Bank. Indicators | Data. Режим доступа: <https://www.worldbank.org> (дата обращения: 25.08.2023).

уже в 2021 г. наблюдался огромный рост миграционного потока, что демонстрирует график ниже (рис. 3).

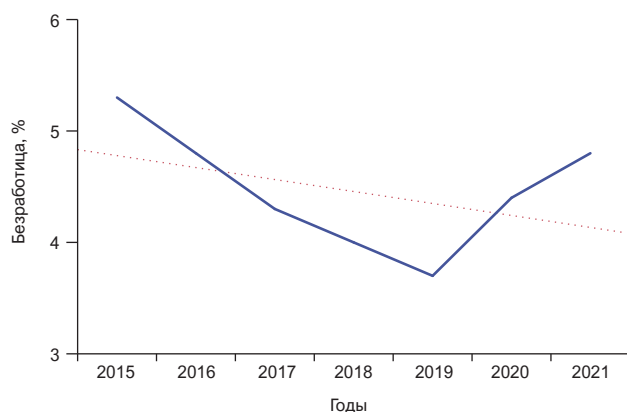

Источник³ / Source³

Рис. 3. Показатели долгосрочной чистой миграции в Соединенном Королевстве

Fig. 3. Indicators of long-term net migration in the United Kingdom

Официальная занятость населения выросла, за исключением года локдаунов, когда многие предприятия сферы услуг вынуждены были сокращать персонал (рис. 4).

Источник⁴ / Source⁴

Рис. 4. Безработица в Соединенном Королевстве в 2015–2021 гг.

Fig. 4. Unemployment in the United Kingdom in 2015–2021

Протекционистская политика ограничила объемы ввозимых товаров, например, в случае легального свободного ввоза в страну особых товаров (без дополнительного налогообложения) человек ограничен 42 л пива, 18 л вина, 4 л крепких спиртных напитков и 200 сигаретами, что является позитивным фактором

для внутреннего производства, значит, создания новых рабочих мест. Динамика занятости демонстрирует стабилизацию на рынке человеческих ресурсов (ковидные годы являются исключением). Таким образом, можно проследить позитивные тенденции в реализации декларируемых правительством целей.

Заключение / Conclusion

Равновесная экономика предполагает баланс спроса и предложения на рынке товаров и услуг, финансовом рынке и рынке ресурсов. Человеческие ресурсы играют самую весомую роль, так как они обеспечивают рациональное управление всеми факторами производства и создают потенциал экономического роста. Перекос на рынке труда провоцирует изменения в экономике и влияет на состояние социально-экономической экосистемы, то есть и на устойчивость политической системы.

Включение Соединенного Королевства в Евро-союз способствовало укреплению мира, более тесной интеграции страны в международные рынки, однако поставило под удар собственный рынок человеческих ресурсов. Неравновесное состояние рынка труда привело к политическому решению выхода из ЕС. Динамика макроэкономических индикаторов позволяет утверждать как о взаимосвязи рынка человеческих ресурсов с экономическим развитием, так и о позитивных результатах политической воли правительства и народа Великобритании.

³ Office for National Statistics. Official website. Режим доступа: <https://www.ons.gov.uk/> (дата обращения 25.08.2023).

⁴ The World Bank. Indicators | Data. Режим доступа: <https://www.worldbank.org> (дата обращения: 25.08.2023).

Список литературы

- Ваврош П., Валенчик Р., Рубаль О., Сазанова С.Л. Экономические парадигмы и экономические коммуникации. Управление. 2019;1(7):60–65. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-1-60-65>
- Abrams D., Eller A. A temporally integrated model of intergroup contact and threat (TIMICAT). In: Vezzali L., Stathi S. (eds.). Intergroup contact theory: Recent developments and future directions. Abingdon, UK: Routledge; 2016. Pp. 72–91.
- Abrams D., Travaglino G.A. Immigration, political trust, and Brexit – Testing an aversion amplification hypothesis. British Journal of Social Psychology. 2018;2(57):310–326. <http://dx.doi.org/10.1111/bjso.12233>
- Akguç M., Liu X., Tani M., Zimmermann K.M. Risk attitudes and migration. China Economic Review. 2015;3(37):166–176. <http://dx.doi.org/10.1016/j.chieco.2015.12.004>
- Archick K. The European Union (EU): Current Challenges and Future Prospects in Brief. Congressional Research Service; 2015. 15 p.
- Bashir U., Zebende G.F., Yu Y., Hussain M., Ali A., Abbas G. Differential market reactions to pre and post Brexit referendum. Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2019;515:151–158. <https://doi.org/10.1016/j.physa.2018.09.182>
- Beetham D., Lord C. Legitimacy and the European Union. London: Routledge; 1998. 152 p.
- Bennett S. ‘Crisis’ as a discursive strategy in Brexit referendum campaigns. Critical Discourse Studies. 2019;4(16):449–464. <https://doi.org/10.1080/17405904.2019.1591290>
- Bond J.R.P., Tejeiro R. Perceived Threat Had a Greater Impact Than Contact with Immigrants on Brexit Vote. Journal of Social and Political Sciences. 2019;2(2):333–346. <https://doi.org/10.31014/aior.1991.02.02.74>
- Clarke H.D., Goodwin M., Whiteley P. Why Britain Voted for Brexit: An Individual Level Analysis of the 2016 Referendum Vote. Parliamentary Affairs. 2017;3(70):439–464. <https://doi.org/10.1093/pa/gsx005>
- Colantone I., Stanig P. Global Competition and Brexit American Political Science Review. 2018;2(112):201–218. <https://doi.org/10.1017/S0003055417000685>
- Dustmann C., Frattini T., Preston I.T. The effect of immigration along the distribution of wages. 2013;1(80):145–173.
- Kumarasingham H. The Role and Powers of the Queen in the 2019 Brexit Political Crises – Reflections from British and Commonwealth History. 2020;1(48):1–14. <https://doi.org/10.1080/03086534.2020.1718372>
- Loyen A., Hidde P., Ploeg V., Bauman A., Brug J., Lakerveld J. European Sitting Championship: Prevalence and Correlates of Self-Reported Sitting Time in the 28 European Union Member States. 2016;3(11):e0149320. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0149320>
- Mazur-Wierzbicka E. Circular economy: advancement of European Union countries. Environ Sci Eur. 2021;33:111. <https://doi.org/10.1186/s12302-021-00549-0>
- Mothana S., Korček M. Investigation of Driving Forces of Energy Consumption in European Union 28 Countries. International Journal of Energy Economics and Policy. 2015;2(5):422–432.
- Wasson E. A History of Modern Britain: 1714 to the Present. 2nd ed. Wiley-Blackwell; 2015. 464 p.

References

- Abrams D., Eller A. A temporally integrated model of intergroup contact and threat (TIMICAT). In: Vezzali L., Stathi S. (eds.). Intergroup contact theory: Recent developments and future directions. Abingdon, UK: Routledge; 2016. Pp. 72–91.
- Abrams D., Travaglino G.A. Immigration, political trust, and Brexit – Testing an aversion amplification hypothesis. British Journal of Social Psychology. 2018;2(57):310–326. <http://dx.doi.org/10.1111/bjso.12233>
- Akguç M., Liu X., Tani M., Zimmermann K.M. Risk attitudes and migration. China Economic Review. 2015;3(37):166–176. <http://dx.doi.org/10.1016/j.chieco.2015.12.004>
- Archick K. The European Union (EU): Current Challenges and Future Prospects in Brief. Congressional Research Service; 2015. 15 p.
- Bashir U., Zebende G.F., Yu Y., Hussain M., Ali A., Abbas G. Differential market reactions to pre and post Brexit referendum. Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2019;515:151–158. <https://doi.org/10.1016/j.physa.2018.09.182>
- Beetham D., Lord C. Legitimacy and the European Union. London: Routledge; 1998. 152 p.
- Bennett S. ‘Crisis’ as a discursive strategy in Brexit referendum campaigns. Critical Discourse Studies. 2019;4(16):449–464. <https://doi.org/10.1080/17405904.2019.1591290>
- Bond J.R.P., Tejeiro R. Perceived Threat Had a Greater Impact Than Contact with Immigrants on Brexit Vote. Journal of Social and Political Sciences. 2019;2(2):333–346. <https://doi.org/10.31014/aior.1991.02.02.74>
- Clarke H.D., Goodwin M., Whiteley P. Why Britain Voted for Brexit: An Individual Level Analysis of the 2016 Referendum Vote. Parliamentary Affairs. 2017;3(70):439–464. <https://doi.org/10.1093/pa/gsx005>
- Colantone I., Stanig P. Global Competition and Brexit American Political Science Review. 2018;2(112):201–218. <https://doi.org/10.1017/S0003055417000685>
- Dustmann C., Frattini T., Preston I.T. The effect of immigration along the distribution of wages. 2013;1(80):145–173.
- Kumarasingham H. The Role and Powers of the Queen in the 2019 Brexit Political Crises – Reflections from British and Commonwealth History. 2020;1(48):1–14. <https://doi.org/10.1080/03086534.2020.1718372>
- Loyen A., Hidde P., Ploeg V., Bauman A., Brug J., Lakerveld J. European Sitting Championship: Prevalence and Correlates of Self-Reported Sitting Time in the 28 European Union Member States. 2016;3(11):e0149320. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0149320>
- Mazur-Wierzbicka E. Circular economy: advancement of European Union countries. Environ Sci Eur. 2021;33:111. <https://doi.org/10.1186/s12302-021-00549-0>
- Mothana S., Korček M. Investigation of Driving Forces of Energy Consumption in European Union 28 Countries. International Journal of Energy Economics and Policy. 2015;2(5):422–432.
- Wasson E. A History of Modern Britain: 1714 to the Present. 2nd ed. Wiley-Blackwell; 2015. 464 p.
- Wawrosz P., Valenichik R., Roubal O., Sazanova S. Economic paradigms and economic communications. Upravlenie / Management (Russia). 2019;7(1):60–65. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-1-60-65> (In Russian).

Особенности трансформации общекультурных и политических ценностей в России

Неволин Борис Сергеевич¹

Проректор по развитию
ORCID: 0009-0009-6944-3487, e-mail: b.nevolin@ya.ru

Ницевич Виктор Францевич²

Д-р полит. наук, зам. дир. научно-исследовательского института государственной политики и управления отраслевой экономикой
ORCID: 0000-0002-1668-3067, e-mail: dr.nitsevich@mail.ru

¹ Государственный музыкально-педагогический институт имени М.М. Ипполитова-Иванова, 109147, Марксистская ул., 36, г. Москва, Россия

² Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

Аннотация

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена тем обстоятельством, что на протяжении последних 30 лет государственная культурная политика Российской Федерации была ориентирована на укрепление демократических культурных ценностей, однако в последние годы ситуация начала сильно меняться. Правящая элита страны объявила о переориентации государственной культурной политики, которая теперь должна основываться исключительно на традиционных ценностях. Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей трансформации системы общекультурных и политических ценностей Российской Федерации, происходящих в настоящее время. Задачи статьи заключаются в выявлении актуальных общекультурных и политических ценностей, подпадающих под категорию «традиционных», установлении ценностных ориентаций, наиболее значимых для россиян в настоящее время, а также в определении степени риска ценностного раскола в российском обществе. Исследование проводилось с применением таких методов, как классический анализ документов, социальный опрос, метод сравнительного анализа, метод систематизации, метод визуализации. Результаты проведенного исследования показывают, что ценности, принятые в качестве традиционных, и ценности, выделенные респондентами в качестве значимых, совпадают по таким позициям, как справедливость, права человека, свобода, патриотизм, нравственность, коллективизм, взаимопомощь. Непосредственная угроза деградации ценностей российского общества не выявлена. Риски, связанные с возможным расколом общества, являются умеренными. Результаты социологического исследования позволяют сделать вывод о том, что в российском социуме возникла поляризация политических взглядов одной части общества, однако все больше увеличивается уровень аполитичности другой.

Ключевые слова: деградация ценностей, кризис, общество, политика, политические отношения, политические ценности, раскол, трансформация, традиционные ценности, ценности

Для цитирования: Неволин Б.С., Ницевич В.Ф. Особенности трансформации общекультурных и политических ценностей в России // Управление. 2023. Т. 11. № 4. С. 138–148. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-138-148

Received: 18.09.2023

Revised: 19.10.2023

Accepted: 26.10.2023

Peculiarities of general cultural and political values transformation in Russia

Boris S. Nevolin¹

Vice-Rector for Development

ORCID: 0009-0009-6944-3487, e-mail: b.nevolin@ya.ru

Victor F. Nitsevich²

Dr. Sci. (Polit.), Deputy Director of the Research Institute for Public Policy and Sectoral Economy Management

ORCID: 0000-0002-1668-3067, e-mail: dr.nitsevich@mail.ru

¹M.M. Ippolitov-Ivanov State Institute of Music and Pedagogy, 36, Marksistskaya ul., Moscow 109147, Russia

²State University of Management, 99, Ryazansky prospect, Moscow 109542, Russia

Abstract

The relevance of the study is due to the fact that over the past thirty years Russian state cultural policy has been focused on strengthening democratic cultural values, but in recent years the situation has begun to change dramatically. The ruling elite of the country announced the state cultural policy reorientation, which should now be based exclusively on traditional values. The purpose of the study is to identify features of the general cultural and political values system transformation in Russia. The objectives of the article are to identify current general cultural and political values that fall under the category of “traditional”, to establish value orientations that are most significant for Russians at present, and to determine degree of risk of a value split in Russian society. The research was conducted using such methods as classical document analysis, social survey, comparative analysis, systematization, and visualization methods. The results of the study show that the values accepted as traditional and the values identified by respondents as significant coincide in such positions as justice, human rights, freedom, patriotism, morality, collectivism, and mutual aid. No immediate threat of degradation of Russian society’s values has been identified. The risks associated with a possible split in society are moderate. The results of the sociological study allow us to conclude that the political views of one part of the Russian society are polarized, but the level of apolitical attitude of the other part is increasing.

Keywords: degradation of values, crisis, society, politics, political relations, political values, split, transformation, traditional values, values

For citation: Nevolin B.S., Nitsevich V.F. (2023). Peculiarities of general cultural and political values transformation in Russia. *Upravlenie / Management (Russia)*, 11 (4), pp. 138–148. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-138-148

Введение / Introduction

Обеспечение консолидации общества представляет собой одну из наиболее актуальных задач политической власти. Основой консолидации является единообразная система духовных ценностей. Однако ценностное единообразие не следует идеализировать, ведь развитие общества имеет динамичный характер. Миграционные, демографические, политические и иные субъективные и объективные процессы постоянно оказывают воздействие на ценностные ориентации отдельных социальных групп или общество в целом.

Российское общество неоднократно подвергалось фундаментальным изменениям общекультурных и политических ценностей, инициатором которых была сама правящая элита. Так, стремление приобрести союзников, укрепить экономические, политические и культурные связи, модернизировать государство и сделать его понятным для иностранных партнеров, стало причиной перехода Киевской Руси в православную веру, а также способствовало проведению кардинальных культурных преобразований в период правления Петра I.

Ценностные трансформации также происходили под воздействием межкультурных связей. Например, стремление защитить свою территорию от частых набегов кочевников, приводило к заключению брачных союзов, в результате которых рождались в том числе и русские князья, которые ретранслировали видоизмененные ценностные ориентации [Селезнев, 2019].

Одним из наиболее болезненных периодов трансформации ценностей стало проведение церковной реформы патриархом Никоном, в результате которой общество было разделено на сторонников новой и старой веры. Таким образом, данная реформа, кроме запланированных результатов, принесла еще многочисленные человеческие жертвы, гонения несогласных и другие признаки раскола общества.

Начало советской эпохи также сопровождалось тотальным изменением ценностных ориентаций общества, в результате которых значительная часть населения приняла новые ценности, но многие люди были подвергнуты репрессиям или были вынуждены навсегда покинуть Родину. В начале 1990-х гг. в результате политического кризиса возникла необходимость очередных ценностных изменений. Демократические и либеральные ценности, внесенные в тот период, были активно поддержаны правящей властью, политической и культурной элитой, а также средствами массовой информации на протяжении более тридцати лет.

Однако в последнее время отмечаются предпосылки к новому витку ценностных трансформаций российского общества. В настоящее время демократические и либеральные ценности начали подвергаться жесткой критике и осмеянию, а в качестве нового ориентира культурной политики намечено возвращение к традиционным ценностям.

Постановка проблемы / Problem statement

Процесс централизованной ценностной трансформации сложный и длительный. Так, например, немецкий философ И.Г. Гердер, обращаясь к истории исхода еврейского народа, объяснял их многолетнее путешествие по пустыне именно стремлением Моисея создать условия для формирования новых культурных и политических ценностей, прежде чем они достигнут земли обетованной [Гердер, 2007]. При этом философ отмечал то обстоятельство, что смерть Моисея прервала указанный процесс до его логического завершения, снизив тем самым уровень устойчивости новых ценностей. Следовательно, иногда и сорока лет мало для полноценного осуществления таких глобальных изменений.

С учетом того, что демократические ценности стали актуальными для Российской Федерации (далее — РФ, Россия) только в начале 1990-х гг., насущными являются следующие тезисы: возможно ли в настоящее время считать их сформировавшимися; насколько быстро удастся осуществить возврат к тем ценностям, которые некогда уже были актуальны для всего общества; можно ли ожидать полноценной замены ценностей как в краткосрочном, так и долгосрочном периодах.

Для начала определим, что собой представляет ценность и каков процесс ее формирования. Несмотря на то что аксиология возникла в 1860–1870-е гг., ее истоки восходят к периоду Античности. Древнегреческие философы использовали понятие «благо» (ранний аналог понятия «ценность») для обозначения идеального или наиболее желаемого состояния общества. Первоначально к числу предпочтительных было отнесено справедливое общество, вобравшее в себя такие характеристики, как мудрость, мужество и рассудительность. Одновременно с этим ценность рассматривалась и в качестве главного жизненного принципа человека, влияющего на оценку его поступков и приоритетность в реализации интересов. Таким образом, приведенный подход сочетал в себе рассмотрение ценности в качестве и предпочтительной цели, и средства общественного развития. Среди исследователей, когда-либо придерживающихся данного подхода, можно отметить Р.Г. Лотце [Баева, 2007], Я.Ф. Фриза,

И.Ф. Гербарта [Ивин, Никитина, 2014], а также таких современных авторов, как Н.Г. Багдасарьян, М.А. Козлову и Н.Р. Шушанян [Багдасарьян, Козлова, Шушанян, 2014].

Прагматичный подход к пониманию ценности отражается в сочинениях таких известных философов, как Т. Гоббс, Д. Юм, а также И. Кант и Ф. Ницше [Чанышев, 2005]. В трактатах данных мыслителей выявляется субъективность ценности. Так, Т. Гоббс, а затем и Д. Юм, развивают мысль о том, что ценность идей, догм, характеристик условна в силу их изменчивости и зависимости от целевой аудитории, осуществляющей оценку, и конкретных обстоятельств [Чанышев, 2005]. В частности, праведный образ жизни как наиболее верный путь для достижения рая после смерти не представляет ценности в глазах атеиста. Более того, отказ от возможности получения земных благ ради гипотетической возможности получения благ небесных является только осознанным выбором.

Стремление систематизировать знания о природе ценности привело к созданию соответствующего инструментария. Американскому психологу М. Рокичу удалось выделить 18 терминальных и инструментальных ценностей, а также классифицировать их на три группы: предпочтительные, индифферентные и незначимые ценности [Рокич, 2009]. Он утверждал, что типовым набором ценностей обладают все люди, однако ценности в сознании каждого человека имеют иерархическую структуру, которая может изменяться в зависимости внешних обстоятельств, — это вопрос текущих предпочтений.

Одна из наиболее удачных интерпретаций понятия «ценность», на наш взгляд, представлена в статье Л.М. Смирнова [Смирнов, 2003]. В данной работе ценность рассматривается в качестве разумного соотношения установок и ориентаций общества. Основная мысль заключается в возникновении противоречия между декларируемыми ценностными ориентациями и фактическим поведением человека. Говоря иначе, ценность может быть настолько абстрактной или недостижимой, что в глазах общества она утрачивает свою привлекательность. Например, здоровье для подавляющего большинства людей представляет собой основополагающую ценность. Опросы подтверждают данное заключение. Респонденты убеждены в том, что здоровье следует поддерживать, однако фактически придерживается здорового образа жизни, проходит медицинские обследования, употребляет полезную пищу и систематически занимается спортом лишь наиболее мотивированная часть населения. Таким образом, декларируемая ценность не получает дальнейшего

развития в жизненной стратегии человека и утрачивает свою первоначальную значимость.

Другим примером является противоречие между ценностными установками, навязываемыми политической элитой, и ценностными ориентациями общества в тех случаях, когда происходит транзит новых культурных ценностей. Перекрестное воздействие культурных ценностей создает некий симбиоз, который постепенно закрепляется в общественном сознании. Например, в России существует переплетение языческих и православных культурных традиций. В частности, можно вспомнить языческий обряд сжигания чучела на масленицу, а также обряд поминовения усопших блинами, являющихся, с точки зрения наших предков, наиболее подходящей пищей для бестелесных субстанций. В современном российском обществе феномен перекрестного воздействия мы можем наблюдать и в политической сфере.

Для упрощения понимания ценности как явления отдельные исследователи начали ассоциировать его с понятием «интерес». Подобного мнения придерживались Т. Гоббс, Б. Спиноза [Чанышев, 2005], И. Бентам [Бентам, 2009], а также многие современные исследователи, например, Э. Асп [Асп, 2000], Г. Риккерт [Микешина, 2007], Р.Б. Перри [Микешина, 2007], А.А. Ивин [Ивин, 2010]. Данный подход позволяет выявить ценность личную, общественную и государственную, а потому в наибольшей мере отражает наши задачи.

Понятие «ценность» может рассматриваться в качестве совокупности устойчивых общественных убеждений относительно наиболее предпочтительного способа человеческого существования; в качестве результата соотношения ценностных ориентаций и ценностных установок; в качестве аналога понятия «интерес». Частной разновидностью общекультурных ценностей являются ценности политические [Винарский, Ходонов, 2003], образующие совокупность устойчивых представлений индивида о политической деятельности [Трущева, 2016]. Политические представления могут быть индивидуальными, коллективными, а также могут распространяться на малые и большие социальные группы или весь народ в целом [Беликова, Злотникова, Ницевич, 2022]. Кроме того, политические ценности могут быть экстраполированы и на международные отношения, причем именно стремление к установлению тесных международных связей часто определяет особенности трансформации политических ценностей в конкретных странах [Цыганков, 2012]. Есть мнение о том, что новый виток ценностных трансформаций в России непосредственно связан с осложнением внешнеполитических

отношений со странами Европы и Соединенными Штатами Америки, а также активизацией внешне-политических связей со странами, придерживающимися патриархальных устоев.

Результаты эмпирического исследования / Empirical study results

После определения, что собой представляют ценности, возникает вопрос о том, какие из них можно назвать традиционными для российского общества. Ранее мы уже говорили о многочисленных ценностных трансформациях, происходивших на всем протяжении исторического развития российского государства, поэтому однозначно ответить на этот вопрос нельзя. Чаще всего данное понятие подразумевает религиозность, сильную власть, семейные ценности, однако можно вложить и другое содержание. В табл. 1 указаны актуальные традиционные ценности, официально установленные в качестве таковых на основании Указа Президента РФ № 809.

Проанализировав Указ Президента РФ о реализации политики в области культуры, мы обнаружили, что в данном документе объединяются принципы формирования ценностей и сами ценности, что вызывает вопросы к авторам данного документа. Политические ценности в Указе представлены весьма лаконично, а приоритет отдается социальным и базовым ценностям. Кроме того, некоторые из перечисленных ценностей имеют субъективный и излишне идеализированный характер. Так, например, семья, согласно документу, должна быть крепкой, труд — созидательным, идеалы — высокими. Ранее мы уже говорили, что чрезмерная идеализация ценностной установки не способствует ее реализации

[Смирнов, 2003]. На основании вышесказанного мы рекомендуем отдельные формулировки для уточнения и конкретизации.

Для дальнейшей аналитической работы мы воспользовались перечнем ценностей, установленных Указом Президента РФ и результатами социологических опросов, выполненных В.К. Левашовым, Н.М. Великой, И.С. Шушпановой [Левашов, Великая, Шушпанова, 2022]. Выбор эмпирических данных обусловлен тем обстоятельством, что исследования этой группы ученых систематически проводятся с 1995 г., следовательно, можно проследить динамику ценностных трансформаций в долгосрочном периоде. Кроме того, в исследованиях использовалась квотно-пропорциональная всероссийская выборка, что дает возможность полнее охватить контингент, проживающий в разных уголках страны.

Сравнив ценности, принятые в качестве традиционных, и ценности, выделенные респондентами в качестве значимых, мы выяснили, что многие позиции совпадают (рис. 1). Речь идет о таких ценностях, как справедливость (31 %), а также права (19 %) и свободы (14 %) человека. Кроме того, все большую популярность приобретает патриотизм (16 %). В качестве наименее значимых ценностей можно отметить нравственность (9 %), коллективизм (7 %), взаимопомощь (6 %) [Левашов, Великая, Шушпанова, 2022].

¹ Российская Федерация. Указ Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 01.09.2023).

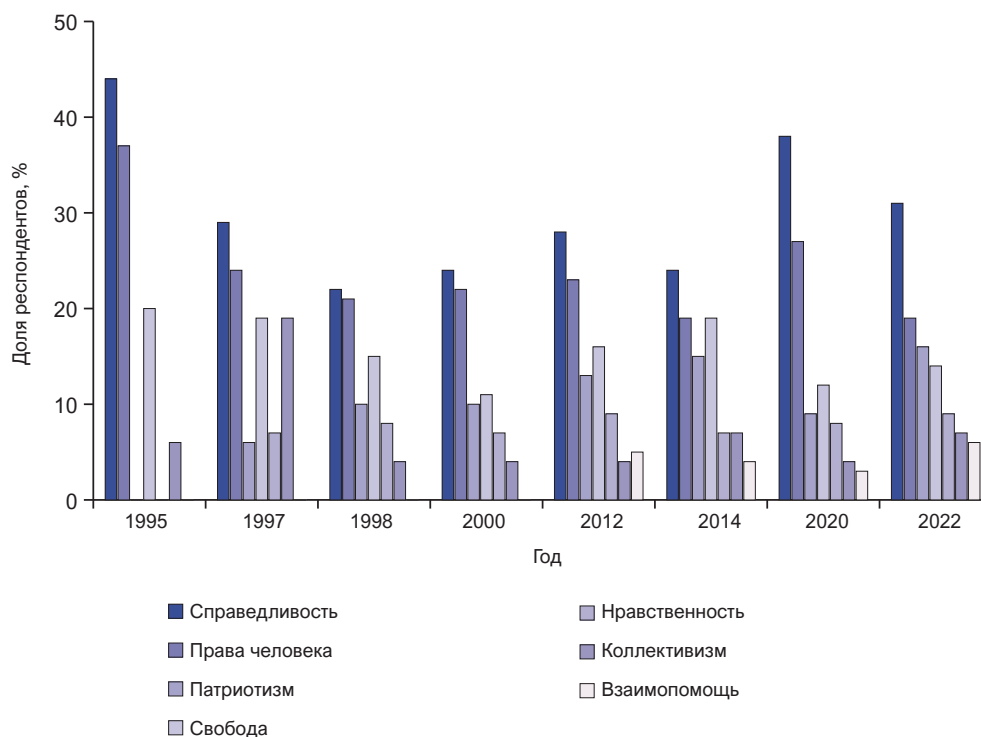
Таблица 1

Перечень традиционных ценностей, выделенных на основании Указа Президента Российской Федерации № 809

Table 1. List of traditional values highlighted on the basis of Decree of the President of the Russian Federation No. 809

Базовые ценности	Духовные Ценности	Социальные ценности	Политические ценности
жизнь	высокие нравственные идеалы	крепкая семья	права и свободы человека
справедливость	патриотизм	взаимопомощь	гражданственность
достоинство	ответственность за судьбу Отечества	взаимоуважение	служение Отечеству
милосердие	—	созидательный труд	—
гуманизм	—	коллективизм	—
Принципы формирования традиционных ценностей			
• приоритет духовного над материальным; • единство народов России; • преемственность поколений.			

Источник¹ / Source¹

Составлено авторами по материалам источника [Левашов, Великая, Шушпанова, 2022] / Compiled by the authors on the materials of the source [Levashov, Velikaya, Shushpanova, 2022]

Рис. 1. Ответ на вопрос: «Какие ценности могли бы лечь в основу возрождения Российской Федерации?»

Fig. 1. Answer to the question: "What values could form the basis of Russia's revival?"

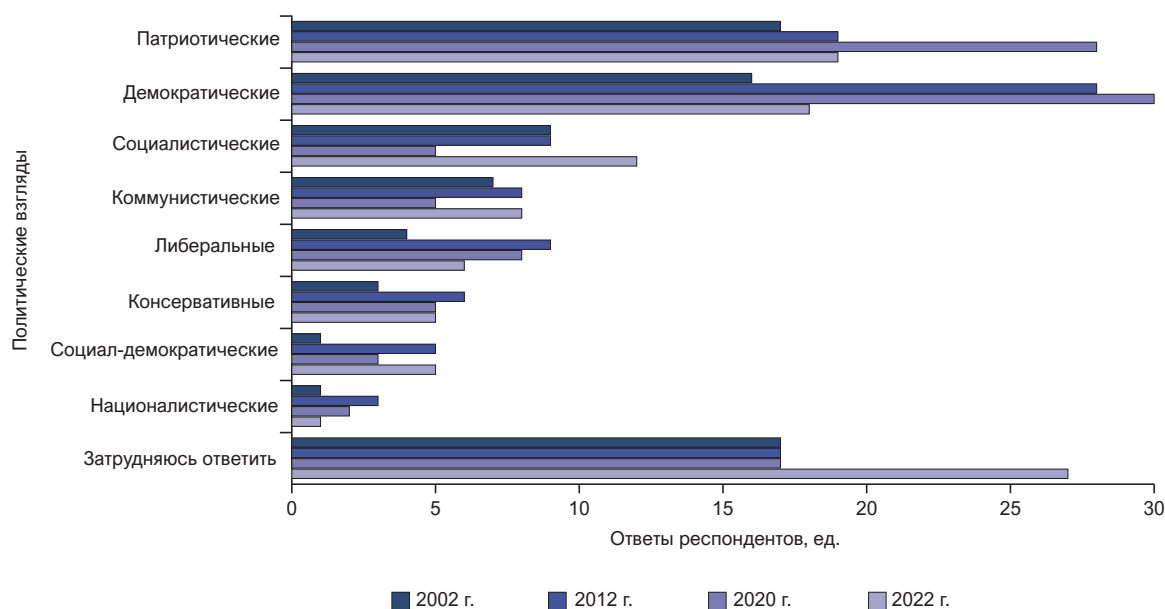
Далее мы установили перечень ценностей, который не указывается респондентами вообще, но является важным с точки зрения правящей власти: гражданственность, служение Отечеству, ответственность за его судьбу, жизнь, взаимоуважение, крепкая семья, достоинство, милосердие и гуманизм (табл. 1). Также выделим ценности, указанные респондентами, но оставленные без внимания авторами Указа: мир (27 %), порядок (22 %), законность (21 %), государственность (15 %), равенство (14 %), державность (10 %), духовность (10 %) [Левашов, Великая, Шушпанова, 2022]. Сравнение перечня ценностей, имеющих значение для государства и граждан, указывает на значительное расхождение приведенных позиций.

По нашему мнению, такие результаты связаны с тем обстоятельством, что ответственность за реализацию базовых ценностей респонденты в первую очередь связывают с уровнем личной активности, собственными возможностями и желаниями, тогда как установление мира, поддержание порядка и законности связаны непосредственно с деятельностью правящей элиты. Важным моментом является ценность, связанная с несением ответственности за судьбу Отечества, что, на наш взгляд, можно ожидать лишь от политически активных граждан, которые в полной мере

реализуют свои активные и пассивные права в электоральном процессе, однако стремление респондентов к державности не предполагает проявления активистской модели политического поведения.

Изучив наиболее часто встречающиеся ответы респондентов, мы не смогли установить деградацию ценностей, о которой так часто говорят в средствах массовой информации. На наш взгляд, стремление к законности, порядку, свободе, справедливости, миру и проявлению любви к Родине вполне нормально для любого общества. Данные ценности отмечаются респондентами при каждом опросе, а потому их можно считать устойчивыми. Также отметим тот факт, что демократические и консервативные ценности для россиян имеют одинаково высокую значимость.

Далее мы решили проверить, существует ли в социуме ценностный раскол, о котором также часто заявляют средства массовой информации. Результаты опросов, осуществленных группой В.К. Левашова по данной проблеме, неоднозначны (рис. 2) [Левашов, Великая, Шушпанова, 2022]. Так, с одной стороны, наметилась поляризация респондентов по тем политическим взглядам, которых они придерживаются. Например, выделяется значительная группа респондентов, позиционирующая себя в качестве граждан с патриотическими ценностями.

Составлено авторами по материалам источника [Левашов, Великая, Шушпанова, 2022] / Compiled by the authors on the materials of the source [Levashov, Velikaya, Shushpanova, 2022]

Рис. 2. Ответ на вопрос: «Каких политических взглядов Вы придерживаетесь?»

Fig. 2. Answer to the question: "What political views do you hold?"

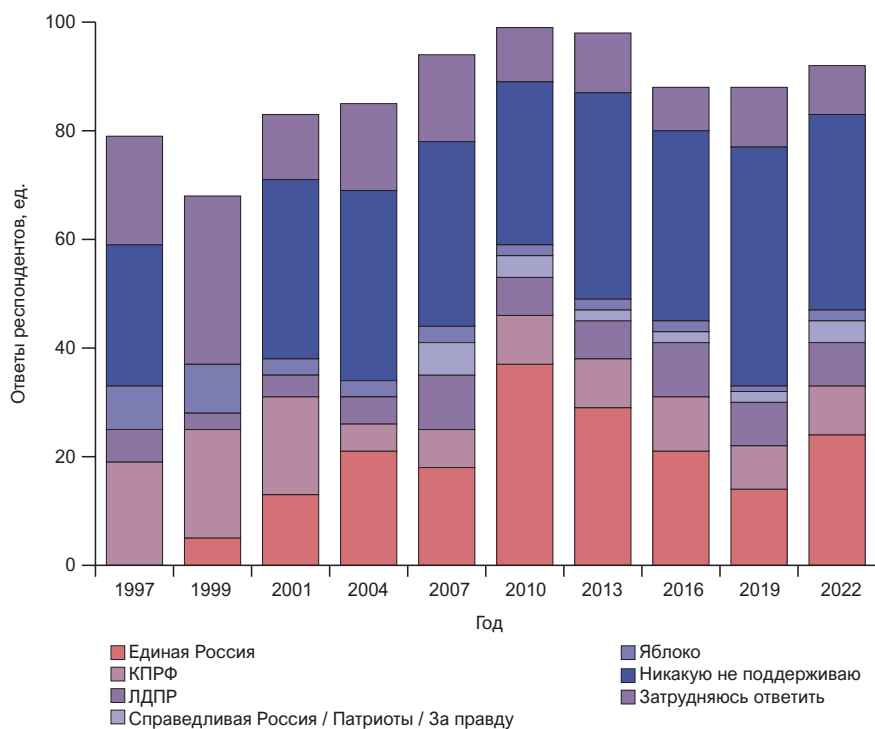
Вторая группа отстаивает демократические ценности. Третью группу респондентов составляют неопределившиеся, иначе говоря, аполитичные граждане, и она сильно выросла за последнее время. Встает несколько вопросов:

- 1) насколько справедливым будет признать сложившуюся ситуацию ценностным расколом;
- 2) отражаются ли политические взгляды россиян на уровне электоральной поддержки политических партий;
- 3) что вообще респонденты понимают под термином «патриотические взгляды»;
- 4) почему эти взгляды противопоставляются демократическим, коммунистическим или любым другим взглядам.

Изучив уровень электоральной поддержки, продемонстрированный респондентами в процессе опроса (рис. 3), мы установили, что большая часть опрошенного населения не испытывает потребности и желания взаимодействовать с политической системой страны посредством политических партий. Так, в 2022 г. 36 % респондентов заявили об отказе поддерживать имеющиеся политические партии, при этом только 24 % респондентов выражали поддержку наиболее востребованной партии «Единая Россия». Данные результаты могут быть связаны с традиционно низким уровнем институционального доверия политическим партиям.

Еще одной тенденцией является наличие достаточно высокого процента неопределившихся. Так, в 2022 г. количество неопределившихся респондентов составило 9 % опрошиваемых, что соответствует уровню поддержки Коммунистической партии Российской Федерации (9 %) и превышает показатель поддержки таких партий, как Либерально-демократическая партия России (8 %), «Яблоко» (2 %), «Справедливая Россия-Патриоты-За правду» (4 %) [Левашов, Великая, Шушпанова, 2022].

Далее мы решили установить смысловую нагрузку, которую респонденты вкладывают в понятие «патриотизм», и выяснили, что спектр интерпретаций данного понятия крайне обширен (рис. 4). Патриотизм понимается в широком и узком смысле слова по-разному. Так, для одних респондентов данное понятие связано с любовью к Родине вообще, для других — это привязанность к локальному месту рождения или проживания. Некоторые опрошиваемые ассоциируют патриотизм с религией или проявлением почтения к своему народу, другие связывают его с культурным нематериальным наследием страны. Самое парадоксальное, что ни одна из приведенных интерпретаций не исключает демократических, консервативных, социалистических или любых других политических взглядов, следовательно, противопоставление указанных ценностей создается искусственным путем, а точнее при помощи суггестивных политических технологий.

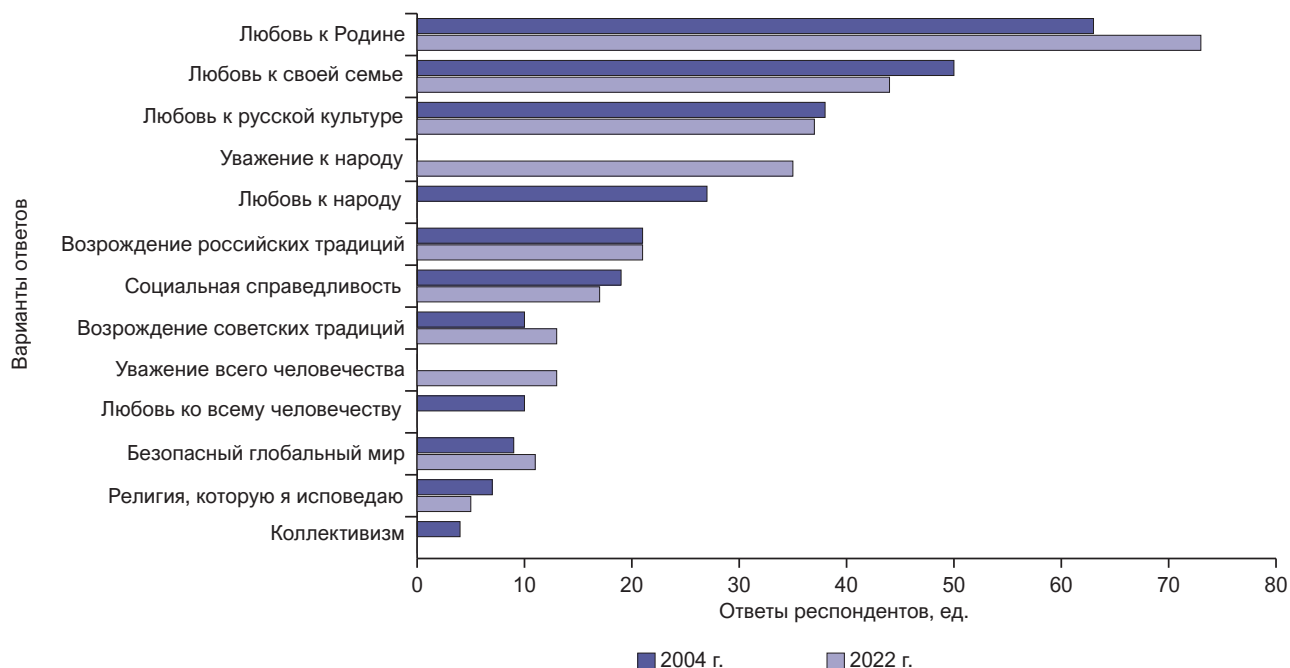

Примечание: КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации, ЛДПР – Либерально-демократическая партия России

Составлено авторами по материалам источника [Левашов, Великая, Шушпанова, 2022] / Compiled by the authors on the materials of the source [Levashov, Velikaya, Shushpanova, 2022]

Рис. 3. Ответ на вопрос: «Какие политические партии Вы поддерживаете?»

Fig. 3. Answer to the question: “Which political parties do you support?”

Составлено авторами по материалам источника [Левашов, Великая, Шушпанова, 2022] / Compiled by the authors on the materials of the source [Levashov, Velikaya, Shushpanova, 2022]

Рис. 4. Ответ на вопрос: «Как Вы понимаете слово “патриотизм”?»

Fig. 4. Answer to the question: “How do you understand the word “patriotism”?”

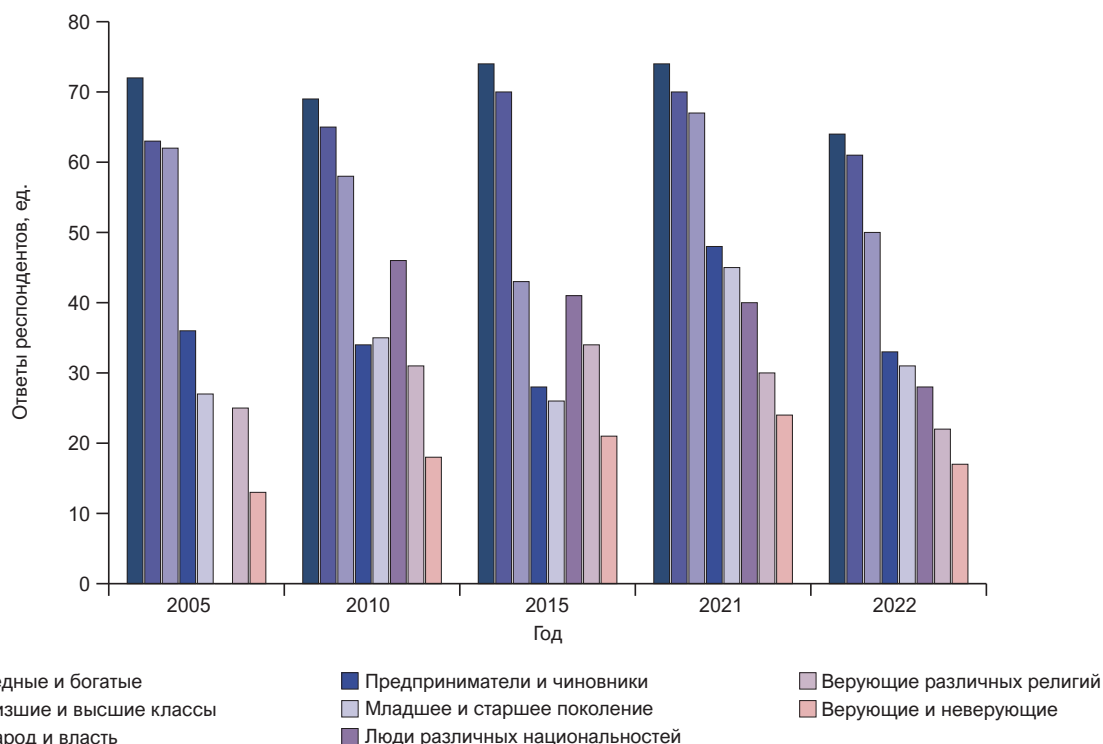
Далее мы решили выяснить, ощущают ли респонденты общественные противоречия и, если противоречия ими ощущаются, связаны ли они с ценностным аспектом. Ответы опрашиваемых на этот счет разнообразны (рис. 5). Ценностные аспекты, безусловно, присутствуют. Так, выделяются противоречия между поколениями, верующими и атеистами, верующими различных религий, между представителями разных национальностей, однако наиболее ярко выделяются противоречия между богатыми и бедными, народом и властью, а также низшими и высшими классами. Проанализировав мнение респондентов о наиболее значимых противоречиях, существующих в современном российском обществе, можно сделать вывод о том, что большинство из них лежат не в сфере ценностей, но в сфере политических предпочтений и оценок актуальных политических событий. Также можно отметить социальную напряженность, возникшую на почве перераспределения ресурсов.

Далее мы решили установить тип общественно-политического строя, наиболее предпочтительного для современной России с точки зрения респондентов (рис. 6). Ответы показали три основные тенденции.

1. Число сторонников возвращения к социалистическому строю существенно увеличивается. По нашему мнению, этому способствуют эффек-

тивное влияние пропаганды, а также сопутствующие факторы, например, высокий рост тревожности населения, связанный в том числе со снижением доходов (в 2022 г. этот показатель отмечали 50 % респондентов, еще 58 % отметили рост цен на продукты питания, 30 % отмечали повышение тарифов на услуги ЖКХ, 27 % — страх перед будущим, 27 % — высокий уровень инфляции) и подсознательное желание получить защиту от государства. Кроме того, в последние годы исследователями отмечаются высокий уровень так называемых социально одобряемых ответов. Их процент установить затруднительно, однако косвенным образом их выявить возможно. В частности, в материалах В.К. Левашова представлены данные об уровне экономического положения граждан в период с 2005 г. по 2022 г. респондентам предлагалось оценить уровень достатка своей семьи.

Наиболее популярным ответом является причисление своей семьи к группе со средним уровнем достатка (в 2022 г. этот показатель составил 61 % опрошенных). По нашему мнению, такая самооценка не может считаться объективной, однако респондентам бывает неловко себя причислять к людям с низким или очень высоким уровнем достатка, поэтому они склоняются к нейтральному ответу.

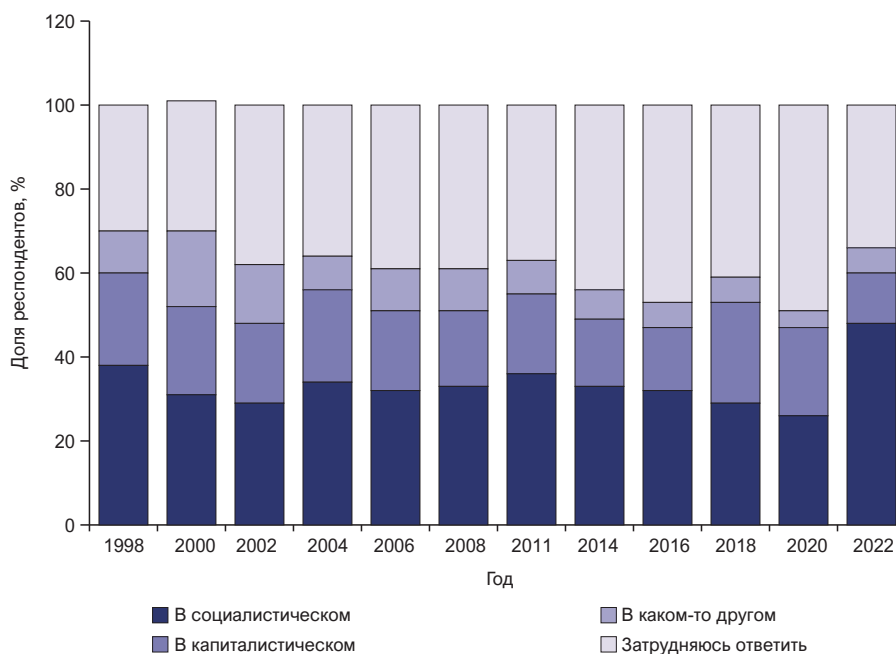
Составлено авторами по материалам источника [Левашов, Великая, Шушпанова, 2022] / Compiled by the authors on the materials of the source [Levashov, Velikaya, Shushpanova, 2022]

Рис. 5. Ответ на вопрос: «Насколько значительны противоречия в современном российском обществе?» (вариант ответа: «значительны»)

Fig. 5. Answer to the question: "How significant are the contradictions in modern Russian society?" (answer option is "significant")

2. Отмечается существенное снижение респондентов, предпочитающих жить в капиталистической стране.

3. Остается высокий процент тех респондентов, которые не имеют сформированной позиции по данному поводу.

Составлено авторами по материалам источника [Левашов, Великая, Шушпанова, 2022] / Compiled by the authors on the materials of the source [Levashov, Velikaya, Shushpanova, 2022]

Рис. 6. Ответ на вопрос: «Какой общественно-политический строй Вы считаете наиболее предпочтительным для современной Российской Федерации?»

Fig. 6. Answer to the question: "Which socio-political system do you consider the most preferable for modern Russia?"

Закключение / Conclusion

Проведенное исследование позволяет авторам сделать следующие выводы.

1. Процесс трансформации общекультурных и политических ценностей является закономерным и чаще всего обусловлен политическими интересами правящей власти.

2. Современный виток трансформации общекультурных и политических ценностей России можно рассматривать, с одной стороны, как стремление вернуться к историческим истокам, а с другой — как фактор социально-политического конфликта, который уже начал пагубно сказываться на развитии страны.

3. Результаты проведенного исследования показывают, что ценности, принятые в качестве традиционных, и ценности, выделенные респондентами в качестве значимых, по большинству позиций совпадают, однако существуют и весомые ценностные различия. Например, такие ценности, как гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, жизнь, взаимоуважение, крепкая

семья, достоинство, милосердие и гуманизм, респонденты в процессе опроса не отмечали.

4. Непосредственная угроза деградации ценностей российского общества не выявлена, так как стремление к законности, порядку, свободе, справедливости, миру и проявлению любви к Родине нормально для любого общества.

5. Риски, связанные с возможным расколом социума, являются умеренными. Результаты социологического исследования позволяют сделать вывод о том, что в обществе возникла поляризация политических взглядов одной части общества, однако все больше увеличивается уровень апатичности другой.

6. Итоги социологического измерения позволили сделать вывод о том, что демократические и консервативные ценности для россиян имеют одинаково высокую значимость, что объясняется культурно-политической дифференциацией населения страны, а также текущей политической и экономической ситуацией.

Список литературы

- Асп Э. Введение в социологию. СПб: Алетея; 2000. 248 с.
- Багдасарян Н.Г., Козлова М.А., Шушанян Н.Р. Социология: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт; 2014. 595 с.
- Баева Л.В. Аксиология неклассической и постнеклассической эпохи. https://astresearch.narod.ru/conference_baeva.htm (дата обращения: 01.09.2023).
- Беликова Е.А., Злотникова Е.В., Ницевич В.Ф. Актуальные вопросы политического управления электоральным участием студенческой молодежи в России. Управление. 2022;4(10):80–88. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-3-80-88>
- Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: Директ-Медиа; 2009. 734 с.
- Винарский А.В., Ходонов А.С. Либеральный и этатистский комплексы в структуре политических ценностей современных россиян. В кн.: Рябов А.В., Курбангалиева Е.Ш. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М.: Дом интеллектуальной книги; 2003. С. 113–156.
- Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. Пер. с нем. Михайлов А.В. М.: Директ-Медиа; 2007. 1562 с.
- Ивин А.А. Человеческие предпочтения. М.: ИФРАН; 2010. 122 с.
- Ивин А.А., Никитина И.П. Классическое и неклассическое определения ценности. Философия и социальные науки. 2014;1:17–20.
- Левашов В.К. Великая Н.М., Шушпанова И.С. Как живешь, Россия? М.: ФНИСЦ РАН; 2022. 91 с.
- Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М.: РОССПЭН; 2007. 438 с.
- Рокич М. Методика «Ценностные ориентации». В кн.: Большая энциклопедия психологических тестов. М.: Эксмо; 2009. С. 26–28.
- Селезнев Ю.В. Русские внуки Половецких князей (к вопросу о Половецких родственных связях в политической борьбе на Руси в XI – первой половине XIII вв.). Золотоордынское обозрение. 2019;2(7):225–241. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-2.225-241>
- Смирнов Л.М. Базовые ценности и «антиценности» современных россиян. В кн.: Рябов А.В., Курбангалиева Е.Ш. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М.: Дом интеллектуальной книги; 2003. С. 17–28.
- Трущева А.А. Консервативные ценности российских граждан и членов партии «Единая Россия»: политико-культурный анализ. Дис. ... канд. полит. наук: 22.00.03. М.: Московский государственный университет; 2016. 206 с.
- Чанышев А.А. История политических учений. М.: Проспект; 2005. 591 с.
- Цыганков П.А. Универсальные ценности в мировой и внешней политике. М.: Московский государственный университет; 2012. 208 с.

References

- Asp E. Introduction to Sociology. Saint Petersburg: Aleteya; 2000. 248 p. (In Russian).
- Baeva L.V. Axiology of the non-classical and post non-classical epoch. https://astresearch.narod.ru/conference_baeva.htm (accessed 01.09.2023). (In Russian).
- Baghdasaryan N.G., Kozlova M.A., Shushanyan N.R. Sociology. Moscow: Yurait; 2014. 595 p. (In Russian).
- Belikova E.A., Zlotnikova E.V., Nitsevich V.F. Political management of youth students' electoral participation in Russia: topical issues. Upravlenie / Management (Russia). 2022;4(10):80–88. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-3-80-88> (In Russian).
- Bentham I. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. Moscow: Direct-Media; 2009. 734 p. (In Russian).
- Chanyshv A.A. History of political doctrines. Moscow: Prospect; 2005. 591 p. (In Russian).
- Herder I.G. Ideas for the Philosophy of the History of Mankind. Trans. from German. Mikhailov A.V. Moscow: Direct-Media; 2007. 1562 p. (In Russian).
- Ivin A.A. Human preferences. M.: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 2010. 122 p. (In Russian).
- Ivin A.A., Nikitina I.P. Classical and non-classical definitions of value. Philosophy and social sciences. 2014;1:17–20. (In Russian).
- Mikeshina L.A. Epistemology of values. Moscow: ROSSPEN; 2007. 438 c. (In Russian).
- Levashov V.K. Velikaya N.M., Shushpanova I.S. How do you live, Russia? Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; 2022. 91 p. (In Russian).
- Rokich M. Value orientations methodology. In: Bolshaya encyclopedia of psychological tests. Moscow: Eksmo; 2009. Pp. 26–28. (In Russian).
- Seleznev Ju.V. The Rus grandchildren of the Polovtsian princes (the question of Polovtsian kinship in the political struggle in Rus from the 11th to the first half of the 13th century). Golden Horde Review. 2019;2(7):225–241. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-2.225-241> (In Russian).
- Smirnov L.M. Basic values and “anti-values” of modern Russians. In: Ryabov A.V., Kurbangaleeva E.Sh. Basic values of Russians: Social attitudes. Life strategies. Symbols. Myths. Moscow: House of Intellectual Book; 2003. Pp. 17–28. (In Russian).
- Trushcheva A.A. Conservative values of Russian citizens and members of the Edinaya Rossiya party: Political and cultural analysis: Diss. ... Cand. Sci. (Polit.): 22.00.03. Moscow: Moscow State University; 2016. 206 p. (In Russian).
- Tsygankov P.A. Universal values in world and foreign policy. Moscow: Moscow State University; 2012. 208 p. (In Russian).
- Vinarsky A.V., Khodonov A.S. Liberal and etatist complexes in the structure of modern Russians' political values. In: Ryabov A.V., Kurbangaleeva E.Sh. Basic values of Russians: Social attitudes. Life strategies. Symbols. Myths. Moscow: House of Intellectual Book; 2003. Pp. 113–156. (In Russian).

УДК 321

DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-149-156>

Получено: 04.09.2023

Статья доработана после рецензирования: 15.11.2023

Принято: 24.11.2023

Политическая активность населения России в первой трети XX в. на примере движения за создание Крестьянского союза

Чувардин Герман Сергеевич¹

Д-р ист. наук, проф. каф. истории России

ORCID: 0000-0002-7706-3419, e-mail: wodantag@mail.ru

Иванов Владимир Геннадьевич²

Д-р полит. наук, доц. каф. государственного и муниципального управления

ORCID: 0000-0002-3650-5460, e-mail: ivanov_vg@pfur.ru

Нестерчук Ольга Алексеевна²

Д-р полит. наук, проф. каф. публичной политики и истории государства и права

ORCID: 0000-0002-8776-2694, e-mail: nesterchuk_oa@pfur.ru

Ницевич Виктор Францевич³

Д-р полит. наук, зам. дир. научно-исследовательского института государственной политики и управления отраслевой экономикой

ORCID: 0000-0002-1668-3067, e-mail: dr.nitsevich@mail.ru

Судоргин Олег Анатольевич³

Д-р полит. наук, проф. каф. государственного управления и политических технологий

ORCID: 0000-0001-7670-7238, e-mail: oa_sudorgin@guu.ru

¹Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302026, Комсомольская ул., 95, Орел, Россия²Российский университет дружбы народов, 117198, Миклухо-Маклая ул., 6, Москва, Россия³Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье говорится о развитии политической активности крестьянства в России первой трети XX в. Раскрываются причины и суть Крестьянского союза в революционных событиях 1905–1907 гг. и 1917 г., Гражданской войны и в период проведения новой экономической политики. Выделяются периоды политической активности крестьянства, обусловленные трансформацией государственной политики в деревне. Начиная с 1905 г., власть пыталась вовлечь крестьянство в политическую повестку. Однако политизацию невозможно было контролировать в условиях революции. Политической активностью крестьянства пользовались оппозиционные силы, эсеры и большевики, предложившие понятную для крестьянской социальной психологии программу. Третьеиюньская монархия приостановила деятельность Крестьянского союза. В феврале 1917 г. работа съезда продолжилась под контролем эсеров. В августе 1917 г. Крестьянский съезд принял эсеровские программные документы. Призывы создать союз в Гражданскую войну проходили на фоне разочарования крестьян политикой «военного коммунизма». В 1921 г. идея создания Крестьянского союза возродилась. Противоречивость большевистской политики, концепция «смычки» города и деревни, нарастание «чрезвычайщины» и кризисы новой экономической политики на фоне предоставления крестьянам относительной экономической свободы привели к росту требований крестьян в защиту своих экономических прав и создания организаций, напоминавших профсоюзы в городе. Институционально эти требования не были оформлены. Движение охватило все слои деревни. Всплеск требований Объединенного государственного политического управления датирован 1927–1928 гг. Он обусловлен переходом к коллективизации. Сделан вывод о том, что, несмотря на отсутствие концепции Крестьянского союза, разнообразие требований, различное понимание объединения в сельском обществе, движение за его создание свидетельствовало о возросшей социально-политической активности населения. Когда государственная политика обозначила сворачивание принципов новой экономической политики, количество голосов в поддержку союза возросло. Был очевиден рост социально-политической напряженности в селах. Партия начала проводить политику социального раскола в деревне, чтобы не допустить радикализацию настроений.

Ключевые слова: политическая активность, крестьянство, Крестьянский союз, революция 1905–1907 гг., неп, власть, политика

Для цитирования: Чувардин Г.С., Иванов В.Г., Нестерчук О.А., Ницевич В.Ф., Судоргин О.А. Политическая активность населения России в первой трети XX в. на примере движения за создание Крестьянского союза // Управление. 2023. Т. 11. № 4. С. 149–156. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-149-156

© Чувардин Г.С., Иванов В.Г., Нестерчук О.А., Ницевич В.Ф., Судоргин О.А., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная

<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Received: 04.09.2023

Revised: 15.11.2023

Accepted: 24.11.2023

Russian population's political activities in the first third of the XX century on the example of the Peasant Union creation movement

German S. Chuwardin¹

Dr. Sci. (Hist.), Prof. at the Russian History Department
ORCID: 0000-0002-7706-3419, e-mail: wodantag@mail.ru

Vladimir G. Ivanov²

Dr. Sci. (Polit.), Prof. at the Public and Municipal Administration Department
ORCID: 0000-0002-3650-5460, e-mail: ivanov_vg@pfur.ru

Olga A. Nesterchuk²

Dr. Sci. (Polit.), Prof. at the Public Policy and History of State and Law Department
ORCID: 0000-0002-8776-2694, e-mail: nesterchuk_oa@pfur.ru

Viktor F. Nitsevich³

Dr. Sci. (Polit.), Deputy Director of the Research Institute for Public Policy and Sectoral Economy Management
ORCID: 0000-0002-1668-3067, e-mail: dr.nitsevich@mail.ru

Oleg A. Sudorgin³

Dr. Sci. (Polit.), Prof. at the Public Administration and Political Technologies Department
ORCID: 0000-0001-7670-7238, e-mail: oa_sudorgin@guu.ru

¹Orel State University named after I.S. Turgenev, 95, Komsomolskaya ul., Orel 302026, Russia

²Peoples' Friendship University of Russia, 6, Miklukho-Maklaya ul., Moscow 117198, Russia

³State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

Abstract

The article studies peasantry's political activities development in Russia in the first third of the XX century. The reasons and the essence of the Peasant Union in the revolutionary events of 1905–1907 and 1917, the Civil War and in the period of the new economic policy have been revealed. The periods of peasantry's political activities, conditioned by the state policy transformation in village, have been distinguished. Starting from 1905, the authorities tried to involve peasantry in the political agenda. However, politicization could not be controlled in the conditions of the revolution. Peasantry's political activities were used by the opposition forces, the SRs and Bolsheviks, who proposed a program understandable to the peasant social psychology. The Third Monarchy suspended the Peasant Union activities. In February 1917, the Union work continued under the control of the SRs. In August 1917, Peasant Congress adopted the SR program documents. Calls to create a union during the Civil War took place against the background of peasants' disillusionment with the "war communism" policy. In 1921, the idea of creating the Peasant Union was revived. Contradictory nature of Bolshevik policy, the concept of "interlocking" between city and countryside, growing "emergency" and crises of the new economic policy against the background of granting peasants relative economic freedom led to peasant demands growth for protecting their economic rights and creating organizations that resembled trade unions in city. These demands were not institutionalized. The movement reached all strata of village. The surge of demands of the United State Political Department dates from 1927–1928. It is conditioned by the transition to collectivization. It has been concluded that, despite the lack of the Peasant Union concept, diversity of demands, different understanding of association in rural society, movement for its creation testified to increased socio-political activity of the population. When the state policy outlined the rollback of the new economic policy principles, the number of votes in favor of the Union increased. The growth of socio-political tension in villages was evident. The Party began to pursue a policy of social division in villages to prevent radicalization of sentiments.

Keywords: political activity, peasantry, Peasant Union, Russian revolution of 1905–1907, new economic policy, government, politics

For citation: Chuwardin G.S., Ivanov V.G., Nesterchuk O.A., Nitsevich V.F., Sudorgin O.A. (2023). Russian population's political activities in the first third of the XX century on the example of the Peasant Union creation movement. *Upravlenie / Management (Russia)*, 11 (4), pp. 149–156. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-149-156

Введение / Introduction

XX в. в России с революционными потрясениями и политической трансформацией отличался беспрецедентным ростом политической активности населения. В то столетие государство вступило как аграрная страна. Сельское население значительно преобладало над городским, составляя 85 % [Анфимов, Корелин, 1995]. Примечательно, что полвека назад крестьянство как основная масса населения находилось еще в крепостной зависимости. Беспрецедентный рост политической активности крестьян был обусловлен революционной трансформацией страны.

Институциональным оформлением политической активности стало движение за создание Крестьянского союза. Оно прошло несколько этапов:

- 1) Революция 1905–1907 гг.;
- 2) Революция 1917 г.;
- 3) новая экономическая политика 1921–1928 гг.

Дискуссии относительно роли Крестьянского союза и масштабного движения за его создание в исследовательской среде стали возможны благодаря архивному буму 1990-х гг. и введению в оборот рассекреченных источников. Они носят междисциплинарный характер, привлекая внимание как политологов, так и историков.

Создание и деятельность Крестьянского союза в Революции 1905–1907 гг. / Creation and activities of the Peasant Union in the Revolution of 1905–1907

Политическая активность крестьянства в виде создания Крестьянского союза проявилась во время Революции 1905–1907 гг. Издание «Историк Марксист» в 1927 г. связывало это с установившейся партийной аксиомой — борьбой крестьянства как союзника пролетариата за свои права: «Крестьянский союз зародился в период Первой русской революции 1905 г. — то есть на том этапе развертывающейся борьбы пролетариата, когда завязывался союз рабочего класса со всей крестьянской массой против остатков крепостничества, против помещиков и дворянско-помещичьей власти»¹.

Однако исторические реалии ставят под сомнение большую политизированность крестьянства в начале 1905 г. Революция только разворачивалась, в основном в формате рабочего движения, и ее разрушительные последствия еще сложно было представить. Актуальной проблемой для власти была неудачно продолжающаяся русско-японская война

1904–1905 гг. На этом политическом фоне генерал-губернатор Москвы А.А. Козлов весной 1905 г. инициировал патриотические обращения со стороны крестьянских обществ, которые традиционно рассматривались как более лояльная к монархии категория населения. В крестьянских адресах выражалось желание продолжать войну. Однако типичная в условиях мирного времени практика возымела противоположный эффект в контексте социально-политической нестабильности: подмосковные крестьяне стали писать жалобы.

После неудачной попытки власти показать лояльность крестьянства к войне, то есть и к правительственному курсу (политическая конструкция России начала XX в. опиралась на военно-политическую элиту), организационно за сельских представителей взялись эсеры. Крестьяне составляли основу их социальной базы, и основные программные требования эсеров строились на основе свободы и экономического благополучия крестьянства.

В мае 1905 г. в России политическая инициатива и самоорганизация социальных групп выражалась в появлении профессиональных съездов, в том числе появился не без помощи эсеров Крестьянский съезд в Москве. Во время его работы в мае 1905 г. был создан Крестьянский союз Московской губернии. Летом аналогичные союзы стали масштабироваться по российским регионам.

Институционально общественно-политическая активность крестьянства была оформлена в 13–14 августа 1905 г. В Москве нелегально состоялся Учредительный съезд Всероссийского крестьянского союза. Советский историк-аграрник А.В. Шестаков писал: «С 31 июля по 1 августа 1905 года в Москве был проведен Учредительный (он же первый) съезд Всероссийского крестьянского союза. Он прошел нелегально, делегаты собирались на частных квартирах. Среди них были представители крестьянских союзов 22 губерний, в основном центральных и чисто русских. На съезде было более 100 человек»². Учредительный съезд утвердил структуру Крестьянского Союза. Во главе находился Главный комитет, ему подчинялись губернские комитеты, далее в соответствии с административным делением шли уездные, волостные и сельские. Для координации работы должны были созываться всероссийские, областные и губернские съезды.

Влияние на крестьянство на Учредительном съезде оказывали не только эсеры, но и социал-демократы. Соответственно, всплыла политическая повестка: требование созыва Учредительного собрания и даже

¹ Шестаков А.В. Всероссийский Крестьянский союз. Исторический очерк. Режим доступа: https://sergeyhry.narod.ru/im/im1927_05_05.htm?ysclid=lq0c4xkzlu366369240 (дата обращения: 31.08.2023).

² Там же.

предложение демократической революции (последнее было отклонено большинством голосов).

Таким образом, возникновение Крестьянского союза связано с деятельностью различных политических сил, стремившихся установить контроль над крестьянством ради достижения своих целей. Нельзя не согласиться с мнением современного исследователя политических движений России первой трети XX в. А.А. Куренышева, который считал, что «создание Всероссийского Крестьянского союза нельзя рассматривать исключительно как результат самостоятельности крестьянства или как инициативу либеральной и народнической интеллигенции. Союз возник в результате взаимодействия разных социальных и политических сил и обстоятельств первой российской революции» [Куренышев, 2004].

После Манифеста 17 октября, то есть легализации деятельности политических партий и начала построения института конституционной монархии, 6–10 ноября в Москве прошел второй съезд (делегатское совещание) Крестьянского союза. География участников была расширена — 187 делегатов из 27 губерний, включая представителей Белоруссии. Съезд показал радикализацию настроений участников и изменение их повестки. Например, в постановлении обозначалось непредоставление сельских приговоров на утверждение земских начальников, непредоставление чиновникам денег и квартир, невыплата налогов и податей, смена местной крестьянской власти и т.д.³. Это говорит об изменении направленности вектора крестьянской активности с общегосударственных масштабных проблем на узкосоциальные и даже бытовые вопросы. Это свидетельствует о большем личном участии самих крестьян, нежели о подмене крестьянских требований лозунгами профессиональных политиков.

Опыт создания Крестьянского союза показал, что в 1905 г. в нем были заинтересованы как проправительственные, так и оппозиционные круги. Очевидно, что цели обращения к крестьянству как основной массе населения были различны. В итоге мы видим возросшую политическую активность и стремление к общественно-политической самоорганизации сельского населения. Общая численность участников составляла 200 тыс. чел. [Куренышев, 2004].

Крестьянский союз во время Революции 1917 г. / The Peasant Union during the 1917 Revolution

Консервативная реставрация в России в период Третьеиюньской монархии приостановила деятельность Крестьянского союза, которая, по сути, не вышла за рамки декларации намерений. Однако во время следующего витка революционной волны — февральских событий 1917 г. — работа съезда продолжилась. Как и весной 1905 г., весной 1917 г. Временное правительство исходило из необходимости продолжить войну (в данном случае Первую мировую войну) и предотвратить активность крестьян в отношении помещичьих земель. Был образован Главный комитет, в который, помимо бывших руководителей Крестьянского союза, вошли деятели кооперации, эсеры, меньшевики. Комитет составил обращение к сельским жителям, призывая сплотиться и поддержать членов Временного правительства, курс которого строился на двух основаниях: ведение войны до победного конца и нерешение аграрного вопроса до Учредительного собрания.

Поощрение крестьянской инициативы со стороны правительственных сил продолжалось недолго, так как события 1917 г. вращали калейдоскоп политических сил и общественно-политический баланс менялся молниеносно.

С 13 по 19 августа в Москве был созван съезд Крестьянского союза. Политические силы левого толка (эсеры, большевики) стремились распространить свое влияние на участников союза, которые были представлены 316 делегатами из 33 губерний и 34 воинских частей. Главный комитет хотел сохранить свою линию. Присутствующие участники из Всероссийского и Московского советов обвиняли друг друга в расколе. В результате многие участники съезда покинули его. Оставшиеся делегаты приняли эсеровские программные документы, положив в основу главный тезис о «социализации земли».

До октября 1917 г. стремление распространить влияние и заявить о своей позиции реализовывалось членами Крестьянского союза посредством издания «Голоса Крестьянского союза». Тем не менее с приходом к власти большевиков в октябре 1917 г. издание, как и союз, официально прекратили существование. Опыт политической школы и борьбы за самоорганизацию и свои права привел к тому, что во время Гражданской войны в 1918–1922 гг. на фоне возмущения продразверсткой и в целом «военным коммунизмом» снова раздавались призывы о созыве представительного органа власти крестьян и это зафиксировали документы Объединенного государственного политического

³ Советская историческая энциклопедия. Крестьянский союз Всероссийский. Режим доступа: https://gufo.me/dict/history_encyclopedia/крестьянский_союз_всероссийский (дата обращения: 31.08.2023).

управления (далее — ОГПУ) [Берелович, Данилов, 2000].

Движение Крестьянского союза в начале 1920-х гг. / The Peasant Union movement in the early 1920s

С началом проведения новой экономической политики (далее — неп) в 1921 г. возродилась идея создания Крестьянского союза. Период непа — довольно интересный аспект в изучении взаимоотношения крестьянства и власти. По своей социальной природе большевики были ориентированы на рабочих, в крестьянстве всегда видели отсталую мелкобуржуазную сущность. Ортодоксальные коммунисты воспринимали замену продрозверстки продналогом — главным импульсом непа — как вынужденное отступление. Тем не менее не считаться с крестьянством после Кронштадтского мятежа и «антоновщины» они не могли.

Неп не был концептуально выверенной политикой. Благодаря исследованиям конца XX — начала XXI вв. он предстает как антикризисная политика, как временный компромисс большевиков и крестьян, который в условиях политического укрепления Всесоюзной коммунистической партии большевиков (далее — РКП(б) с 1918 г. по 1925 г., ВКП(б) с 1925 г.), разгрома оппозиции, роста международной напряженности при первоочередной задаче модернизации и невозможности ее проведения за счет привлечения иностранного капитала должен был завершиться системой внеэкономического принуждения и эксплуатации ресурсов крестьянства.

Примечательно, что проведение форсированной индустриализации за счет крестьянства как «внутренней колонии» предлагалось видным советским политиком и экономистом Е.А. Преображенским уже в начале 1920-х гг. [Коэн, 1998]. В апреле 1925 года, который считается годом максимальных свобод крестьянства Н.Я. Бухарин сказал: «Обогащайтесь, развивайтесь, накапливайте свое хозяйство» [Коэн, 1988]. В декабре 1925 г. прошел XIV съезд ВКП(б), который называют «съезд индустриализации». Решения, принятые на нем, определили вектор большевистской политики в отношении крестьянства на сворачивание хозяйственной инициативы в пользу коллективизации. Эти «метания» власти определяли непоследовательность и противоречивость политики 1920-х гг. в отношении крестьянства.

Социально-политическое самочувствие крестьянства в тот период было неустойчивым. С одной стороны, власть отменой продрозверстки, фактическим восстановлением рыночных отношений шла навстречу крестьянам. С другой стороны, нарастание

«чрезвычайщины», обязательные хлебозаготовки, переобложение зажиточного крестьянства, неэквивалентный обмен между городом и деревней, фаворитизация бедноты — все это вызывало недоверие к власти и нарастание крестьянского сопротивления.

В результате Революции 1917 г., популизма большевиков, распространения грамотности возросли общественная активность и политизация крестьянства. К тому же большевики рассуждали о ценности «рабоче-крестьянского» блока и пропагандировали идею «смычки» города и деревни. Крестьяне не могли не задаваться вопросом почему рабочие имеют свои объединения — профсоюзы, которые отстаивают их интересы, а они — нет.

По данным Объединенного государственного политического управления (далее — ОГПУ), уже в 1922–1923 гг. появились призывы к созданию Крестьянского союза. К 1924 г. в Центральном Черноземье было отмечено 60 случаев агитации за его создание⁴. Рост подобных настроений во многом спровоцировала сама партия. Согласно решению Октябрьского пленума 1924 г. была развернута кампания по «оживлению» советов. Ее суть заключалась в создании вокруг советов лояльной группы крестьян, в основном из бедноты и вовлечения беспартийных крестьян в ряды РКП(б), что являлось для последних определенным лифтом социальной мобильности⁵. Однако кампания проводилась противоречиво. Допустить свободные выборы для партийных функционеров означало потерять контроль над деревенским сообществом, которое стремилось к самоуправлению. В результате крестьяне потеряли интерес к выборам, их пришло меньше, чем в 1923 г. Тем не менее активная политическая позиция, которую подпитывали партийцы, привела к усилению голосов за создание своих крестьянских организаций.

Движение Крестьянского союза охватило в первую очередь губернии, откуда были делегаты съездов в 1905 г. (Московская, Калужская, Ярославская, Иваново-Вознесенская, Рязанская, Воронежская, Нижегородская). В ОГПУ считали, что наиболее активными были торгово-промышленные центры и их окрестности, в связи с чем движение «имеет наносной, форсированный характер и пытается оформить пожелания зажиточного крестьянства под

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 32. Ед. хр. 19. Режим доступа: <http://rgaspi-site.dlibrary.org/ru/nodes/87-opis-32-informatsionnyy-otdel> (дата обращения: 31.08.2023).

⁵ Халецкий А., Жигалин Г. Оживление советов и задачи комсомола. Режим доступа: file:///C:/Users/ad_kaparchuk/Downloads/000199_000009_005524171-Оживление_Советов_и_задачи_комсомола.pdf (дата обращения: 31.08.2023).

флагом защиты крестьянства в целом»⁶. В крестьянском социуме вся ответственность возлагалась на «кулаков» и оппозицию. При этом внимательное изучение сводок ОГПУ демонстрирует вовлеченность различных категорий крестьянства.

«Кулаков» по данной сводке насчитывалось 17 чел., и они больше всего требовали защитить крестьянские интересы посредством создания альтернативной общественно-политической организации. Закономерен вопрос о четкости критериев социального деления в 1920-е гг. До коллективизации этот вопрос активно не прорабатывался. Учитывая экономическую специфику регионов, не было понятно, кого конкретно можно отнести к «кулакам» [Гончарова, 2009]. В сводке бывшие коммунисты (исключенные в результате многочисленных «партийных чисток») учитываются вместе с представителями антисоветских партий (12 чел.), существование которых в условиях однопартийной политической системы ставится под сомнение. По всей видимости, это категория нелояльных власти крестьян. В Орловском губернском комитете главными подстрекателями крестьян считали тех, кого выгнали из партии за недостойное поведение. Большинство голосов за создание Крестьянского союза исходило от работников сельских советов, зажиточных крестьян и «середняков» (28 чел.)⁷. Именно они являлись наиболее политически активной частью деревни в период нэпа, учитывая тенденцию «осереднячивания» деревни в ходе этой политики [Рогалина, 2013].

В документах 1924 г. требования Крестьянского союза воспринимались как отдельные эксцессы недовольных крестьян, не понимающих политику партии. Спустя год, в 1925 г., ОГПУ с опасением воспринимало данную политическую активность [Берелович, Данилов, 2000]. Одной из причин роста общественно-политического создания крестьян земледельческого центра был кризис неурожая 1924–1925 гг. Цены выросли, уровень жизни упал, в черноземную деревню вернулся голод [Гончарова, 2010].

Материалы XII Орловской губернской партийной конференции содержат примеры проявления в крестьянской среде требований к организации Крестьянского союза. В крестьянской резолюции (Болховский уезд) говорилось о том, что партия создавала в городе различные организации, между-

народные организации помощи борцам революции, профсоюзы и др. Крестьяне тоже должны были участвовать в этом строительстве, и, чтобы сеть союзов составляла единое целое, им нужны были свои крестьянские союзы⁸. В этом обращении крестьяне старались показать, что деревня не противопоставлялась городу, а дополняла его, но местные партийные сочли его контрреволюционным.

В целом крестьянские требования не содержали единой концепции. Это был ряд разноплановых требований, часто связанных не с политической, но с экономической деятельностью. Так, сельский житель перепутал союз с кооперативом, обратился в «Орловскую правду» и предложил «Крестьянский союз, куда крестьянин мог бы продать свой хлеб и где мог бы получить плуги и фабричные изделия»⁹.

По данным ОГПУ, наиболее распространенными были такие требования:

- «а) защита классовых интересов крестьянства путем организации крестьянских союзов по типу рабочих союзов — 40;
- б) становление в качестве основной задачи крестьянских союзов борьбу с рабочими — 15;
- в) замена крестьянских комитетов общественной взаимопомощи крестьянскими союзами — 15;
- г) необходимость создания крестьянской партии — 12;
- д) создание чисто крестьянской власти — 12;
- е) преследование защиты интересов исключительно зажиточных слоев деревни — 6»¹⁰.

Крестьян также волновали завышенные цены на промышленные товары, «социализация» (под которой подразумевалось землеустройство), бюрократизм в местных советах и т.п.

Стремление к самоорганизации сельских обывателей во многом опосредовалось неэффективной работой созданных государственных организаций в деревне, например, крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (далее — ККОВ). При этом чаще всего в крестьянском восприятии союз не должен был противостоять советской власти. В 1924 г. партия стала проводить политику под названием «Лицом к деревне», подразумевавшую серию

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 32. Ед. хр. 19. Режим доступа: <http://rgaspi-site.dlibrary.org/ru/nodes/87-opis-32-informatsionnyy-otdel> (дата обращения: 31.08.2023).

⁷ Государственный архив Орловской области. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1215. Л. 40. Режим доступа: <https://gaorel.ru/nsa/until1917> (дата обращения: 31.08.2023).

⁸ Государственный архив Орловской области. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1215. Л. 38. Режим доступа: <https://gaorel.ru/nsa/until1917> (дата обращения: 31.08.2023).

⁹ Государственный архив Орловской области. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1215. Л. 40. Режим доступа: <https://gaorel.ru/nsa/until1917> (дата обращения: 31.08.2023).

¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 32. Ед. хр. 19. Режим доступа: <http://rgaspi-site.dlibrary.org/ru/nodes/87-opis-32-informatsionnyy-otdel> (дата обращения: 31.08.2023).

шагов по укреплению рабоче-крестьянского блока и социальной опоры власти в деревне. Партийные работники отмечали, что крестьяне не понимали, «почему же партия и советская власть, стоя лицом к деревне, не организуют для крестьян Крестьянский союз», при этом верхушка деревни мыслила более масштабно: «Наряду с Центральным комитетом РКП(б) необходимо создать Центральный комитет беспартийного крестьянства, который бы давал, не вмешиваясь непосредственно, инструкции Центральному исполнительному комитету по установлению налогов и бюджета»¹¹.

Пик политической активности крестьянства в движении за создание Крестьянского союза в 1927–1928 гг. / The peak of the peasantry's political activities in the movement for the creation of the Peasant Union in 1927–1928

Всплеск акций за образование крестьянских союзов наступил во время ужесточения хлебозаготовительных кампаний и сворачивания нэпа с 1927 г. Н.И. Бухарин в ноябре 1927 г., когда до крестьян были доведены повышенные нормы хлебосдачи, констатировал острую постановку вопроса о крестьянском союзе [Бухарин, 1990]. Любые всплески политической активности воспринимались как угроза проводимому курсу и тщательно анализировались силовыми структурами. ОГПУ в Центральном Черноземье выводило преемственность крестьянского движения с Первой русской революцией и Гражданской войной, видело в нем эсеровское влияние и связь с «антоновщиной», особенно в Тамбовской губернии [Берелович, Данилов, 2000].

В центральной полосе России за осенне-зимний период 1927–1928 гг., когда начались проводиться жесткие хлебозаготовительные «кампании» и борьба с «кулаками», ОГПУ насчитало 112 выступлений [Берелович, Данилов, 2000]. Это свидетельствует о возросшей социально-политической активности деревни, но анализ требований, среди которых по-прежнему преобладали экономические интересы (льготные кредиты, страхование, адекватные цены на промышленную и сельскохозяйственную продукцию), не позволяет рассматривать это движение с позиции создания параллельной государственной структуры власти.

¹¹ Лозбенев И.Н. «Местные советы не понимают, что такое “Лицом к деревне”...». Документы федеральных и региональных архивов о политических настроениях сельского населения в годы нэпа. Режим доступа: <https://www.vestarchive.ru/2013-2/2617-lmestnye-sovety-ne-pomimaut-chto-takoe-licom-k-derevner-dokymenty-federalnyh-i-regional.pdf?ysclid=lpb10z4lfn871601502> (дата обращения: 31.08.2023).

Созданные в деревне и не признанные властью крестьянские союзы не выдвигали политические требования, но, скорее, были самостоятельными объединениями по аналогии с ККОВ, в которых очень быстро разочаровались. Логика крестьян была проста: если государство не может создать полноценные институты помощи деревни, они создадут их сами. В центрально-черноземной области (Воронежский уезд, Чижовская волость) в 1928 г. признали о существовании самостоятельных организаций. Они появились с начала проведения нэпа, но оставались не учтенными местными партийными органами. 300 хозяйственников объединились для решения своих экономических вопросов, создали кассу взаимопомощи, собирали членские взносы, придумали механизм страхования от потери скота. Очевидно, это и был самостоятельно организованный крестьянский союз без всяких признаков борьбы за политические права или свержение власти.

Однако в процессе модернизации на основе внеэкономического принуждения власть не могла допустить прецеденты негосударственных крестьянских организаций [Дьяков, 2001]. Курс на коллективизацию блокировал любую формы крестьянской самостоятельности в процессе огосударствления деревни.

Закключение / Conclusion

В первой трети XX в. человечество столкнулось с уникальным опытом политической активности крестьянства, оформившейся в движение Крестьянского союза. Он просуществовал недолго: появился во время Первой русской революции, возродился во время Революции 1917 г., в качестве «политического призрака», витал в деревне в период проведения нэпа. С самого зарождения идея такого союза находилась «под патронажем» власти. Мы видим заинтересованность в вовлечении крестьянства в борьбу политических течений уже во время революционных событий 1905–1907 гг.

Инициированная государственными структурами социально-политическая активность крестьянства в условиях революционных событий вышла из-под контроля и оказалась под пристальным вниманием оппозиционно настроенных сил. Крестьяне выступали с экономическими вопросами, эсеры и социал-демократы в свою очередь стремились их политизировать. После установления однопартийной системы выдвижение политических требований резко минимизировалось. В период проведения нэпа движение возродилось стихийно и росло на фоне активизации общественной позиции крестьянства большевиками и противоречивости всего социально-экономического курса.

Несмотря на отсутствие концепции Крестьянского союза, разнообразие требований, различное понимание этого объединения в сельском обществе, движение за его создание свидетельствовали о возросшей социально-политической активности крестьянства. В условиях колебания правительственного курса в период проведения нэпа представители сельского общества высказывались о создании организаций для обеспечения своих экономических интересов. Когда государственная политика обо-

значила сворачивание нэповских принципов и переход к коллективизации, количество голосов в поддержку союза возросло. Был очевиден рост социально-политической напряженности в селах. Партия начала проводить политику социального раскола в деревне, чтобы не допустить радикализации настроений. На этом фоне любая, даже незначительная политическая активность населения воспринималась как угроза.

Список литературы

- Анфимов А.М., Корелин А.П. (ред.). Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: Блиц; 1995. 416 с.
- Берелович А., Данилов В. (ред.). Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД: 1918–1939. Т. 2: 1923–1929. М.: РОССПЭН; 2000. 1168 с.
- Бухарин Н.И. Избранные произведения: Путь к социализму. Новосибирск: Наука; 1990. 493 с.
- Гончарова И.В. Крестьянская повседневность Центрального Черноземья в 1920-х годах. Диалог со временем. 2010;30:362–371.
- Гончарова И.В. Критерии выделения понятия «кулак» местной властью в конце 1920-х гг. (по материалам Центрального Черноземья). Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009;9(64):192–197.
- Дьяков Ю.Л. и др. «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М.: Институт российской истории РАН; 2001. 500 с.
- Коэн С., Бухарин: Политическая биография. 1888–1938. М.: Прогресс; 1988. 574 с.
- Куреньшев А.А. Всероссийский Крестьянский союз, 1905–1930 гг. Мифы и реальность. СПб: Дмитрий Буланин; 2004. 333 с.
- Рогалина Н.Л., Гончарова И.В. Крестьянское хозяйство Центральной России в 1920-е гг.: общее и особенное. В кн.: Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сборник статей международной научно-практической конференции, Коломна, 3–5 октября 2013 г. М.: Московский государственный областной социально-гуманитарный институт; 2013. С. 328–332.

References

- Anfimov A.M., Korelin A.P. (eds.). Russia, 1913. Statistical and documentary reference book. Saint Petersburg: Blitz; 1995. 416 p. (In Russian).
- Berelovich A., Danilov V. (eds.). Soviet village through the eyes of the All-Russian Extraordinary Commission, United State Political Department, and People's Commissariat for Internal Affairs: 1918–1939. Vol. 2: 1923–1929. M.: ROSSPEN; 2000. 1168 p. (In Russian).
- Bukharin N.I. Selected Works: The Path to Socialism. Novosibirsk: Nauka; 1990. 493 p. (In Russian).
- Goncharova I.V. Peasant everyday life of the Central Black Earth Region in the 1920s. Dialog with time. 2010;30:362–371. (In Russian).
- Goncharova I.V. Criteria for the allocation of the “kulak” concept by local authorities in the late 1920s (on the materials of the Central Black Earth Region). Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universitet. Series: History. Politology. Economics. Informatics. 2009;9(64):192–197. (In Russian).
- Dyakov Y.L. et al. “Top Secret”: Lubyanka to Stalin about the situation in the country (1922–1934). Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; 2001. 500 p. (In Russian).
- Cohen S. Bukharin: Political Biography. 1888–1938. Moscow: Progress; 1988. 574 p. (In Russian).
- Kurenyshev A.A. All-Russian Peasant Union, 1905–1930. Myths and reality. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin; 2004. 333 p. (In Russian).
- Rogalina N.L., Goncharova I.V. Peasant economy of Central Russia in the 1920s: General and special. In: State power and peasantry in the XIX – early XXI century: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference, Kolomna, October 3–5, 2013. Moscow: Moscow State Regional Social and Humanitarian Institute; 2013. Pp. 328–332. (In Russian).